

[Polaris]

Рой Чепмен

ЭНДРЮС

ПО СЛЕДАМ ДИНОЗАВРОВ

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХСVII

Salamandra P.V.V.

**Рой Чепмен
ЭНДРЮС**

**ПО
СЛЕДАМ
ДИНОЗАВРОВ**

Salamandra P.V.V.

Эндрюс Р. Ч.

По следам динозавров. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 212 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХСVII).

Первые находки ископаемых останков велоцираптора, овиратора, протоцератопса и пситтакозавра, открытие первых ставших известными науке яиц динозавров и древнейших млекопитающих — всем этим мы обязаны неутомимой энергии знаменитого американского натуралиста, путешественника, искателя приключений и автора многих увлекательных книг Роя Чепмена Эндрюса (1884-1960), которого часто называют «Индианой Джонсом» от палеонтологии. Сын провинциального торговца, Эндрюс начал свою карьеру мойщиком полов и ассистентом таксидермиста в Американском музее естественной истории и завершил ее директором этого музея, а в 1920-х гг. организовал ряд смелых и удивительных по размаху экспедиций в Китай и Монголию. В издание вошли две его книги, разделенные тридцатилетним промежутком — «По следам первобытного человека» и «Диковинные звери: О животных далекого прошлого».

**ПО СЛЕДАМ
ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА**

Р. Ч. Эндрьюс.
Ученый руководитель последней аме-
риканской экспедиции в Центр. Азию

Настоящая книга представляет собою предварительный беглый обзор работ Американской Центрально-Азиатской экспедиции на месте.

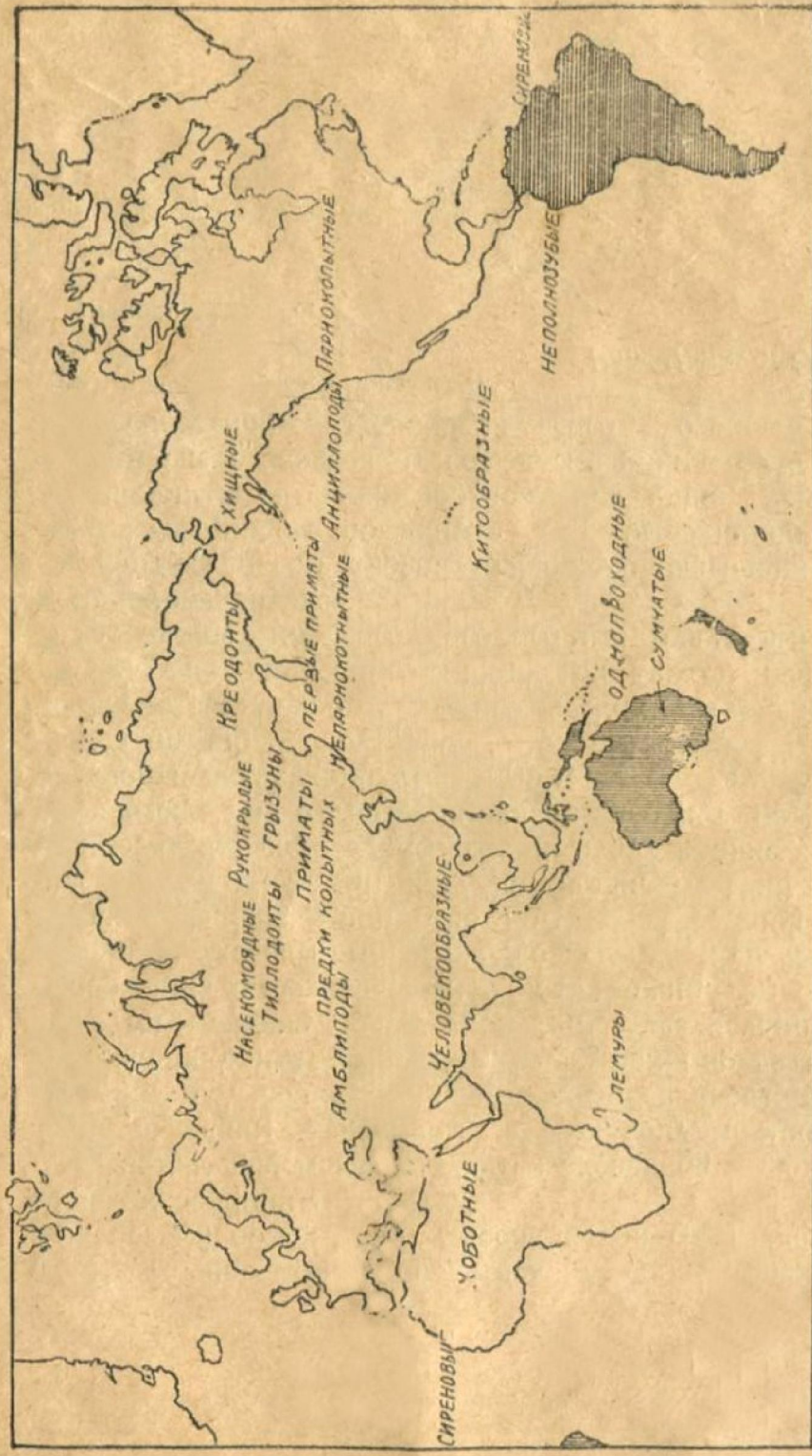
Так как практические работы экспедиции продолжались лишь с одним перерывом, в 1921 году, а мои краткие отлучки в Америку были всецело посвящены лекциям и организационным вопросам, то до сих пор дать публике по этому вопросу книгу сколько-нибудь исчерпывающего содержания было совершенно невозможно, тем более, что в данный момент изучение собранных коллекций лишь только началось, и многие сотни экземпляров остаются еще не извлеченными из недр земли. В 1928 г., когда практические работы экспедиции будут вполне закончены, я надеюсь подготовить популярный отчет научной деятельности экспедиции в ее целом.

Из предположенных к изданию 14 том второй том, заключающий обработку геологических материалов экспедиции, уже написан профессорами Беркей и Моррисом и скоро выйдет из печати. Остальные будут выходить по мере окончания всех работ.

Считаю долгом выразить глубокую благодарность всем моим товарищам по работе. Как бы хорошо ни была организована и финансирована экспедиция, успех, в конечном счете, зависел от согласованной и в высшей степени добросовестной деятельности всего ее состава, какая имела место в данном случае.

Рой Чепман Эндрьюс

Февраль 1926 г.

Центры происхождения и расселения главнейших отрядов млекопитающих (по Осборну).

Карта эта была составлена проф. Г. Осборном на основании его теоретических выводов о вероятном нахождении центров образования различных отрядов млекопитающих в 1900 г. В 1901 г. английскими исследователями в той области Африки, которая обозначена на карте словом „хоботные“, действительно были открыты ископаемые предки этих животных. Последняя американская экспедиция Эйлера в Центральной Азии ископаемые остатки восьми главных групп млекопитающих из общего числа тринадцати как и было предсказано Осборном

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРУДУ Р. Ч. ЭНДРЬЮСА

Экспедиция американского музея естественных наук среди пустынь Монголии почти с первых же шагов получила определенный ответ на вопрос, является ли Азия прародиной животного населения всех континентов.

Находка в пустыне Гоби ископаемых четвероногих, названных Титанотерами (или животными титановских размеров), является ответом на один из основных вопросов, разрешение которых составляло цель предпринятой экспедиции, а именно: была ли древняя Азия источником жизни для Европы на крайнем западе и для Америки на крайнем востоке? Разрешение этой проблемы равносильно открытию палеонтологического рая — колыбели многих видов пресмыкающихся и млекопитающих. Существование такого центра долгое время рассматривалось палеонтологами, как чистейшая гипотеза. В 1900 г. автор настоящих строк высказал убеждение в существовании подобной родины многих животных видов. Еще тогда я выразился по этому вопросу следующим образом:

«На противоположных пунктах земного шара мы видим теперь две обширные колонии высших животных — одну в Европе, а другую в области Скалистых гор в Америке. Обе эти области заселены видами, находящимися в различных степенях родства; их разделяют десятки тысяч миль пространства, на котором не было обнаружено ни одной сходной формы. Факт одновременного появления в Европе и Америке одних и тех же пород млекопитающих и пресмыкающихся долгое время служил основанием гипотезы, что исходный центр их расселения лежит где-нибудь посередине, т. е. вероятнее всего — на территории современных пустынь Центральной Азии. В этом исходном центре возникли самые древние предки всех высших видов современных млекопитающих, включая сюда и пятипалых лошадей, остатки которых до сих пор не найдены ни в Европе, ни в Америке. То обстоятельство, что у самых древних видов ис-

копаемых лошадей было обнаружено лишь четыре пальца, указывает на то, что их предки утратили пятый палец еще за время своего пребывания на азиатской родине. Палеонтологическое прошлое Северной Азии хорошо известно ученому миру, лишь начиная с ледникового периода, когда впервые появляется человек; тем не менее, путем теоретических догадок, мы склоняемся к той мысли, что Азиатский материк являлся местом широкой миграции животных видов, и в предшествующие геологические периоды был звеном, соединявшим крайние западные пункты Европы, районы, соответствующие территориям современных Франции и Англии, с областью Скалистых гор в Америке. Несмотря на то, что находки ископаемых животных в этих отдаленных друг от друга странах имеют существенное сходство, и что с каждым новым исследованием уменьшается палеонтологическое различие между этими двумя областями, связующее звено между ними еще не найдено. Из этого следует, что именно Азия должна была служить еще неисследованным центром и путем миграции животных в эти отдаленные колонии».

Наши предсказания в значительной мере оправдались палеонтологическими изысканиями Центрально-Азиатской экспедиции уже в 1922 г. Дальнейшие исследования, вплоть до 1925 г., когда впервые были найдены в этой же области следы древнего человека, не только дополнили первоначальные предсказания автора, но и пролили новый свет на еще более древний период эволюции животного мира, эпоху пресмыкающихся.

Проф. Эндрьюс не только создал план грандиозной экспедиции, но и выполнил его со всей научной тщательностью; непоколебимая вера Эндрьюса в результаты предпринятой работы вдохновила его сотрудников, обеспечив таким образом успех экспедиции, возбудившей интерес всего цивилизованного мира.

Генри Фарфильд Осборн

ГЛАВА I

Подготовительные работы

Приступая в 1912 году к своим первым изысканиям в Азии, я находился всецело под влиянием предсказания проф. Осборна, что именно этот континент является рассадником млекопитающих всей нашей планеты. Чем далее подвигалась моя работа, тем сильнее охватывало меня желание проверить эту гипотезу. Эта мысль руководила мною, когда я вырабатывал план целой серии экспедиций в Центральную Азию, рассчитанный на 10 лет, позднее принятый Американским Музеем Естественных Наук.

Вначале задания экспедиции ограничивались исключительно областью зоологии, и первая же азиатская экспедиция в Юнан (юго-западный Китай) и на окраины Тибета обогатила музей многочисленными зоологическими коллекциями. Летом 1919 г. я принял участие во второй азиатской экспедиции.

За все время работы в качестве зоолога я всегда ощущал недостаток познаний в других отраслях науки и пришел к выводу — привлечь для решения вставших перед исследователем Средней Азии вопросов целый ряд ученых специалистов.

Насколько мне известно, Центрально-Азиатская Экспедиция является единственной крупной экспедицией, применившей такого рода метод на практике.

В данное время на мировой карте остается уже мало областей, которые так или иначе не затронуты еще исследователями. Гений и энергия человека завоевали полюса и раскрыли тайны тропических джунглей. Высочайшие горные вершины уже слышали звук человеческого голоса. Но это далеко не означает, что будущим поколениям не остается места для новых научных завоеваний. Исследователю будущего придется лишь изменить свои методы.

Изучить малоисследованные пространства, узнать историю их возникновения и передать ее современникам, вот

те задания, которые поставит себе целью исследователь будущего. Интенсивное и всестороннее исследование, даже чисто научное, неизбежно влечет за собою экономические результаты и, несомненно, откроет новые источники человеческого благополучия.

*Участники Американской Центрально-Азиатской
экспедиции*

Монголия уже не раз была предметом пристального изучения со стороны превосходных исследователей, преимущественно русских, и все же ни одна из ее областей еще не изучена в достаточной мере при помощи точных научных методов. Четыре главных условия были тому причиной.

Это, во-первых, изолированность Монголии в центре громадного континента и ее обширная площадь. Затем, — примитивность средств сообщения и проистекающая отсюда медленность передвижения. Немалым препятствием являет-

ся и чрезвычайная суровость климата Монголии: зимой температура падает здесь до 40°-50° ниже нуля, при сильнейших ветрах с Ледовитого океана, так что продуктивная научная работа возможна только с апреля по сентябрь. Наконец, Монголия и, в особенности, пустыня Гоби, занимающая большую часть Монголии, чрезвычайно слабо заселена вследствие бесплодия и недостатка воды.

Победить эти затруднения было возможно, лишь располагая средствами быстрого и удобного транспорта. Незаменимую услугу в этом отношении должен был оказать автомобиль.

Когда в 1922 г. наша экспедиция приступила к делу, каждая мелочь ее снаряжения и организации была предусмотрена, и все мы сознавали, что нами было сделано все возможное для успешного решения предстоявших нам задач.

Мы не предполагали начать изыскания в Монголии в первое же лето нашего прибытия, так как для экспедиции нужно было подготовить почву, приняв некоторые меры как дипломатического, так и технического характера.

По приезде в Пекин я посетил геологическую комиссию по изучению Китая. В лице ее директора Тинга и профессоров Вонга, Андерсона и Грабау я встретил самый сердечный прием. Ввиду того, что Азия представляет собою слишком обширное поле для исследования, так что в ней свободно могут работать не две, а целые дюжины экспедиций, мы условились разделить территории так, чтобы каждая экспедиция могла работать, не мешая другой.

За невозможностью начать изыскания сразу в Монголии, мы решили несколько тренироваться в Китае. Китайская геологическая комиссия любезно предложила нам для этого местность Уансин в восточном Сычуане, сулившую интересные палеонтологические находки. Это превосходное для начала работ место лежит неподалеку от реки Янцзе и изобилует пещерами.

Палеонтологические изыскания в Китае довольно сложны, так как при этом приходится преодолевать разные затруднения, особенно коммерческого и религиозного характера.

Ископаемые остатки весьма ценятся туземным населением. Их называют «костями драконов» и употребляют в качестве лечебных снадобий от всех болезней, начиная с ревматизма и кончая огнестрельными ранами. Аптекарские магазины торгуют ими очень усердно и, если китайцу удастся напасть на место, богатое ископаемыми, он охраняет его, как золотые россыпи.

Одним из сильных препятствий оказались верования в «Фенг-Шуи», духов смерти, ветра и воды, охраняющих все могилы в Китае. Поэтому в густонаселенных местностях трудно найти место погребений, где бы «Фенг-Шуи» не явились помехой исследователю, и приходится быть крайне осторожным. При раскопках на этой почве у д-ра Андерсона разыгралось немало курьезных столкновений с туземцами. Так, однажды, заполучив от владельцев все необходимые разрешения для производства раскопок, он встретил отчаянный протест со стороны явившейся на место работ старой китайки. Взбешенная старуха уселась в углублении, вырытом палеонтологом, и решительно отказалась двинуться с места. Тщетно Андерсон испытывал разные средства для того, чтобы избавиться от непрошенной гостыи; так, он, к великому удовольствию окружающих зрителей, попробовал поддержать над ней зонтик, затем пустил в ход фотографический аппарат, зная, что китайские женщины не любят, когда их снимают европейцы. Выведенная из терпения старуха покинула наконец позицию, но не сдалась. Ее крики и вопли создали такую атмосферу, что сами туземцы посоветовали Андерсону покинуть на время поле сражения.

В качестве помощника нашему главному палеонтологу Гренжеру я пригласил Д. Ионга, симпатичного молодого китайского ученого, который служил одновременно и переводчиком экспедиции.

Начав исследования долины Янцзе, Гренжер обнаружил, что все ископаемые сосредоточиваются близ небольшой де-

ревни Иен-Чинг-Као, в 10 милях от Вансина. Там он приобретал экземпляры от туземцев и проработал две зимы.

Ископаемые встречаются там в глубоких ямах и колодцах, расположенных вдоль известкового кряжа на протяжении 30-40 миль. Провалы, глубина которых нередко превосходит 100 футов, образовались от растворяющего действия воды на известняк и заполнены желтовато-красноватой глиной. Ископаемые в большинстве случаев находятся на глубине 20 футов. Извлечение их производится с помощью ворота и ковшеобразных корзин, извлекающих на поверхность полужидкую глину. В яме обыкновенно царит полная темнота, и работать приходится при свете крошечного масляного светильника.

Ископаемые останки принадлежат большею частью слонам, бизонам, оленям, тапирам и носорогам. Ископаемые останки лошадей отсутствуют совершенно.

К сожалению, Гренжеру не удалось исследовать пещеру вдоль берегов реки Янцзе, где мы надеялись найти останки первобытных людей, так как в то время эта область была почти вся занята бандитами.

Д-р Матью, заведующий палеонтологическим отделом Американского Музея Естественных Наук, изучивший коллекцию Гренжера, утверждает, что вся фауна этой местности в плейстоценовый период была лесная. Коллекции включают в себе отчасти экземпляры, аналогичные современным, отчасти родственные с ныне живущими на островах Малайского архипелага.

Первобытный слон Стегодон (*Stegodon*) был самым крупным животным, жившим в этой области в ледниковый период; наиболее крупные тапиры ростом были с современную лошадь.

В то время, как Гренжер работал в Сычуане, я организовал небольшую экспедицию к Восточным гробницам, в 80 верстах от Пекина, где сохранились остатки великолепных мавзолеев императоров и императриц манчжурской династии. За высокой стеной, окружающей могилы с севера, на протяжении 80 миль тянется огромный охотничий парк, представляющий большой интерес в зоологическом отно-

шении. Его фауна состоит из многих видов птиц, пресмыкающихся и млекопитающих, которые водятся только далеко на юге или же в лесах Манчжурии. Это служит прямым доказательством того, что в прошлые столетия обширная лесная полоса тянулась от реки Янцзе к границам Манчжурии; в настоящее время все это пространство представляет сплошные степи или обнаженные холмы.

ГЛАВА II

За «золотым руном»

В задачи нашей экспедиции входило приобретение редких и типичных экземпляров крупных млекопитающих для нового азиатского отдела в Музее Естественных Наук. Поэтому я 8 сентября 1921 г., в сопровождении капитана Коллинза, отправился в горную область провинции Шанси в поиски за экземплярами *Budorcas Bedfordi* (англ. *takin*). Эти редчайшие и интересные животные являются современными *представителями «золотого руна»*. Они были открыты недавно Малькольмом Андерсоном во время экспедиции герцога Бедфорда, отчего и получили свое название.

Takin'ы различных видов встречаются в горах Северной Индии и Западного Китая, но добыть их чрезвычайно трудно.

У китайцев эта порода животных известна под названием «Ие-Ниу» (дикая корова), и действительно, они больше похожи на корову, чем их ближайшие сородичи серны или козлы Скалистых гор (в Америке). Эти животные принадлежат к подсемейству *Bupricaprina* или коз-антилоп (*goat-antelopes*), соединяющих обе характерные особенности как тех, так и других. Здесь мы имеем прекрасную иллюстрацию теории азиатского происхождения млекопитающих: одна ветвь их — серны — направилась в Европу, другая же, так называемые «козлы Скалистых гор» — в Америку.

В противоположность белому носорогу, который не бел, и голубой лисице или песцу, которые не голубые, золотое руно этих животных действительно таково по своей окраске: их шерсть имеет настоящий золотисто-желтый цвет, без малейшего темного оттенка. Я никогда не забуду того впечатления, которое произвело на меня появление шести крупных животных этой породы. Их длинная зимняя шерсть сверкала, как золото, среди темно-зеленой листвы и казалась настоящим золотым руном, о котором говорит греческий миф.

После двухнедельного путешествия на мулах мы достигли небольшой деревни Линг-Тай-Миао у подножья горы Та-Пай-Шан. Деревня эта имела довольно жалкий вид. Единственная ее улица была окаймлена убогими хижинами, в которых мирно уживались рядом с людьми тощие собаки, свиньи, цыплята и козы. Мы расположились в храме, где группа деревенских китайских солдат заняла помещение по обеим сторонам двора. Мы разместились вместе с своим багажом у подножия алтаря, в главном здании. В углу, на незатейливом соломенном ложе, крепко спал старый жрец. Все его обязанности сводились к поддержанию огня в крохотных масляных светильниках у подножия идолов и в перемене предназначенных им сосудов с пищей. Храм стоял среди золотисто-желтых рисовых полей, в живописной долине, окруженной белыми тополями; на расстоянии нескольких ярдов подымались ввысь горные отроги вершин Та-Пай-Шан.

В одно прекрасное утро мы вышли из нашей стоянки в сопровождении восьми туземцев-носильщиков. В течение двух недель мы охотились безрезультатно в окрестностях деревни. На третий день наш спутник, старый китаец Лиу, соорудил неподалеку от нашей палатки алтарь из листьев и трав, зажег благовонные куренья и стал произносить молитвы и заклинания. Мы не вмешивались и с любопытством наблюдали, что будет дальше. Окончив свой обряд, старик объявил нам, что в этот день наша охота будет удачна.

Час спустя, наши охотники выступили по направлению к снежным вершинам гор, пробираясь сквозь чащу рододен-

дронов. Мы последовали за ними, то спускаясь в глубокие овраги и цепляясь за ползучие ветви растений, то снова карабкаясь вверх по крутым неровным скалам. К полдню мы совсем выбились из сил и в изнеможении растянулись на согретых солнцем камнях у входа в ущелье.

Шепот Ионга, одного из наших спутников, вывел нас из оцепенения.

— Ие Нуи, Ие Нуи! — шептал Ионг, указывая на поросшую бамбуками вершину горы. Я моментально вскочил и схватил бинокль. Крупные животные золотисто-желтого цвета легко и грациозно пробирались сквозь чащу бамбуков по откосу.

Я представлял себе takin'ов совсем не такими, какими увидел их в этот солнечный день на вершинах Та-Пай-Шан. Все в них казалось нереальным. Это были поистине мифические звери.

Для того, чтобы стрелять по животным, необходимо было обогнуть край ущелья и добраться до горы, на которой они паслись. Скалистые склоны были почти отвесны. Пришлось пробираться сквозь густую чащу бамбуков, раздирая себе в кровь руки и лицо. В одном месте я зацепился охотничьей курткой за выступ скалы и повис над пропастью глубиной более 300 футов. К счастью, мне удалось поставить ногу на выступ в скале и ухватиться за ствол бамбука.

Эти бамбуки, при небольшой высоте — 10-15 футов, — имеют толщину не более, как в палец, но растут очень густо. Вернувшиеся с разведок охотники сообщили, что животные близко, так что по ним возможно стрелять. Выглянув из-за выступа скалы, я заметил среди зарослей бамбука легкое движение; вслед за тем из чащи выплыла фигура красивого животного. Я выстрелил. Животное скользнуло вперед, но тут злосчастный Ионг, который держал мое запасное ружье, не выдержал и поднял бешеную пальбу чуть ли не у самого моего уха. Пришлось ждать, пока он не окончил своей бомбардировки. Легко представить себе, как обидна была для меня эта бессмысленная стрельба. При первом же выстреле остальные животные, лежавшие в ча-

ще, вскочили, и их желтые фигуры замелькали среди бамбуковых джунглей. Приходилось стрелять уже наугад.

Убитое мною животное оказалось еще детенышем. Взрослая самка не убежала далеко, а остановилась на скале, над нашими головами. Мне удалось подстрелить и ее. После полудня мы вернулись домой. Вскоре затем мы выехали в Пекин.

*«Золотое руно» — такин (Budorkas Bedfordi) из пров. Шанси.
Около животного — Эндрьюс и его спутник-китаец.*

Покидая Линг-Тай-Миао, я оставил там двух наших спутников-китайцев, дав им инструкцию не возвращаться до тех пор, пока им не удастся добыть двух крупных экземпляров. Месяц спустя они вернулись в Пекин с ценными трофеями, состоявшими из трех крупных животных, причем туземец Лао-Чунг приписывал весь успех охоты чудесным силам старого китайца Ванга.

ГЛАВА III

В пути

Наша экспедиция выехала из Пекина 17 апреля 1921 г.; задолго до этого дня в главном лагере кипела работа; каждый был занят приготовлениями к длинному летнему сезону, который нам предстояло провести в пустыне. Дворик перед лабораторией был загроможден ящиками, шкурами и разными предметами, которые предназначались частью для отправки в Нью-Йорк, частью же для наших надобностей в Монголии. На главном дворе гудели моторы автомобилей, готовившихся к дальнему путешествию под наблюдением Кольгета, заведующего главным транспортом.

Сирень и другие деревья были в полном цвету и как будто посылали нам привет и пожелания счастливого пути.

Наконец, все семь автомобилей, окончательно снаряженных, в стройном порядке двинулись по длинной долине по направлению к горному плато.

Первое испытание для наших машин было весьма серьезно, так как грунт дороги был весь изрыт колеями китайских телег, ямами и обвалившимися со скал камнями. Благополучное прибытие в Туерин, куда направлялась наша экспедиция, могло бы служить хорошим испытанием их прочности, так как эта часть дороги самая скверная.

По мере того, как мы подымались выше, перед нами развертывались панорамы одна другой красивее. Над нами возвышался вал из базальтовых скал, заканчивавшийся Великой Китайской Стеной, которая длинной, извилистой лентой змеилась по нагорью. Но вот, преодолев наконец последний крутой подъем, автомобили с пыhtением и ревом миновали узкий проход в стене.

Перед нами лежала Монголия, страна пустынь с их миражами, страна бесконечных зеленеющих степей, снеговых вершин и бурлящих потоков, Монголия, таинственный, желанный край, от которого мы так много ожидали...

Автомобиль Эндрьюса, увязнувший в снегу

Среди обработанных полей с зеленеющими всходами мы проехали к большой деревне Мио-Тао. Здесь в китайской харчевне нас ожидали наши передовые посланцы с запасами бензина, продуктами и разными предметами снаряжения, высланные вперед на телегах. Большое количество груза, присланного из Нью-Йорка, опоздало для отправки с караваном, и их пришлось разместить на автомобилях, к великому ужасу Кольгета. На каждый грузовик теперь приходилось по меньшей мере две тонны, т. е. вдвое больше нормальной нагрузки; но другого выхода не было, так как все было необходимо для экспедиции.

Шел сильный дождь, когда мы покинули деревню. Кое-где по пути нам попадались грязные деревушки, разбросанные по этой местности, излюбленной разбойниками, которые нередко нападают здесь на караваны, направляющиеся в Калган.

Вначале, при выезде из Мио-Тао, я даже был до некоторой степени обескуражен тем, что первый день пути прошел гладко. Из прежних моих путешествий я вынес суеверное убеждение, что первые шаги каждой экспедиции должны быть связаны с затруднениями, что служит залогом дальнейшего успеха. Теперь я мог успокоиться: затруднений оказалось достаточно.

Автомобиль в зыбучем песке

Под проливным дождем мы продвигались среди непроглядной тьмы к Халонг-Узу. Кольтман, ехавший впереди, неожиданно завяз со своим автомобилем в жидкую глину; его участь разделили и все остальные. С нечеловеческими усилиями удалось извлечь их; но машину Кольтмана мы едва не потеряли; не помогли ни туземцы, вызванные из соседней деревни, ни их волю, и только благодаря блокам и подъемной машине, нашедшейся, к счастью, на одном

из грузовиков, удалось наконец ее спасти.

Все мы, конечно, промокли до костей и вымазались в грязи и глине, но никто не роптал; наоборот, щелкая зубами и дрожа от холода, мои спутники весело подшучивали над этим первым приключением у преддверья пустыни Гоби.

Пришлось расположиться на отдых. Отыскали более сухое место и разбили палатки. Гренжера, Шекельфорда и Морриса, не участвовавших в подъеме автомобиля, безжалостно заставили сторожить лагерь. Эта мера предосторожности была далеко не излишняя: встреченная нами днем банда подозрительных вооруженных людей могла свободно возвратиться.

Солнце уже сильно пригревало, когда мы на другой день снова двинулись в путь. Дорога шла по зеленой степи, и я рассчитывал встретить здесь антилоп. Предчувствие не обмануло меня. Вскоре в глубине широкой долины показалась группа желтовато-белых фигур. Несколько наших автомобилей пустилось им навстречу по откосу, покрытому короткой, жесткой травой, другие же продолжали ехать своей дорогой.

Серны обнаруживали не столько страх, сколько любопытство. Когда мы приблизились на расстояние 400 ярдов, антилопы, видимо, решили, что надо спастись бегством. Вначале они бежали как будто нехотя; грациозно подпрыгивая в воздухе, как на рессорах, они, однако, стали быстро удаляться от нас. Блек, Гренжер и я, затормозив автомобили, залегли на землю и открыли стрельбу. Мне удалось подстрелить одну серну; остальные быстро скрылись. Преследовать их по неровной местности было невозможно: слишком проворны были животные. Быстрота их бега поразительна, достигая 60 км. в час.

Мои сотрудники, скептически отнесшиеся вначале к моим рассказам о том, что серны могут бежать с такою быстротою, теперь воочию убедились, что я был прав. Конечно, правильнее было бы сказать, что они пробегают не 60 км. в час, а 1 км. в минуту: такая быстрота для них возможна, но лишь на сравнительно коротких расстояниях. Бу-

дучи испуганы, напр., выстрелом, они бегут, едва касаясь ногами земли, так быстро, что их ноги мелькают как лопасти в электрическом вентиляторе.

Луга, по котором мы проезжали утром, по мере приближения к Панг-Киангу заметно утрачивали свежесть и сочность зелени, среди которой постепенно преобладающее место заняли характерные представители полупустынной флоры. Но нашим геологам унылый, пустынный пейзаж был более по душе: обнаженная, каменистая равнина сулила им больше добычи.

Прибыв в Панг-Кианг, мы разбили палатки у ручья близ дороги. Стоявший неподалеку небольшой храм был пуст; его белые стены с пурпуровыми каймами стояли полуразрушенные, а кругом по полянам валялись человеческие кости, солдатские мундиры и пестрые одежды лам. Одичалые собаки блуждали тут же среди полуразрушенных зданий. Было ясно, что здесь не так давно прошли китайские солдаты. На следующий день мы с облегчением оставили это унылое место и выбрались снова в открытую степь.

Вскоре мы встретились впервые с северными монголами. Их большой караван на наших глазах располагался на отдых: погонщики разгружали верблюдов, которые с жалобным криком и стонами, как будто их подвергали пытке, опускались на колени, другие монголы тут же собирали «аргал» (сухой помет), единственное топливо в пустыне, или носились на своих низкорослых лошадках, сгоняя в одну грудку баранов, несших свое собственное мясо и шерсть на рынок Калгана. В мирные дни по этому пути проходят десятки караванов, и сотни телег, запряженных волами, бороздят равнину. Почти у каждого колодца мы встречали куполообразные юрты монголов, пестревшие, как пчелиные ульи. Последние годы войны наложили печать разрушения на эту дикую, привольную страну. Даже телеграфная линия за Ирэн-Дабассу или Эрлиеном, как его называют китайцы, была разрушена. В Эрлиене мы рассчитывали сделать следующий привал. Перед спуском в обширный соляной бассейн я остановился, поджидая прибытия всех автомобилей. Наши геологи находили это место интересным

в научном отношении и занялись поисками. Тем временем я побывал на телеграфной станции, где нас ожидал груз бензина; китайский чиновник сообщил мне, что наш караван прошел здесь уже две недели тому назад.

Местность была интересная, и мы решили в полумиле от станции разбить свои палатки. Мы любовались великолепной картиною солнечного заката, когда из-за темного холма выплыли два автомобиля и въехали в лагерь. То был Гренжер с геологами. Они хранили молчание, но по их лицам и сияющим глазам было легко догадаться, что с ними произошло что-то необычное. Гренжер, не говоря ни слова, вытащил из кармана горсть мелких костей; за ними последовал зуб ископаемого носорога и другие части скелета животных. Беркей и Морис были нагружены таким же образом. Протянув мне руку, Гренжер произнес торжественным тоном: «Ну вот, начало положено: мы за один час добыли 50 фунтов костей».

Нашей радости не было границ.

Ни один золотоискатель не рассматривал пластов золота с таким вниманием, с каким мы разбирались в этой груде костей. Итак, налицо были остатки носорога (*Rinoceros*), зубы титанотерия, огромного носорогоподобного животного, вымершего задолго до появления человека. И было чему радоваться: ведь до сих пор нигде, кроме Америки, не было найдено остатков титанотерия, если не считать сомнительных находок в Австрии! Остальные кости принадлежали, по-видимому, более мелким млекопитающим, но определить их происхождение мы не могли.

Перед обедом Гренжер осмотрел еще один участок по соседству с нашим лагерем.

Даже при вечернем свете он обнаружил там до полдюжины костей. Было очевидно, что мы находимся у самого источника новых залежей.

С большим нетерпением ожидали мы наступления следующего дня. Утром я отправился осматривать расставленные в некоторых местах капканы у песчаных ям бассейна. Пойманный интересный экземпляр песчаной крысы (Me-

rigues), несколько крупных хомяков (*Cricetulus*) и полдюжины кенгуровых крыс (*Dipus*) дополнили мои коллекции.

За завтраком Беркей появился с целой охапкой новых ископаемых. На долю Гренжера выпала нелегкая задача — определить, к какому виду принадлежали их обладатели.

— Мне кажется, эти кости принадлежат пресмыкающимся, — сказал он после долгого раздумья, — впрочем, возможно, что это нечто вроде птицы. Но во всяком случае — это не млекопитающее.

Беркей обнаружил лишь две трети нижней части ноги, потом доктор Блэк напал и на остальные части; в конце концов удалось восстановить весь скелет. Тогда всем стало ясно, что это было пресмыкающееся.

Дальнейшие находки костей динозавра подтвердили справедливость этого предположения.

— Это означает, — сказал проф. Беркей, — что мы напали на меловое наслоение, относящееся к началу эпохи пресмыкающихся! Мы открыли первого динозавра в Азии, к северу от Гималайских гор.

Только ученый палеонтолог может оценить по достоинству это открытие и те новые горизонты, которые оно открыло для науки. Оно вполне подтверждало правильность основной мысли, из которой исходила экспедиция — что Азия является первоисточником животного населения Европы и Америки.

Обнаружение этого мелового наслоения *Cretaceous area* и последующее открытие залежей ископаемых первого периода млекопитающих над этим наслоением, составляя личную заслугу Беркея, Мориса и Гренжера, в то же время являются торжеством для всей американской науки. Успехом своим экспедиция в значительной мере обязана тому обстоятельству, что исследования велись совместно геологами и палеонтологами. Обе эти науки очень тесно связаны между собою, взаимно восполняя друг друга: точное определение геологических пластов зависит в значительной мере от тех ископаемых, которые они содержат. Нужно заметить, что вулканическая и метаморфическая почва не могут содержать ископаемых, так как они подвержены действию тепла и вся-

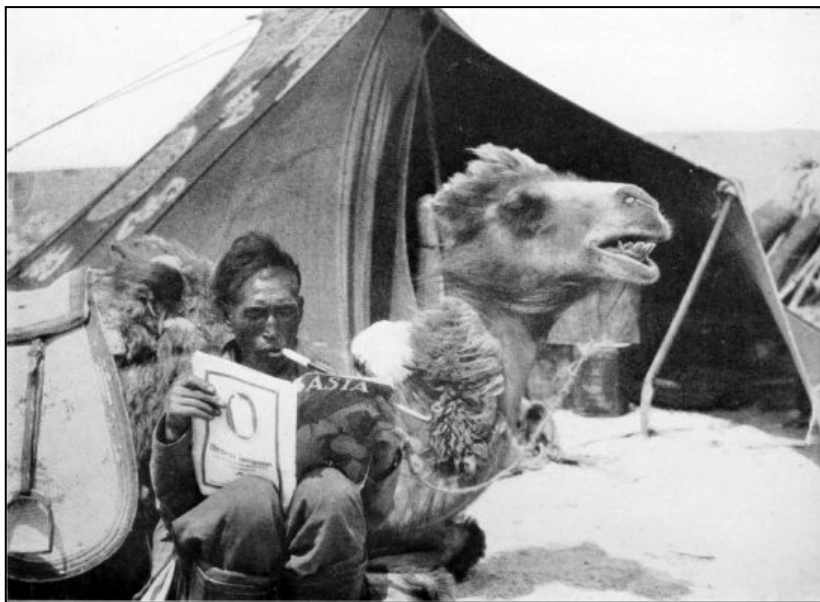
ким случайностям, разрушающим кости. Ископаемые могут быть обнаружены только в песчаных, сланцевых и известковых пластах, которые должны иметь поперечные разрезы, указывающие на их структуру.

Нам было очень жаль покидать это место, проливавшее так много света на далекое прошлое, но возможные осложнения в дальнейшем продвижении экспедиции вынудили меня спешить вперед, в Ургу. Расставшись с Беркеем, Моррисом и Гренжером, я с остальными членами экспедиции направился в Туерин, лежавший на расстоянии 350 миль, где мы надеялись догнать свой верблюжий караван.

Задолго до прибытия в Туерин перед нами показались гребни гранитных масс, высотой до тысячи футов, возвышающиеся среди равнины наподобие величественной крепости. К полудню мы подъехали к подножью массива и увидели большой караван, остановившийся у дороги. То был наш собственный караван. Мерин, предводитель каравана, объяснил нам, что он прибыл сюда всего только за час перед нами. Встреча состоялась 28 апреля, как раз в тот день, который был назначен по моему маршруту пять недель тому назад.

Мерин — фигура в своем роде замечательная. Опытный руководитель караванов (он перед тем вел караваны двух других экспедиций в Монголии), он очень любит свое дело. Честный, сметливый и находчивый, он любит своих животных и аккуратен, как хронометр. Коллекции огромнейшей ценности он всегда ухитрялся доставлять из самого сердца Гоби без малейших повреждений, аккуратно к назначенному сроку. Прошлым летом он совершил положительно героический переход в 400 миль по выжженной зноем пустыне, прибыв к назначенному сроку с 16 измученными верблюдами из числа 70-ти, отправленных с места..

Оставив пока караван на месте, мы отправились к телеграфной станции, расположенной на расстоянии нескольких миль у подножья Туеринских скал. Трудно представить себе более дикую и суровую местность. Сама «гора», под влиянием выветривания, давно превратилась в хаотическую груду гранитных обломков. Тут мы решили разбить свой ла-

Мерин, руководитель каравана, на отдыхе

герь и вызвали сюда наш караван. Вскоре длинная вереница верблюдов показалась между скал. Миновав палатки, караван разбился в три шеренги, верблюды плавно опустились на колени, началась разгрузка.

До прибытия каравана мы вели спартанский образ жизни. Теперь мы окружили себя комфортом: в нашем распоряжении имелись теперь складные столы, кресла, койки и свежие продукты. В ожидании ужина, мы с женой отправились на вершину скалы, чтобы полюбоваться закатом солнца. Был теплый летний вечер. В воздухе царила мертвая тишина. Вдруг позади мы услышали глухой гул, шедший с севера. Гул все усиливался, а из-за скалы появилось желтое облачко. Воздух внезапно похолодел. Было ясно, что надвигалась буря. Мы поспешили скорее в лагерь. Едва мы успели обогнуть скалу, как увидели, что на наши палатки спустился воронкообразный столб пыли и песка. Воцарилась крошечная тьма, среди которой мы ничего не могли разобрать. Загремела металлическая посуда, захлопали полот-

нища палаток, и наши кровати, столы и кресла покатались вниз по склонам холма. Прислонясь к высокой скале, мы видели, как смерч, крутясь, скользнул на равнину и понесся вдаль. Смерч еще не перестал бушевать, как все бросились спасать и приводить в порядок имущество под жалобные причитания нашего повара Лиу: бедный Лиу думал только о своем зажаренном гусе; когда он увидел свою скорородку прижатой к стене и наполненной песком, это переполнило чашу его восточного долготерпения...

Было уже совершенно темно, когда лагерь был снова восстановлен. Температура спустилась на тридцать градусов, и с этим первым ветром снова вернулась зима. Она продолжалась до 22 июня.

ГЛАВА IV

В городе живого бога

Монастырь Туерин лежит к западу от груды гранитных скал, где мы разбили свой лагерь. Три храма, окруженные сотнями крохотных белых зданий, гнездятся в глубокой ложбине, защищенной с севера высокими холмами. В этих домиках, окрашенных в белый и красный цвет, живут тысячи лам, обрекших себя на жизнь в унылой пустыне.

На следующий день по приезде в Туерин мы отправились в монастырь, где Шекельфорд рассчитывал произвести кинематографическую съемку. Едва автомобиль подъехал к краю ложбины, как сотни лам выбежали нам навстречу, окружив нас тесною толпою. Монголам нельзя отказать в гостеприимности, но они не могут похвастаться чистоплотностью. Они очень редко моются и при еде имеют привычку вытирать жирные пальцы об одежду, так что вся она обыкновенно бывает пропитана бараньим жиром.

Эта оговорка, вероятно, несколько разочарует тех, кто рисует себе Туеринский монастырь обителью, благоухаю-

щею миррою и ладаном. Однако, внутренность храма, его таинственный полумрак и мерцающие желтые огоньки светильников, его стены и алтарь, украшенные разноцветными тканями, производит неизгладимое впечатление. Шекельфорд, с его подкупающей приветливостью и юмором, быстро завоевал симпатии лам, и его камера беспрепятственно путешествовала по всем заповедным уголкам монастыря.

Ламаизм, господствующая религия Монголии, занесена сюда из Тибета. Он в значительной мере способствовал современному вырождению монгольской расы. Старший сын в каждой семье обязан быть священником, а иногда и все мальчики посвящают себя этой профессии. Все время препровождение лам сводится к пению непонятных им самим тибетских молитв, и все они, в сущности, представляют нравственно и умственно недоразвитых паразитов, живущих за счет суеверного и невежественного населения.

При всей своей нечистоплотности, ламы содержат свои храмы в большом порядке и чистоте. В глубине главного здания помещается статуя Будды над алтарем, перед которым теплятся неугасимые лампы. На полу, в центре храма, разостланы молитвенные коврики или циновки, а с потолков спускаются яркие цветные полосы шелковых тканей. Стены храма украшены живописью, изображающей различных богов и богинь, зачастую крайне похотливого вида. Главный жрец сидит на возвышении, вправо от алтаря; внизу у его ног размещаются на циновках остальные ламы. Однообразное пение гортанных голосов, прерываемое звуками цимбал и барабанною дробью, в этом полутемном помещении производит странное, тягостное впечатление.

Всячески оберегая свой религиозный культ от стороннего вмешательства, монголы, подобно китайцам, полагают, что могут одурачить своих богов. Один миссионер рассказывал мне, как однажды он застал компанию лам, предававшихся кутежу и произносивших самые непристойные слова. На его вопрос, как они решаются вести себя так перед священными изображениями, они ответили, что боги их не видят, так как глаза у них закрыты бумагой, понять же их пение они не могут, так как разговор ламы вели не

на монгольском, а на тибетском языке. Предполагается, что лама должен навсегда отречься от мирской жизни. Но ламы нередко нарушают принципы буддизма. В Алтайских горах моим проводником был лама, который до посвящения был охотником. Тяжко заболев, он дал обет Будде в случае выздоровления стать священником. Верный своему обещанию, он обрил голову и, как настоящий лама, жил при храме, но не постоянно, а только несколько месяцев в году. Потом он возвращался к привычной вольной жизни в горах.

Однажды, во время нашей стоянки неподалеку от Урги, жена охотника принесла мне своего ребенка, страдавшего экземой. Странствующий лама не мог излечить его своими молитвами. Я применил окись цинка и серы, и через две недели экзема исчезла, а лама получил дань в виде овец и коз на сумму 50 долларов. На мой вопрос, что излечило ребенка, — молитвы ли ламы, или мои лекарства, женщина признала, что вылечила его моя мазь.

— За что же вы платите ламе?

— А как же иначе? — возразила женщина. — Если бы я этою не сделала, он навлек бы проклятие на наше семейство, — все наши овцы и козы погибли бы, а нас самих постигло бы великое несчастье.

В той же деревне другой монгол вывихнул себе плечо. Мне удалось вправить кость, а лама получил за это двух овец. И так продолжалось все лето: я лечил, а лама получал соответствующую мзду.

Несмотря на то, что ламы обречены на безбрачие, многие берут себе временных или постоянных жен в тех случаях, когда они не живут в храмах. Настоящие дети природы, монголы скорее аморальны, чем развращены. Женщины стыдятся наготы, но не считают целомудрие особой добродетелью. Странствующие ламы или путешественники, останавливаясь в юрте, зачастую приглашают женщин и редко получают отказ. В результате — сильное распространение венерических болезней.

Вернувшись из монастыря, мы застали Мерина за оригинальной операцией. Он накладывал заплату на ногу од-

ного из верблюдов. Три дюжих монгола связали и повалили на землю верблюда, просунув его заднюю ногу между двумя передними. У верблюда оказалась трещина на ступне, и Мерин буквально заштопал ее с помощью длинной кривой иглы и толстого куска кожи. Верблюд при этом жалобно стонал. Впрочем, как объяснили мне, животное при этом страдает не больше, чем лошадь во время ковки. При всем своим огромном росте, верблюд труслив и пуглив, как мышь; его стоны происходили только от страха.

2-го мая мы покинули Туерин, выехав на одном автомобиле в Ургу. Город Живого Будды во многих отношениях изменился со времени нашего последнего посещения в 1919 г. Тогда мы въезжали в него так же свободно, как в открытую степь. Теперь нас встретили бесконечные опросы, осмотры, обыски багажа и т. д. Тем не менее, город Урга не потерял своеобразной прелести.

На другой день по приезде я встретил монгольского министра Бадмаяпова. Ему и мистеру Ларсену мы всецело обязаны быстрым улаживанием всех необходимых формальностей и пропусков.

Пока тянулись наши дипломатические переговоры, у каждого из нас было достаточно дела. Шекельфорд был занят своими снимками, мадам Эндрюс цветными фотографиями, а д-р Блэк антропологическими измерениями и наблюдениями в госпиталях. Мы часто бродили с нашими фотографическими камерами по узким улицам монгольского квартала, где перед крошечными лавочками туземцев постоянно толпились монголы в характерных костюмах различных племен: тибетские странники, манчжурские татары, погонщики верблюжьих караванов из Туркестана и ламы в их красных и желтых одеждах. Тут можно было наблюдать все типы головных уборов, начиная с остроконечных двухцветных желто-черных шляп и кончая шлемами, украшенными павлиньими перьями.

Однажды мы вместе с Бадмаяповым подъехали к одному из дворцов Живого Будды, расположенного у подножья горы Богдо-Ола. Я привез в качестве подарка ружье, так как хутухту, несмотря на свою старость, слепоту и слабость, очень

любит оружие. В ожидании аудиенции его святейшества, мы провели целый час в маленьком помещении, прилегающем ко дворцу. Бесконечные толпы набожных паломников окружали дом; некоторые из них простирались ниц, собирая священную пыль со двора, огороженного решеткой. Несмотря на то, что Живой Будда был устранен от своей мирской власти в силу политических событий, он все же не утратил своего авторитета в глазах монгольского народа. Наконец к нам вышел лама высокого чина, любезно заявив, что его святейшество чувствует себя слишком слабым, чтобы принять меня, но очень ценит мой подарок; в свою очередь он дарит мне шелковый шарф, а также свою фотографию. Портрет, очевидно, был снят много лет тому назад.

9-го мая происходило ежегодное празднество Майдари. Нас оно очень интересовало, так как до сих пор не было заснято на киноленту. Майдари или приход Будды является одним из самых священных обрядов культа. Позолоченные изображения Будды находятся в одном из великолепных храмов в Урге. В день, когда празднуется его воплощение, изображение его помещается на огромном троне, утопающем в украшениях, и проносится по улицам города в качестве центральной фигуры в очень многолюдной процессии.

Празднество началось с раннего утра, так как Майдари должны были пройти длинный путь. Когда мы в десять часов утра пришли в главный сквер, процессия еще не появлялась, но воздух дрожал от звуков отдаленного барабанного боя и других инструментов; издали видна была движущаяся пестрая масса, а вскоре уже можно было различить группы людей и тонкие очертания громадных зонтиков, пестревших яркими пятнами на солнце.

Когда процессия приблизилась к нам, я тотчас же узнал фигуру премьера по одежде, затканной золотом, и драгоценной собольей шапке на голове. Рядом с ним шли четыре владетельных хана или короля Монголии; за ними следовал двойной ряд принцев, принцесс и других высокопоставленных лиц в роскошных синих одеждах с золотом и головных уборах с павлиньими перьями. Над троним Май-

дари несли шелковый зонтик радужных цветов; его окружала толпа лам высших рангов, сверкая золотом своих облачений. Около десяти тысяч лам сопровождало трон Майдари. За ним следовала толпа из нескольких тысяч мужчин, женщин и детей. Процессия остановилась, достигнув открытой местности, над которой господствовал большой храм. Вокруг трона Майдари на почтительном расстоянии расположились ламы на своих молитвенных ковриках, а за ними в последовательном порядке владетельные ханы с премьером и другие высшие лица свиты.

Тут был подан чай и угощение. Тем временем лама, облаченный в красную одежду и помещавшийся в колеснице Майдари, усердно поколачивал по головам толпы длинной палкой, заканчивавшейся шарообразной подушкой. Каждый правоверный принимал такой удар, как выражение особого благоволения; нужно при этом заметить, что жрец исполнял свою обязанность с большим рвением. Тысячи народа спешили приблизиться к трону, и таким образом лама продолжал свою работу добрых полтора часа. Принцессы, участвовавшие в этом шествии, не пользовались, однако, привилегиями своих мужей в церемониале процессии. Тем не менее, каждая из них, сопровождаемая слугой, плавно выступала среди толпы, благосклонно отвечая на почтительные приветствия легким наклоном головы и слабым намеком на улыбку.

Через несколько дней мы наконец были приглашены в министерство иностранных дел, где должны были обсуждаться окончательные детали пропусков экспедиции. Премьер-министр и другие должностные лица заседали за большим столом. Мне был предложен договор, налагавший на экспедицию известные запрещения и обязательства. По внесении некоторых поправок, договор был наконец подписан. Затем премьер-министр попросил меня сделать все возможное, чтобы поймать для монгольского правительства экземпляр «Алегорхая-хорхая». Я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из моих читателей было известно это животное. Мне оно было знакомо потому, что я часто слышал о нем. Никто из присутствующих не видел этого животного, но, тем

не менее, все твердо верили в его существование и даже описывали мне подробно его внешний вид: оно имеет форму колбасы, длиною около двух футов, лишено головы и ног и настолько ядовито, что одного прикосновения к нему достаточно, чтобы умереть. Животное это водится якобы в самых отдаленных частях пустыни Гоби. Премьер-министр заявил мне, что, хотя сам лично он его и не видел, но знал человека, видевшего его и рассказавшего его историю. Один из членов кабинета министров добавил тут же, что кузина его последней жены тоже видела это таинственное существо. Я, конечно, пообещал добыть Алегорхай-Хорхая, если только нам удастся напасть на его след. Таким образом, совещание закончилось самым дружеским образом: у нас был общий интерес — поимка Алегорхая-Хорхая. Отныне проезд по внутренней Монголии становился для нас совершенно свободным.

С чувством особого удовлетворения вернулся я к синим палаткам своего лагеря, стоявшего в местности Болкук Гол. Вскоре сюда же прискакал на своем белом верблюде Мерин с донесением, что караван находится на расстоянии полумили и что все верблюды в исправном состоянии. Вскоре показался ряд их силуэтов; на передовом верблюде развевался американский флаг. Вся экспедиция была в полном сборе. Мы отпраздновали этот день торжественным обедом и вполне довольные разошлись ко сну. Последняя преграда была пройдена. Впереди лежал путь в неведомую, таинственную страну.

ГЛАВА V

В стране лам

Вечером 19 мая мы покинули Болкук Гол. Поднимаясь к вершине низкой горной цепи, мы проехали скалистое ущелье и увидели перед собой сочные зеленые луга, где паслись стада антилоп. Сурки выскакивали из своих нор и

быстро прятались снова; сверху они казались игрушечными зверьками, которых дергала за веревку чья-то невидимая рука. Два волка перебежали нам дорогу.

В двадцати пяти милях от Болкук Гола светлый источник в глубине цветущей долины привлек наше внимание и соблазнил нас сделать привал. Мы раскинули палатки посреди огромного амфитеатра, защищенного от ветра круглыми зелеными холмами. Здесь мы провели два дня. Я с помощью Гренжера расставил силки, и нам удалось поймать интересные разновидности мелких млекопитающих, хомяков, полевых мышей, сусликов, еще не бывших в моей коллекции.

Колгет, Ларсен и Бадмаяпов убили пять антилоп; Шекельфорд предпочитал охоту на сурков и постоянно пополнял запасы набивальщиков чучел.

Сурки доставляли нам много развлечения. Их любопытство и панический страх перед собаками крайне забавны, и благодаря этому они легко становятся добычей охотников, которые умеют отлично использовать эти их слабости. Я знал старого монгола, который облакался в соболью шкуру и, в виде оборотня, с лаем, ползая на четвереньках, производил полное смятение в колонии сурков.

Будучи совершенно беззащитными, сурки подвергаются массовому истреблению. Их мех дорого ценится, но они считаются рассадниками легочной чумы. Миллионы шкурок ежегодно вывозятся отсюда через Китай и Россию и затем расходятся по всем частям света. Осенняя шкурка серовато-коричневая, отличается мягкостью и густотой. Когда сурки появляются весной на свет божий после долгих месяцев зимней спячки, они меняют старое одеяние на новый, ярко-желтый наряд, резко выступающий на зеленом фоне равнин.

Нашей следующей стоянкой был Чеченван, где нам пришлось ожидать нашего каравана, прежде чем двинуться к резиденции хана Сэн Ноин.

Окрестности нашего лагеря изобиловали обломками старины, крайне интересными в археологическом отношении. Преобладали памятники двух родов: большой круг из мел-

ких камней со скалистым возвышением в центре или из четырехугольных, огражденный высокими гранитными столбами; по всей вероятности, это были площади для племенных собраний и могилы. Туземцы ничего не могли объяснить нам; они знали только одно: это очень древние памятники, их создали люди, жившие задолго до пришествия монголов.

Дуглас Кэррутерс в своей книге «Неведомая Монголия» описал развалины к северо-западу от Чеченвана; судя по фотографиям, эти памятники совершенно сходны с теми, которые были открыты нами. Он называет их «тумулами» (курганами) и высказывает предположение, что южная Сибирь и местность к западу от нашего лагеря являются колыбелью древнейших человеческих рас. Беркей и Моррис нашли между двумя озерами прекрасно сохранившуюся древнюю дамбу длиной в полмили при пятнадцати футах высоты.

Я надеюсь предпринять в будущем археологические раскопки этих могил. Их изучение, несомненно, прольет свет на историю заселения Центральной Азии в отдаленные от нас эпохи, предшествующие появлению здесь монголов.

Сильная гроза и ливень, сопровождаемый градом, отметили наш приезд в «столицу» хана Сэн Ноин. Мы расположились лагерем в небольшом ущелье, в расстоянии пяти миль от дворца хана. С высоты холма, покрытого густой растительностью, перед нами развернулись, сверкая золотом, шпицы и купола храмов, переливаясь всеми цветами радуги на зеленом фоне равнины. Немного дальше, быстрая речка пробила себе путь среди скал. Крутом прихотливыми, извилистыми волнами поднимались белоснежные вершины гор.

Храмы расположены в центре города; к ним примыкают крошечные деревянные домики лам, раскинувшиеся с обеих сторон. Свыше тысячи священников живут в этом очаровательном местечке. В городе всего десять храмов; большинство тибетской архитектуры, но встречаются и чисто китайские постройки, и комбинация обоих стилей. Вокруг алтарей развеваются крошечные флаги со священными из-

речениями, и около каждого храма стоит молитвенное колесо. На холме, против храмов, красуется самое огромное «обо», которое мне приходилось видеть. В центре кругообразной базы из гигантских камней высится коническая башня, разукрашенная молитвенными флажками, разноцветными тряпками и ветвями. Этот религиозный монумент очень распространен в Монголии; чуть ли не на каждом холме, в особенности на краю дорог, возвышается свой священный «обо», который постоянно растет, так как каждый путник, поднявшийся на вершину, считает своим долгом прибавить к нему камень.

Зимний дворец хана и его личный храм находятся в самой северной части «города лам» и ограждены высоким забором. Когда хан живет в своей резиденции, он, по всей вероятности, занимает «юрту» вблизи дворца, так как монгол, даже самого высокого звания, чувствует себя уютно только в своем шалаше.

Юрта напоминает огромный улей. Ее можно соорудить в полчаса и так же быстро разобрать и взвалить на спину верблюда. Шкуры, которыми обтягиваются юрты, плохо проводят тепло, и потому зимой, когда в железной печке или открытом очаге горит огонь, в юрте бывает жарко, даже при морозе в сорок градусов. Летом боковые стенки раскрываются, и ветер свободно гуляет по юрте, так что здесь даже в самый жаркий день царит прохлада. Мне пришлось побывать в юрте одного монгольского принца. На почетном месте, в дальнем конце, против двери, находилась низкая скамья. Направо стоял резной деревянный шкаф, а налево алтарь с буддийской божницей, перед которой горели две свечи. Пол был покрыт овечьими и волчьими шкурами. Я спросил принца, почему шесты, образующие крышу, заострены, как копьа.

— Не знаю, — ответил он, — мои предки всегда так делали.

— Может быть, заметил я, — ваши предки были великими воинами и всегда носили с собою копьа и щиты. Ночью, в походе, они втыкали в землю рукоятку копьа, покрывали острие щитом и набрасывали на него шкуру, чтоб

устроить шалаш. Ваша юрта, вероятно, подражание этому древнему обычаю.

— Возможно, — равнодушно сказал принц.

Монгола не интересует причинная связь явлений; он привык поступать так, как поступали до него, не мудрствуя лукаво.

Во время нашего посещения, царствующему хану было всего десять лет; он жил далеко к востоку от города, и нам не удалось его повидать.

Мы познакомились с его дядей, ламой высокого сана, у горячего серного целебного источника, где мы остановились на пути в пустыню Гоби. Вода бьет здесь из скалы. Во многих местах скалы устроены пруды, где скапливается эта целительная влага. Около горячего источника бьет холодный ключ, и его струя отведена так искусно, что во всех прудах постоянно поддерживается приток как холодной, так и горячей воды. Все пруды защищены палатками, а над главным прудом, предоставленным принцу, сооружена юрта.

Над местом, где источник выбивается из скалы, воздвигнут «обо» и каменный алтарь с изображениями Будды. Алтарь задрапирован выцветшими шелковыми шарфами, в клочья изорванными ветром; посреди них видны и новые куски материи, голубого цвета. Все это — подношения пилигримов, которые толпами стекаются к целебному источнику. Главный лама сказал нам, что доступ к этому святилищу не может быть разрешен.

У подножья скалы лежали груды камней, сохранивших следы правильной постройки. В далеком прошлом здесь, вероятно, стоял храм; источник почитался еще до образования монгольского царства.

Главный лама, между прочим, показал нам темно-коричневую змею, свернувшуюся кольцом за камнем у алтаря. Змея считается ядовитой, и в другом месте ее непременно раздавили бы, но она нашла себе приют под защитой святыни, и теперь ее жизнь в полной безопасности.

Старший лама оказался очень приветливым, симпатичным человеком. На его лице, никогда не озарявшемся улыб-

кою, лежала печать какой-то тихой грусти. Его движения исполнены были достоинства. Сидя, он по привычке принимает обыкновенно позу Будды.

Берклей и Моррис испросили разрешение — зарисовать его характерную фигуру. Он охотно согласился и позировал им, создав обстановку из священных книг и предметов культа. Приняв свою характерную позу Будды, он сидел в полной неподвижности, лишь изредка ударяя в маленький барабан, приглашая своих товарищей полюбоваться наброском.

Время, проведенное нами у горячего источника, совпало с «кочевой неделей» монголов. Население окрестных деревень перебирается на склоны холмов и гор, на летние пастбища. С наступлением осени они возвращаются обратно в пустынные равнины, чтобы укрыться от снега. Зрелище получается очень интересное. Кажется, что вся Монголия находится в движении: массы овец, лошадей, верблюдов наводняют тогда окрестности, направляясь на север.

В день нашего отъезда нам удалось сделать интересный снимок сооружения юрты. Монгол с женой и старым ламой остановили своих верблюдов на склоне холма. Прежде всего поставили остов из брусьев, установили на надлежащие места всех домашних богов, а также корзину с младенцем. Затем воздвигли конусообразную крышу, втыкая шесты в остов, вставили дверь и крепко привязали кожаные стены веревками. Вся процедура заняла не более получаса.

Характерные черты быта монголов сближают их с другими первобытными народами. Гостеприимство считается священной обязанностью каждого монгола. Путник, попав в монгольскую деревню, будет ли то днем или ночью — безразлично, может быть вполне уверен, что он найдет в любой юрте кров и пищу. Гость всегда пользуется неизменным вниманием.

Со мной бывали случаи, когда монгол проезжал несколько миль с единственной целью — предупредить меня, что в местности, куда я направляюсь, нет воды, или чтобы привести моих лошадей, заблудившихся ночью. И эта любез-

ность оказывалась совершенно бескорыстно, без всякого расчета на вознаграждение.

Самым страшным преступлением у монголов считается конокрадство; с вором в таких случаях расправляются на месте, и это вполне понятно: кочевая жизнь монгола возможна только при условии полной безопасности стад, составляющих все его богатство.

Нам нельзя было оставаться долго у «Горячего источника», и я стал торопить своих товарищей, чтобы они скорее заканчивали свои работы по картографии этого края. Дальнейший наш путь лежал на юго-запад, где нам обещали обильную жатву ископаемых.

Проехав миль 15-20 к западу, мы круто повернули на юг. Природа постепенно менялась на наших глазах. Обломки гранитных скал выступали, как призраки, в вечернем тумане. Растительность редела, появились группы колючих кустарников и высокая трава, острая, как проволока. По уверению Мерины, здесь были великолепные пастбища для верблюдов. Странное животное — этот верблюд. Своим внешним видом он напоминает допотопное животное и кажется пережитком доисторических времен. Не менее своеобразны и его вкусы: он хиреет и худеет среди густой, сочной травы, а в царстве терновника и колючих кустарников чувствует себя на верху блаженства.

Пустыня положительно кишела жизнью. В силки попадала такая масса новых млекопитающих, что трое наших препараторов были заняты по горло и работали, не покладая рук. На берегу озера водилось множество дичи, и ящерицы шныряли мимо нас на каждом шагу. Покинутые нами леса были по сравнению с этою пустынею царством молчания. В Азии не леса, а именно пустыни являются раем для коллекционера.

Дорога от Калгана до Улясутая находилась в ста ярдах от нашего лагеря.

Однажды, в прекрасный, тихий вечер, когда солнце склонялось к закату, мы услышали мелодичный звон колокольников, и на фоне золотистого заката отчетливо вырисовался силуэт огромного каравана. Мы все вышли к дороге, на-

деясь услышать новости о Китае. Двое путников остановились и разговорились с нами.

Это были магометанские купцы, доставлявшие в Улясутай чай и табак. Месяцев через пять они вернутся со шкурами и шерстью. Уже девяносто дней, как они покинули Калган в количестве 16 человек с 200 верблюдов. Все их состояние вложено в это рискованное предприятие. Но, верные старым традициям, они упрямо шли по следам своих предков, проложивших задолго до путешествий Марко Поло великий торговый путь через пустыню.

Вид каравана с его безмолвными рядами верблюдов производит особенное впечатление: чувствуешь особенно ярко, что Центральная Азия переживает до сих пор еще период средневековья; чувствуешь также, что эти дни уже сочтены, и что мы со своими моторами являемся пионерами, провозвестниками новой эры, что скоро этот край прежут железные дороги. Но к этому горделивому сознанию примешивалась какая-то неловкость: мне казалось, что своим вторжением мы оскверняем неприкосновенность пустыни, срывая покров таинственности, которым до сих пор закрыта была Монголия.

ГЛАВА VI

«Дерби» в пустыне Гоби

Алтайский хребет, один из самых высоких в Центральной Азии, примыкает на юго-востоке к пустыне Гоби. Горы здесь становятся ниже и распадаются на отдельные холмы, которые постепенно сливаются с волнистой поверхностью пустыни. Обещанные нам залежи ископаемых находились где-то к северу от Бага Богдо, в восточной части Алтайских гор. Дорог здесь не имеется никаких, и наши шансы добраться до Бага Богдо на моторах казались довольно проблематичными. Однако, мы не унывали. Колгет и Беркей потратили целый день в бесплодных поисках какого-то бо-

гатого человека, который якобы жил где-то по соседству, милях в 20 от нас; от него они рассчитывали получить полезные сведения, а также проводника для путешествия к Бага Богдо. Но они нашли только деревушку, состоящую из шести юрт, населенную отчаянными бедняками.

Сделав запас пищи и газа на неделю на две, мы в среду, 21 июня, выступили в путь с проводником-монголом, гордо водрузившимся на одном из грузовиков.

В полдень вдаль показалось озеро. У берега мы встретили шесть верблюдов и четырех монголов. На солнце сушились груды великолепной, белоснежной соли, несколько мешков, наполненных солью, было приготовлено для нагрузки на верблюдов. Поверхность озера состояла из плотной соляной коры, толщиной больше дюйма. Дорога к югу произвела на нас удручающее впечатление. Каким чудом удастся нам проехать здесь на моторах? Даже сейчас я не могу спокойно вспоминать об этом переходе, который длился всего четыре часа. Наш путь пересекали пропасти, буераки, каменные стены и скалы. Только искусству и находчивости нашего шофера, Колгета, обязаны мы благополучным окончанием перехода.

Миновав горы, мы неожиданно наткнулись на огромную песчаную насыпь. Объехать ее не представлялось возможности, и нашим моторам пришлось врезаться в груды песка. Первый грузовик с ревом и рычанием разъяренного зверя пробил нам дорогу, и вся вереница моторов благополучно перебралась на другую сторону.

Монголы, встретившиеся нам у источника, сообщили, что здесь водятся стада диких ослов (куланов). Мне давно хотелось раздобыть несколько экземпляров этой породы для Азиатского отдела Американского Музея, и мы с Ларсеном решили поймать их живьем, чтобы живыми доставить в Нью-Йорк. В случае неудачи мы надеялись по крайней мере зафиксировать этих животных на кинематографическом фильме. Геологи с Гренжером, Колгетом и Ларсеном отправились на разведки в южную часть равнины, где, по словам монголов, находились ископаемые. Они вернулись к вечеру и сообщили, что нашли остатки костей. Между про-

чим, они заметили в бинокль одного кулана. Словом, нам открывались самые радужные перспективы. Побродив еще день вблизи лагеря, геологи принесли новую добычу. Осколки костей не давали, правда, ключа к точному выяснению их происхождения, но Гренжер утверждал, что кусок ребра, найденной Беркеем, несомненно принадлежал динозавру. Это открытие превосходило все наши ожидания. Было похоже на то, что перед нами раскроются две геологические эпохи: эпоха млекопитающих и эпоха рептилий. У Морриса собралась редкая коллекция ископаемых насекомых и рыб; он особенно гордился мумией москита, жившего 10 или 12 миллионов лет тому назад. Но Беркей побил все рекорды, найдя остаток крыла ископаемой бабочки; оно настолько сохранилось, что лежало под увеличительным стеклом, как живое.

26 июня мы перебрались в южную часть равнины, где Гренжер нашел ископаемых. Лето вступило в свои права. Волны раскаленного воздуха придавали скалам и растительности фантастические очертания. Казалось, что антилопы танцуют в воздухе, а птицы бегают по земле. Нам мерещились леса и озера там, где их не было и в помине. Окружающий мир превратился в какой-то смутный мираж, постоянно изменявший свои формы.

Я долго смотрел в даль, любуясь жуткой, прозрачной, но заманчивой пустыней. Вдруг небо внезапно потемнело, и с севера донесся глухой раскат грома. На меня пахнуло холодной струей, и все закрутилось в бешеном вихре. Буря быстро пронеслась к западу, оставив за собой длинный белый след, — необычайно крупные зерна града.

Еще мгновение, и всю пустыню залило ярким янтарным светом, как будто мы смотрели на нее сквозь желтое стекло.

Ларсен стоял рядом со мной и, вооружившись полевым биноклем, наблюдал за ураганом. Вдруг он вскрикнул и указал мне на облако пыли, приблизительно в расстоянии мили от нас. На горизонте вырисовались фигуры трех бурых животных. Куланы! Не прошло и пяти минут, как мы уже мчались на моторах в погоню за ними. Однако, ни нам, ни нашим пулям не удалось догнать длинноухих скакунов, и

мы должны были признать себя побежденными в этом первом состязании.

Мы прозвали нашу новую стоянку «Лагерем диких ослов». Шекельфорд нашел в глубоком ущелье прекрасно сохранившуюся кость носорога, и его лавры не давали мне спать. Но счастье скоро улыбнулось и мне. Однажды я, расставив силки около источника, бродил вдоль оврага, и тут мне бросилось в глаза одно явление: верхний серый слой земли в одном месте был обсыпан как будто мелкими осколками белой эмали. Я разрыл немного мягкую глину, и передо мной сверкнули белые зубы; но при первом же прикосновении они превратились в пыль. Я призвал на помощь Гренжера. Гренжер тонкими щетками из верблюжьего волоса стал осторожно разметать землю. Перед нами блеснула челюсть. Он принялся смазывать зубы гуммиарабиком, затыкая все щели тонкою рисовою бумагою. Когда эмаль затвердела, он рискнул извлечь часть кости, покрыв ее пастой и завернув марлей, как делает хирург при переломе кости. Так нам удалось извлечь ценную находку, которая оказалась нижнею частью черепа — с парой длинных, изогнутых клыков. Судя по зубам, этот череп принадлежал ископаемому носорогу, но профессор Осборн впоследствии исследовал его и дал открытому нами животному название «*Baluchitherium mongoliense*».

На этом месте мы закопались целых четыре дня. Теперь мы посвящали все свое время поискам новых сокровищ. Легко понять причину нашего усердия и волнений: ведь самый крошечный осколок выброшенной кости мог указать нам путь к закрытому кладу; найденный череп или скелет мог развернуть перед нами новую страницу доисторической эпохи Средней Азии. Но сравняться с Шекельфордом было невозможно: этот археолог-любитель всегда точно каким-то чутьем угадывал, где скрывались лучшие экземпляры, и возвращался домой, туго набив карманы зубами и костями, которые он в изобилии находил там, где мы рылись без всякого успеха.

Занимаясь раскопками, мы, однако, не забыли своего намерения — поймать дикого осла, и пустыня временами

превращалась в арену бешеных гонок, в которых принимали участие моторы, куланы и антилопы. Первый экземпляр, крупный кулан с великолепной темно-коричневой шкурой, достался нам только мертвым. Я отравил его мясо стрихнином для приманки других обитателей пустыни. Так мы добыли двух волков, четырех коршунов, золотого орла и огромного черного ястреба. Особенно интересна последняя птица (*Vultur monachus*), принадлежащая к самым крупным в мире. Я часами любовался полетом этих хищников, особенно распространенных в этой части Гоби.

Гренжер предпринял вместе с геологами поездку в наш прежний лагерь, в верхней части долины, и открыл великолепный скелет динозавра недалеко от того места, где Беркей нашел ребро. Экземпляр, правда, был небольшой, — он имел всего около шести футов длины, но зато все части его скелета, даже крошечные кости хвоста, оказались в прекрасной сохранности. Это была очень ценная находка. Американский Музей впервые приобрел смонтированный скелет динозавра. Впоследствии профессор Осборн назвал его *Protoiguanodon*’ом. Тем временем мы с Шекельфордом проводили целые дни, занимаясь охотой и кинематографическими съемками животных и птиц.

В знаменательный день 5 июля нам, наконец, удалось подстеречь дикого осла. Отрезав ему путь к отступлению и заставив повернуть на север, где был твердый и гладкий грунт, мы гнались за ним со скоростью сорока миль в час, не позволяя ему пересечь нам дорогу и изменить направление. Кулан быстро мчался вперед, поднимая копытами тучи песка и гравия. Шекельфорд, стоя на коленях перед аппаратом, непрерывно делал снимки. Неожиданный толчок чуть не выбросил его из мотора; однако, камера по счастливой случайности устояла на месте, и Шекельфорду даже удалось переменить фильм, несмотря на отчаянную тряску. Но вот осел внезапно ускорил бег, перерезал нам дорогу в нескольких шагах от фонарей мотора и свернул на юг, в сторону, где зияла пропасть. На протяжении двадцати девяти миль мчались мы бешеным аллюром взад и вперед по долине, крутясь во все стороны, стараясь не подпустить ос-

Дикий осел (кулан) в равнинах Монголии

ла к пропасти. Это была какая то бешеная гонка, подстать самому заядлому спортсмену. Но вот кулан, видимо, стал утомляться, хотя все-таки упрямо бежал вперед. Постепенно замедляя темп, он наконец остановился, как вкопанный, на самом краю пропасти. Мы подъехали к нему и попытались было накинуть на него лассо. Кулан упрямым движением головы стряхнул с себя петлю и продолжал спокойно стоять, глядя на нас. Тогда мы постепенно стали оттеснять его к нашему лагерю, где он в конце концов послушно улегся около палатки. Когда он остыл, я велел принести ведро воды, обмыл ему голову и шею и угостил хорошей порцией сена в благодарность за прекрасные фильмы, которыми Шекельфорд увековечил наше состязание.

Большинство моих спутников желало остаться еще некоторое время в «лагере диких ослов», но мы с Шекельфордом уговорили их перебраться в Тсаган Нор (Белое озе-

ро), куда нас привлекало обилие дичи. Здесь мы раскинули палатки на берегу озера, поросшем редкою травой и водорослями, и долго сидели у костров, при закате солнца, любуясь пурпуровой каймой горизонта и феерическими горами, окутанными голубоватой дымкой. Надвинулись сумерки; тишина прерывалась только глухими криками беспокойных водяных птиц. Но вот над песчаной долиной показался золотой серп месяца, заливая поверхность озера мерцающим светом. Трудно передать тот безмятежный покой и ту волнующую красоту, которыми полна была природа в этот, чудесный, незабываемый вечер.

ГЛАВА VII

Находка Белуджитерия

На другой день после нашего прибытия в Тсаган Нор, мы с Шекельфордом проехали в монгольскую деревню на западном берегу озера, чтобы навестить соседей. Старшина угостил нас чаем, сыром и кумысом. Я вылечил его дочь, у которой начиналась гангрена руки, и приобрел этим его особое благоволение. К нему я обратился с особенною просьбою — поддержать на привязи собак, так как Шекельфорд собирался делать снимки вблизи юрты.

Собаки в Монголии являются настоящим и постоянным бичом для человека, и виною тому — своеобразное суеверие монголов. Монголы думают, что когда человек умирает, в его тело вселяются злые духи, и поэтому спешат поскорее избавиться от трупов. Тело кладут на телегу, и возница, отъехав на некоторое расстояние, сбрасывает его на землю и мчит обратно, не оглядываясь, чтобы не привлечь к себе внимания злых духов. Собаки, волки и хищные птицы быстро расправляются с трупом, оставляя только кости, к которым ни один туземец не решится прикоснуться.

У подножья холма, где построен «город лам» в Урге, валяются груды человеческих черепов и костей. Огромные

черные собаки бродят по этому кладбищу и дерутся из-за трупов, которые привозятся из города. Собаки питаются почти исключительно человеческим мясом и необычайно кровожадны, так что даже среди белого дня кидаются на прохожих. Три собаки напали на Беркея у юрты в окрестностях Сэн Ноина; он спасся, застрелив двух из них из револьвера. Мы с женой также чуть не сделались жертвами собачьей своры в Туерине, когда спали в меховых мешках возле своих моторов.

Монголы очень боятся смерти в своем доме, и при серьезной болезни кого-нибудь из членов семьи обыкновенно обращаются в бегство, унося с собой юрту.

Шекельфорду удалось сделать целую серию снимков из монгольского быта. Выгон скота на пастбище, доение коров и кобыл, изготовление сыра и кумыса, плетенье веревок из верблюжьей шерсти, выделка кож для юрты, все эти и им подобные сцены мастерски зафиксированы были Шекельфордом на фильме.

Окрестности Тсаган Нора давали широкий простор для моих зоологических исследований. Озеро и его берега кишели дичью. Мы встретили здесь редкие породы диких гусей и лебедей, чаек, водяных ласточек. В высокой траве у озера прятались лисицы. Антилопы и куланы паслись на равнинах за нашим лагерем. К своему удивлению, мы встретили здесь землеройку и ежей. Один из китайцев, сопровождавших нас, охотился на последних в сумерках с факелом. Мы с Шекельфордом приручили одного ежа, который стал нашим общим любимцем. Мы прозвали его «Джонни Тсаган Нор». При небольших размерах, — всего восемь дюймов в длину, — он отличался необычайной прожорливостью. Вскоре после нашего возвращения в Пекин, нам привезли детеныша-аллигатора, длиной в пятнадцать дюймов. Аллигатор и «Джонни Тсаган Нор» провели ночь вместе в большом ящике в углу лаборатории. На другое утро аллигатор оказался мертвым, и часть его была съедена: то была работа Джонни. Шекельфорд при отъезде экспедиции из Китая решил не расставаться с ним, и «Джонни Тсаган Нор» в настоящее время процветает в Нью-Йоркском Зоологиче-

ском Саду.

В озере водилась рыба; мы угадали это по широким кругам на поверхности; на удочку, однако, рыба не шла; тогда мы закинули сеть и поймали большое количество пескарей и плотвы. Часть добычи мы консервировали в формалине.

Тсаган Нор имеет около трех миль в длину и до двух миль в ширину. Но, благодаря сильному испарению воды, оно быстро уменьшается. В 1925 г. озеро даже совершенно высохло. Беркей и Моррис насчитали семь прежних береговых знаков, самый высокий из них на двадцать восемь футов выше теперешнего уровня воды. Очевидно, озеро когда-то занимало очень значительное пространство.

Несмотря на протесты Гренжера, Беркея и Морриса, упорно отказывавшихся от развлечений, я настоял, чтобы вся наша компания собралась в Тсаган Норе 18 июля посмотреть на состязание, которое устраивали монголы под руководством моего приятеля, монгольского старшины. За две недели до торжества он разослал по окрестностям гонцов с приглашением — принять участие в празднике. В программу входили беговые состязания на пони и на верблюдах, борьба, укрощение диких лошадей и, в заключение, угощение. Кочевой образ жизни под открытым небом сделал из монголов страстных любителей спорта и в этом отношении они ближе и понятнее для англичан, чем китайцы.

В день состязания мы все отправились на сборище, захватив с собой фотографические камеры. На поляне собрались толпы мужчин и мальчиков, разодетых в красные, желтые и лиловые цвета. Пятьдесят пони уже находились на старте, в пяти милях от нас. Вскоре вдали показалось облако пыли и замелькали силуэты пони, которые приближались к нам неровной линией. Все наездники были мальчиками лет десяти или двенадцати.

Первым пришел великолепный гнедой пони с наездником из рода лам. Когда первое состязание закончилось, наездники начали бешено кружиться вокруг группы лам, распевая дикie песни.

Очень интересною оказалась скачка на верблюдах; мы с удивлением наблюдали, как быстро эти неуклюжие жи-

вотные снимались со старта и какую скорость они развивали в беге. Укрощение диких лошадей разочаровало нас. Следующий номер, — борьба, в которой принимали участие тридцать мужчин, велась по всем правилам искусства. Счастливый победитель отделался синяком под глазом.

По окончании состязания, все собрались на пиршество в юрту старшины. Монголы покорно ждали, пока Шекельфорд устанавливал свою камеру. Затем внесли два огромных деревянных блюда с шестью баранами. Каждый из двухсот присутствовавших гостей, получив кусок баранины, удалялся в угол, набивал себе рот до отказа и принимался жевать, отрезая кусочки перед самым носом. Мы смеялись до слез, а Шекельфорд усердно снимал сцену за сценой. Эти снимки — едва ли не самые комичные из всей коллекции его фильм.

Наша экспедиция разделилась на три группы. Гренжер и Шекельфорд вернулись в «Лагерь диких ослов», где, по словам монголов, находились кости величиной с человека. Мы с Колгетом остались на прежнем месте у Тсаган Нора, а Беркей и Моррис перебрались на южный берег озера, заканчивая картографическую съемку озера. Они вернулись в лагерь 3-го августа во время обеда, и мы просидели до полуночи, слушая их рассказы об исполинских скалах, на которые им пришлось подниматься.

На следующий день лил дождь, а при закате солнца, роскошная радуга раскинулась феерической аркой через все озеро до вершины Баго Богда. На небе под радугой пылали огненные языки. С западной стороны красноватые облака, окаймленные золотом, нависли над пустыней. Волны света заливали гору: лиловые, зеленые, пурпуровые, они переливались с такою быстротою, что трудно было уловить смену красок. Мы замерли в немом восхищении, чувствуя, что никогда больше не увидим подобной красоты! Как раз в это время с севера подъехал черный автомобиль Гренжера и Шекельфорда.

Наши друзья сообщили нам сенсационную новость — им удалось найти части скелета Белуджитерия (*Baluchtherium*)... По странной игре случая, неизменно повторявшейся в про-

должение всей экспедиции, мы натыкались на наиболее интересные залежи ископаемых и находили самые ценные экземпляры как раз в ту минуту, когда оставляли данную местность и собирались в дальнейший путь. Так случилось и на этот раз. Разобрав палатки, Гренжер и Шекельфорд решили осмотреть на прощанье еще не исследованное ущелье и приказали шоферу, китайцу Вангу, ожидать их на мысе, в двух милях к югу. Ожидание наскучило шоферу, и он решил самостоятельно произвести разведку. Ему повезло: на дне ложбины он нашел какую-то огромную кость. Когда Гренжер и Шекельфорд вернулись, он с гордостью повел их к месту находки. Кость оказалась верхнею частью передней ноги Белуджитерия. Тут же в земле находились и другие кости. Все они прекрасно сохранились и были извлечены без затруднений. Самой ценной находкой была нижняя челюсть. Гренжер и Шекельфорд продолжали исследование ложбины, но с закатом солнца пустились в путь, чтобы засветло приехать в Тсаган Нор.

На следующее утро Гренжер, занятый упаковкой ископаемых для отправки их с караваном, посоветовал мне отправиться с Шекельфордом в «Лагерь диких ослов» для продолжения раскопок на дне ложбины.

Прибыв на место раскопок, мы немедленно приступили к работе. Шекельфорд и Ванг работали лопатами, а я исследовал края ложбины, нащупывая землю киркою. На самом дне ложбины мое внимание привлек осколок кости. Я крикнул товарищей, и мы общими силами стали раскапывать землю, роясь в ней, как таксы. Мы извлекли несколько костей, которые так окаменели, что мы легко извлекали их, без риска их повредить. Из-под наших лопат появлялись одно за другим все новые и новые сокровища. Мы были так возбуждены, что со стороны могли бы показаться помешанными. Но вот мои пальцы неожиданно нащупали огромную глыбу; Шекельфорд начал рыть в этом месте и мы извлекли зубы! В эту ночь мне приснился вещий сон — будто я нашел череп Белуджитерия. Теперь сон сбывался наяву!

Череп лежал глубоко в земле; освободив часть зубов, мы решили, что нам пора остановиться, чтобы не навлечь на себя проклятий со стороны палеонтолога. Мы собрали драгоценные кости, уложили их в мешок, нежно, как мать, оберегающая новорожденного ребенка, перенесли их в мотор и помчались в Тсаган Нор. Наступал вечер, когда мы с ликованием ворвались в лагерь. Гренжер на своем веку сделал достаточно ценных открытий, и его трудно было чем-нибудь поразить, но и он при первых наших словах взволнованно вскочил с места и молча, с большим вниманием принялся рассматривать наши находки.

Рано утром мы всей компанией двинулись в путь, как на праздник, весело распевая песни. Четыре дня проработал Гренжер над извлечением черепа; его пришлось покрыть плотной оболочкой из ветоши и пасты, чтобы он мог выдержать предстоявший переезд на моторе, верблюде, по железной дороге и на пароходе, — вплоть до Нью-Йорка.

Мы знали, что Белуджитерий был животным колоссальных размеров; тем не менее, величина его костей привела нас в изумление. Голова его имела в длину пять футов, а шея должна была напоминать массивную колонну. Самый крупный из известных носорогов показался бы карликом по сравнению с ним.

После этого мы сделали еще несколько небольших экскурсий. Наступило уже 9-е августа, и хотя еще стояла жаркая погода, однако к востоку уже потянулись длинные вереницы диких уток и гусей, — верный признак близкого наступления холодов. Нужно было спешить. Однако, посоветовавшись между собою, мы решили провести еще день на южном берегу озера, где Беркей и Моррис нашли плиоценовые ископаемые. Ехать по дюнам на моторе было невозможно, и мы отправились в путь на верблюдах. И эта поездка дала свои результаты: мне посчастливилось найти прекрасно сохранившийся олений рог, принадлежавший далекому предку американского лося и европейского оленя. Солнце склонялось к горизонту, когда мы собрались в обратный путь. У входа в дюны нас настигла тьма, с востока поднялся сильный ветер. Мы стали подгонять верблюдов, опасаясь

заблудиться. К нашему удовольствию, ветер внезапно стих, тяжелые тучи, скопившиеся на небе, рассеялись, и яркая луна осветила нам дорогу.

ГЛАВА VIII

Огненные скалы

Наша Центрально-азиатская экспедиция выехала из Тсаган Нора в полном составе. Утром следующего дня мы увидели перед собой Артса Богдо, — невысокий горный хребет. Здесь мы решили сделать первую остановку и раскинули палатки на склоне цветущего холма, у подножья горы.

Нам предстояло выработать дальнейший план путешествия с тем расчетом, чтобы к 5 сентября достигнуть Сайр Усу, источника, находящегося в трехстах милях к востоку, на нашем обратном пути. Как только Мерин прибыл с верблюдами в Артса Богдо, мы двинулись вслед за караваном по направлению к Сайр Усу. Беркей и Моррис успели предварительно сделать небольшую экскурсию в Алтайских горах, близ Гурбун Сайкана; Гренжер производил раскопки дальше, к северу, а я, оставив лагерь на попечение Шекельфорда и Колгега, отправился, в сопровождении Тсерина и охотника-ламы, к западным вершинам Артса-Богдо. По совету охотника, я захватил с собой только меховые мешки и провизию на пять дней, нагрузив этим одного пони.

Мы проехали девять миль, когда Тсерин остановил меня и взволнованно зашептал по-китайски: «Рога! рога!». Я взял в руки полевой бинокль и ясно различил на одной из вершин неподвижные силуэты косуль. Осторожно поднимались мы вверх, заглядывая в каждое ущелье. Косулю вообще очень трудно заметить, даже когда она находится совсем близко: ее коричневая шерсть совершенно сливается с темной окраской скал и травы; а когда она лежит, то становится почти совсем невидимой. Косули очень осторожны. При каждом стаде у них имеются два или три дозорных.

Впрочем, их боязливость вполне понятна: ведь на каждом шагу им грозит гибель, — или от руки человека, или от волков, или от громадных черных ястребов, парящих в воздухе и зорко высматривающих добычу.

Мы слезли со своих пони и спрятались за грудой скал, наблюдая за косулями. Как только стадо показалось из за скалистого выступа, я выстрелил в животное, шедшее в хвосте колонны. То был великолепный самец с огромными, завитыми в спираль рогами. Он упал на колени, но быстро поднялся и скрылся за выступом, но я знал, что попал в цель. Мы снова притаились, следя за движением стада.

Темные силуэты косуль, вытянувшись в одну линию, поднимались по горам, все выше и выше. С помощью бинокля, я разглядел, что одна косуля отстает от других; наконец она скрылась за огромным камнем и больше не показывалась. Мы пустились разыскивать добычу и, найдя животное среди скал, прикончили его двумя выстрелами. Это был великолепный экземпляр с роскошными рогами длиной в тридцать шесть дюймов, грациозно отогнутыми назад. Его длинная коричневая борода придавала ему вид патриарха, а золотистые глаза напоминали глаза козы.

Мы покинули наш лагерь в Артса Богдо 30 августа и вместе с геологами присоединились к Гренжеру. Мы застали его среди крайне интересных раскопок. Долго задерживаться на одном месте мы не имели возможности. Нам предстоял длинный путь по неведомой пустыне, а между тем наступали холода. Мороза мы не боялись, но нас тревожила перспектива завязнуть в снегу. Предшествующий печальный опыт показал нам, какую опасность для наших моторов и для всей экспедиции представляли снежные заносы.

Между тем, Гренжеру посчастливилось обнаружить новую площадь, изобиловавшую костями динозавров. Ему удалось собрать два небольших, прекрасно сохранившихся скелета. Сверх того, он нашел части гигантских травоядных и плотоядных динозавров, и наметил пункты дальнейших раскопок. Шекельфорд, как ему и подобало, в первый же день приезда сделал интересное открытие. Он нашел какой-то

необыкновенный череп. Впоследствии мы узнали, что этот череп принадлежал предку группы крупных рогатых динозавров, до сих пор известных только в Америке. Мы назвали эту местность, в палеонтологическом отношении богатейшую в мире, «Огненными скалами».

На следующее утро мы двинулись по направлению к Сайр Усу. Этот переезд по песчаным буграм был одним из труднейших за все наше путешествие.

Два дня спустя мы увидели среди моря песка развалины нескольких глиняных хижин и маленького храма. Это был Сайр Усу. Около источника красовалась голубая палатка нашего каравана со своим багажом. Мерин и его монголы радостно приветствовали нас. Мы прибыли в назначенный срок, 5-го сентября.

Передав каравану все находки и лишнее снаряжение, мы приказали Мерину добраться до Калгана не позже 20 октября, а сами на автомобилях приступили к последнему этапу нашего путешествия.

Перед нами расстилалась унылая, монотонная песчаная пустыня, с чуть заметными следами растительности и без малейших признаков животных и людей. Пустыня подавляла своим однообразием. Только тут я убедился, что западную часть пустыни Гоби справедливо считают одной из самых унылых областей на земном шаре.

На второй день после отъезда из Сайр Усу, мы наткнулись на обширное песчаное пространство, скрывавшее в себе, как оказалось, громадное количество ископаемых. В русле реки, протекавшей здесь в отдаленные геологические времена, среди груды песка, булыжников и ила, мы нашли множество костей и черепов ископаемых носорогов. Преобладал своеобразный тип полуводяного носорога, которого профессор Осборн впоследствии назвал «*Cadurcotherium ardynense*». Судя по найденным остаткам, эта местность в свое время изобиловала также черепахами.

Ночь на 12-ое сентября была так тепла, что при ночлеге нам не пришлось пользоваться меховыми мешками; но днем пошел дождь при сильном ветре и температура сильно упала. Следующую ночь мы провели уже у костра.

Одной из наших последних ценных находок была челюсть титанотерия. Мы с Гренжером ехали верхом на пони в сорока милях от нашей последней стоянки, и остановились, привлеченные небольшим холмом, усеянным костями. Забрав наиболее подходящие экземпляры, мы хотели уже повернуть обратно, когда я заметил кость, наполовину зарытую в земле. При ближайшем рассмотрении, она оказалась челюстью титанотерия. Нам потребовалось бы провести здесь два дня, чтобы извлечь ее и тщательно покрыть пастой и марлей; но, к великому сожалению, нам нужно было торопиться. Поэтому Гренжер ограничился тем, что вырвал из челюсти целый ряд зубов для сравнения с костями американских титанотериев. Легко понять, с какою болью проделывал он эту кощунственную работу. Тщательно зарыв остаток челюсти, мы сделали отметку о ее местонахождении и вернулись к нашим спутникам, нетерпеливо ожидавшим нас в моторах.

Эта местность была названа «Источником горных вод» и оказалась одною из самых замечательных по богатству ископаемых во всей Монголии.

Конец нашего путешествия прошел при постоянном дожде, который вскоре сменился снегом. Температура падала с каждым часом.

Последние триста миль пути мы проехали без особых приключений. Но дорога была очень тяжела, особенно в полосе китайской культуры. Навестив Ларсена в Калгане, мы выехали в Пекин 21 сентября, проведя в путешествии ровно пять месяцев.

ГЛАВА IX

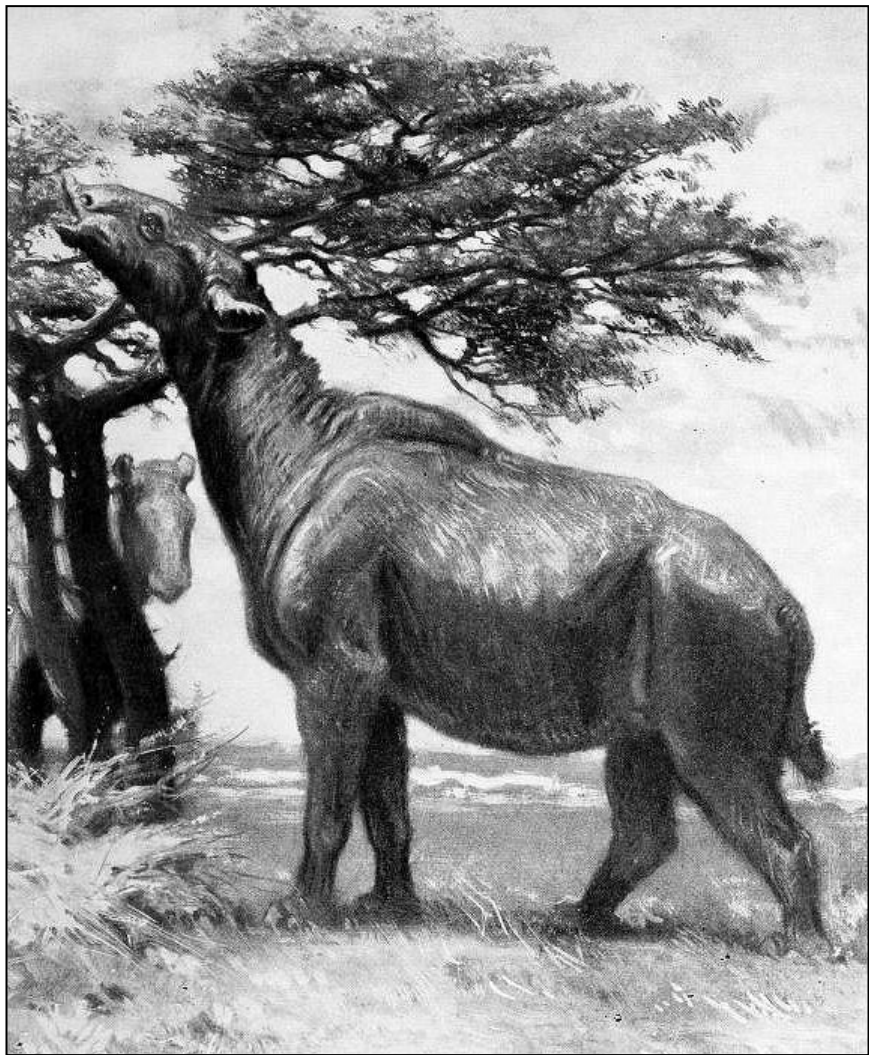
Гиганты, жившие три миллиона лет тому назад

(Статья проф. Г. Ф. Осборна)

Центрально-азиатская экспедиция открыла нам не одну главу в истории земли, а гораздо больше — целый новый том, состоящий из многих глав. Одни из этих глав относятся к эпохе человека, другие к эпохе млекопитающих, а третьи к эпохе рептилий.

Мы проникли на родину не только млекопитающих, но и рептилий, и теперь надеемся доказать, еще до окончания экспедиции, что Центральная Азия является также и родиной прародителей человека.

Возвышенные равнины монгольских степей хранят в своих недрах доказательства того, что здесь когда-то имела богатая растительность и ключом била жизнь. Здесь жили в отдаленные времена предки современных млекопитающих и самых древних рептилий. Не входя пока в детальное описание их строения, остановимся здесь лишь на самых блестящих открытиях, сделанных экспедицией, а именно на вымершей породе гигантских носорогов и ископаемом рогатом динозавре. Никто из предшественников наших исследователей, за исключением только Обручева (1894-96), вскользь упоминающего о находке нескольких зубов носорога, не может похвалиться такими открытиями. Неудивительно, что наши путешественники были крайне поражены и обрадованы, открыв у границ Монголии, около Ирен Дабасу, три слоя залежей ископаемых, из которых один относился к эпохе млекопитающих. Здесь они нашли первые указания на вымершую породу гигантских носорогов Центральной Азии и установили ее родство с Белуджитерием (*Baluchitherium*), открытым в Индии английским ученым Купером в 1911 г. Название Белуджитерий означает «дикий зверь Белуджистана», области, где были открыты первые кости гигантского носорога.

Белуджитерий (реконструкция Ф. Кнайта)

По мнению Купера, Белуджигерий примыкает к группе четырехкопытных животных и имеет отдаленное сходство с тапирами, лошадьми и носорогами, ближе всего подходя к последнему виду.

Белуджитерий обладал длинной, массивной шеей; у него были длинные, довольно тонкие ноги. Почти одновременно с Купером и независимо от него, русский геолог Борисьяк нашел остатки животного таких же изумительных размеров в Тургайской области. Свою находку он описал в 1915-17 году под названием «*Indricotherium asiaticum*», по имени легендарного «однорогого зверя Индрика», упоминаемого в Голубиной книге.

Наша Центрально-Азиатская Экспедиция нашла следы этого необычайного зверя в Ирен Дабасу, в юго-восточной Монголии, где были найдены только кости ног и другие обломки скелета. Более ценная находка, череп, — была сделана 5 августа, на северо-восточном склоне Алтайских гор, в бассейне Тсаган Нора, в ложбине, носящей название Хсанда Гол. Череп извлекали из земли в течение нескольких дней.

Скелет Белуджитерия был перевезен в Пекин через пустыни Монголии 20 октября 1922 г. и доставлен в Американский Музей в Нью-Йорке 19 декабря того же года. Здесь сразу же приступили к его монтажке, которая была вполне закончена 6 апреля 1923 г. Теперь его изображения распространены в виде фотографий по всему миру.

Белуджитерий помещается теперь в огромном футляре в центральном зале Американского Музея.

Сначала мы предполагали, что высота Белуджитерия равнялась одиннадцати или двенадцати футам до плеч, следовательно, он был на один фут выше самого крупного из Африканских слонов, великана среди современных четвероногих. Но наша оценка оказалась слишком низкой: его рост превышал тринадцать футов. Голова животного, несмотря на свои огромные размеры, была мала по сравнению с корпусом. Два огромных клыка служили Белуджитерии орудиями нападения и защиты. Питался Белуджитерий, по всей вероятности, древесной листвой, о чем свидетельствует

строение его зубов, широких и коротких, с острыми буграми, напоминающих зубы носорогов восточной Индии и Суматры, которые питаются древесной листвой. Особенно характерны длинные ноги Белуджитерия. Ступни у него узкие и снабжены копытами, что резко отличает их от широких, мягких ступней слона и указывает на то, что он жил в местности с твердым грунтом. По всей вероятности, его родиной была страна с умеренным климатом и сухой, твердой почвой. Его можно было бы причислить к семье носорогов, если бы строение его черепа не лишало его права называться носорогом. Верхняя часть черепа представляет из себя правильно округленную, гладкую кость с длинными, ровными носовыми костями без всяких выступов, которые указывали бы на прикрепление рога. Отсутствие рогов, единственного орудия защиты белых и черных носорогов Африки и Индии, у Белуджитерия вполне компенсируется могучими клыками. Белуджитерий был распространен от восточной Монголии на запад до Туркестана и на юг до Белуджистана; но эти границы, по всей вероятности, нужно значительно расширить. Судя по имеющимся данным, Белуджитерий, этот четвероногий гигант «Крыши мира», жил в Миоценовый период эпохи млекопитающих.

Вторым, в научном отношении еще более блестящим открытием центрально-азиатской экспедиции является череп небольшого травоядного, получившего название протоцераптоса, что означает «первый рогатый динозавр».

Протоцераптос — небольших размеров пресмыкающееся с плоскою головою без рогов; строение его черепа, зубов и челюстей указывает на несомненное его родство с рогатыми динозаврами.

Череп протоцераптоса был открыт 2 сентября 1922 года в наслоениях красной сланцевой глины к востоку от Артса-Богдо, близ одного из старинных караванных путей.

Это наслоение принадлежит к очень древней геологической эпохе, и мы предполагаем, что протоцераптос на два или три миллиона лет старше своего исполинского потомка, трехрогого динозавра, череп которого достигал восьми

футов длины. Маленький череп безрогого динозавра имеет в длину всего лишь восемь дюймов.

Находка черепа протоцераптоса составляет целую эпоху в палеонтологии: она открывает новые горизонты, новую родословную линию, новый вид рептилий.

*Маленькие протоцераптосы вылупляются из яиц
(реконструкция Э. Фюльда)*

Указанные два открытия развертывают перед нами первые страницы нового тома истории «Крыши Мира». Белуджитерий появился на заре эпохи млекопитающих; как долго продолжалось его владычество, мы сказать не можем. Вероятно, оно обнимало верхний Оligоценовый и Mioценовый периоды. Можно предположить, по сравнению с

другими гигантскими пресмыкающимися и млекопитающими, которые появлялись на земле в разные эпохи, что главной причиной исчезновения Белуджитерия был его исполинский рост.

Вообще замечено, что высшие и наиболее дифференцированные породы животных, подобные Белуджитеррию, вымирают, а простейшие, типичные виды выживают, уступая потом в свою очередь место высшим формам следующей геологической эпохи.

В ту эпоху, когда Белуджитерий еще бродил по земле, Центральная Азия была самой плодородной и привлекательной областью в мире. Это был настоящий райский сад.

Те данные, которыми мы располагаем теперь относительно Белуджитерия и о характерных особенностях его родины, «Крыши Мира», — приводят нас к выводу, что здесь же должен был жить и предок человека. Современная наука утверждает, что наши предки происходят от ветви антропоидов олигоценового периода, живших в одно время с Белуджитерием. Эти человекоподобные обезьяны жили, по всей вероятности, не в густых лесах, а в открытой местности, где передвижение на задних ногах было удобнее, чем ползание на четвереньках или лазанье по деревьям.

Два года тому назад я высказал убеждение, что одним из самых поразительных научных открытий, которые нам предстоят, будет открытие в эпохе млекопитающих первочеловека с вертикальным положением туловища и сравнительно высоко развитым мозгом. И страной, где откроют следы этого прачеловека, будет Азия.

ГЛАВА X

Дальнейшие труды и открытия

Зиму 1922-23 г. я провел в Пекине, в приготовлениях к новой летней экспедиции. Гренжер занимался раскопками в Чечуане на реке Янцзе, а остальные наши сотрудники

вернулись в Нью-Йорк для научной обработки собранных коллекций.

Первая наша экспедиция носила преимущественно разведочный характер. Теперь же нам предстояло более детальное обследование уже намеченных залежей ископаемых. В этих видах наш штат пополнили еще тремя опытными палеонтологами. Кольгет не мог на этот раз поехать с нами, и потому заведывание транспортом было возложено на Ионга и Джонсона. Они оба провели всю жизнь с моторами и были вполне компетентны в деле исправления повреждений, которые могли произойти с нашими моторами при предстоящих им тяжелых испытаниях.

Экспедиция выехала из Пекина 17 апреля, в день нашего первого отъезда год тому назад. 20 апреля мы покинули Калган. В течение месяца на караванном пути в полосе китайской культуры, которая простиралась на сто миль от Калгана, имели место небывалые грабежи. За неделю до нашего отъезда разбойники задержали два русских мотора, похитили груз драгоценных соболей и убили одного человека. Несколько караванов были ограблены вблизи Калгана, и китайские власти сильно тревожились за нашу безопасность.

Первую ночь мы провели в маленькой китайской харчевне в Миао Тане, в тридцати четырех милях от Калгана, так как я не хотел останавливаться в холмах, населенных разбойниками.

Утром перед самым нашим отъездом, командир военного отряда, расквартированного в деревне, явился ко мне и сообщил, что он выслал вперед стражу для охраны нашего пути.

— Только, пожалуйста, будьте осторожны, не убейте по ошибке моих солдат, — наивно прибавил он в заключение.

Проехав около пяти миль, мы нагнали солдат, которые, при нашем приближении, развернули китайский флаг и приветствовали нас звуками гонга.

Мы рассчитывали встретить наш караван в Ирен Доба-су, но его там не оказалось: я узнал, что Мерин должен был взять путь к востоку от главной дороги, как более безо-

пасный и более благоприятный в смысле пастбищ для верблюдов. Но монголы, прибывшие по этому пути, не заметили нашего каравана.

Неделю спустя, Гренжер и Моррис проехали семьдесят миль по этому пути, но наших верблюдов не встретили. Мы начали серьезно беспокоиться, не захватили ли их разбойники, но наши опасения оказались напрасными. Изворотливого старого Мерина не так легко было поймать, и однажды вечером в наш лагерь приехал мотор с радостной вестью, что наш караван находится в двадцати милях от нас у Пунг-Ку-Шана, «Драконовой скалы», и прибудет к нам на следующий день. Оказалось, что Мерин узнал о засаде, устроенной разбойниками впереди каравана, и ускользнул от них, сделав окольный путь в глубь пустыни. Здесь он переходил по ночам от источника к источнику, а днем располагался лагерем в ущельях, где легче было скрыться от внимания разбойников.

В 1922 г. мы открыли в Ирен Дабасу первые кости динозавров и наслоения эпохи пресмыкающихся. Тогда экспедиция провела здесь десять дней. Теперь мы решили исследовать эту местность основательнее.

В восьми милях от лагеря мы увидели знакомую серовато-белую почву и приступили к разведкам, причем сейчас же нашли зубы и оболочки костей, разбросанные в разных местах. Гренжер открыл огромную бедренную кость, наполовину обнаженную под влиянием дождей и ветра.

Особенно посчастливилось нашему новому товарищу палеонтологу Джонсону. Его острый глаз заметил осколки кости длиной не более трех дюймов. Воспользовавшись этим указанием, я нашел такие богатые залежи ископаемых, что нашим палеонтологам хватило здесь работы на целый месяц. В этих залежах кости плотоядных и травоядных динозавров были нагромождены беспорядочными горами, словно их раз бросало вихрем. Это навело нас на предположение, что здесь в свое время разыгралась своего рода битва гигантов. Миллионов пять лет тому назад, на берегу расстилавшегося здесь озера, вероятно, была богатая растительность, и динозавры особого коротконового типа находили

здесь обильную пищу в виде сочных водорослей. Эти исполинские рептилии, длиной в тридцать пять или сорок футов, ходили на задних ногах, имея, подобно современным кенгуру, короткие и слабо развитые передние ноги. У них было огромное количество зубов, до четырехсот на каждой челюсти. Питаясь травой и обладая слабыми орудиями защиты, эти животные оказались легкой добычей для своих современников, плотоядных динозавров.

Мы нашли кости плотоядных динозавров, смешанные с костями травоядных. Весьма возможно, что в пылу сражения жестокие плотоядные пресмыкающиеся попали в водоворот озера и утонули. Их трупы опустились на дно, а скелеты окаменели вместе с костями их жертв.

Количество созданий, кишевших в этой местности в эпоху рептилий, превосходит всякое воображение. Теперь этот кошмарный мир прошлого безвозвратно исчез. На его месте простирается унылая, безмолвная пустыня.

Вместо того, чтобы провести в Ирен Дабасу несколько дней, мы пробыли там целый месяц, — и мне пришлось отправиться с Джонсоном в Калган на двух моторах, чтобы привезти добавочные запасы. На пути у меня произошел забавный инцидент с разбойниками.

Я перегнал Джонсона более, чем на целую милю, когда мы приближались к месту, где за несколько недель перед тем были ограблены русские моторы.

— А что, если на меня нападут разбойники? — подумал я.

В эту самую минуту передо мною, в расстоянии трехсот ярдов, блеснуло дуло ружья и показалась голова и плечи всадника. То был, несомненно, разведчик-бандит.

Я вытащил револьвер и дал два выстрела. Всадник ментально исчез. Через минуту я увидел трех конных бандитов у подножия холма. Твердо зная, что ни один монгольский пони не устоит перед автомобилем, я решил начать атаку и с бешеною скоростью помчался вниз по холму. Пока разбойники доставали ружья, висевшие у них за спиной, их пони встали на дыбы и затем понесли такой рысью, что всадники едва удержались в седлах. Я мог стрелять им

вслед, но мне было вполне достаточно, что я нагнал на них страху.

Несколько дней спустя мы двинулись на запад к «Лагерю титанов» близ Угу Усу, «Источника горных вод».

Лагерь титанов — это целое кладбище костей титано-териев, носорогов и других неизвестных животных.

На следующий день, когда я обходил места раскопок, сильный ветер, поднявшийся с утра, превратился в бешеный ураган. Почва задымилась, как кратер вулкана. «Демон-ветер» поднимал с земли желтые тучи песка и разбрасывал их по равнине. С севера на нас неслась зловеющая песчаная гора. Я кинулся в долину, сзывая товарищей, но в эту минуту туча песка и гравия залепила мне глаза. Задыхаясь и не видя ничего кругом, я шел, спотыкаясь на каждом шагу и завернув голову в пальто. Потом я попал в какую-то яму. Не знаю, сколько времени провел я в таком состоянии полузабытья. Вдруг я почувствовал, как в хаосе, окружавшем меня, что-то зашевелилось. Я осторожно протянул руку и схватил кого-то за ногу. Это оказался Тсерин, наш монгол. Вместе с ним был и наш палеонтолог, Питер Козин. Мы начали совещаться, крича друг другу в уши. Тсерин считал, что наши палатки находятся к югу от нас; мы с Питером не могли ориентироваться, и я решил довериться инстинкту туземца. Ухватившись друг за друга, мы ощупью стали искать дорожку в непроглядном мраке. Наконец мы наткнулись на какой-то темный предмет. Он оказался нашей кухонной палаткой: она еще стояла на месте, но дрожала при каждом порыве ветра. Рядом находилась палатка, служившая нам столовой. Мы пробрались туда и легли на землю, уткнувшись лицом в мокрые тряпки: только таким способом еще кое-как возможно было дышать.

Все наши сотрудники постепенно явились в лагерь, исключая только Гренжера. Наш слуга-китаец Бэкшот, обожавший Гренжера, сходил с ума от беспокойства и хотел бежать за ним, несмотря на бурю, но я запретил ему покидать лагерь.

Ураган бушевал целый час, потом внезапно стих. Наступила абсолютная тишина. Ни одно дуновение ветерка не

колебало изорванный флаг, грустно повисший над моей палаткой. Такой контраст производил жуткое впечатление.

Скоро отыскался и Гренжер. Буря застала его в то время, как он усердно раскапывал череп титанотерия, и он едва не задохся в туче песка.

Мы принялись вытаскивать вещи из палаток и вытряхивать песок из наших костюмов и постелей.

Казалось, что все пески пустыни Гоби перебрались в наши вещи, проникнув даже в плотно запертые ящики. Больше всего пострадали фотографические камеры, ружья, револьверы и полевые бинокли.

Битых два часа мы «выметали» песок. Я послал мотор к «Источнику горных вод» и мы все взяли ванну и переоделись.

Но едва мы уселись за обед, как на севере снова показалась зловещая свинцовая туча. Опять разразился страшнейший ураган. Удары песка и гравия напоминали взрывы шрапнели. Несколько минут песочный смерч крутился вокруг лагеря, стараясь втянуть в свой круговорот палатки и все наше имущество. Но атака была отбита со всех сторон, и «демон-ветер» умчался вдаль, через равнину. Прошел час, и снова разразился ураган. Так продолжалось подряд целых десять дней. Мы все утопали в песке, так как бороться с песчаными наносами при такой обстановке не имело никакого смысла.

Улу Усу оказался одной из богатейших сокровищниц ископаемых во всей Монголии. Особенно много здесь было костей титанотериев. Это огромное животное слегка напоминало носорога, но ближе подходит к тапиру.

Находка титанотериев подтвердила блестящее предсказание, сделанное профессором Осборном за много лет перед тем. После 20-летнего изучения этих изумительных животных, он, хотя титанотерии были найдены только в Америке, высказал предположение, что они эмигрировали туда из центральной Азии. Его гипотеза оправдалась в самом начале нашей экспедиции: в «Долине драгоценных камней» близ Ирен Дабасу мы нашли остатки первых азиатских титанотериев.

В начале и находка трех черепов казалась нам особой удачей, но оказалось, что Улу Усу скрывало в себе неисчерпаемые запасы титанотериев.

Две недели работы у «Источника горных вод» дали четырнадцать черепов титанотериев различных видов, полный скелет длинноногого носорога и еще несколько менее крупных находок.

Прежде, чем двинуться к «Огненным скалам», мы оставили в ближайшем храме целую тонну ценных экземпляров, чтобы наш караван мог захватить их на обратном пути в Калган.

ГЛАВА XI

Яйца динозавра

По выжженной солнцем пустыне мы двинулись к «Огненным скалам». Здесь целый год не было дождя.

Мы ехали по колеям, проложенным нашими моторами десять месяцев тому назад. Скудная растительность как-то съежилась и потемнела; белые пятна, встречавшиеся на поверхности пустыни, показывали, что здесь когда-то были водоемы. Изменчивый, дразнящий, расплывающийся мираж рисовал перед нами озера, заросшие камышом, и прохладные лесистые острова там, где тянулись одни только мертвые пески. За исключением пятнистых ящериц да длиннохвостых газелей, не было видно ни одного живого существа. Зато пустыня была усеяна костями верблюдов и овец. Монголы сообщили нам, что туземцы покинули эту область запустения: гибель лошадей, овец и верблюдов заставила их перекочевать на север, в поисках лучших пастбищ.

Свой караван мы оставили у лагеря «Горных вод», приказав Мерину следовать за нами с провизией и газолином.

В восточной Монголии были скудные пастбища, и наши верблюды превратились в живые скелеты с дряблыми, отвисшими горбами. Мерин рассчитывал, однако, что они

выдержат переход до Алтайских гор, где были лучшие условия существования. Если бы его расчеты не оправдались и караван не дошел бы до нас, наше положение стало бы критическим: без газа мы оказались бы так же беспомощны, как Робинзон Крузо на необитаемом острове; однако, нам нужно было во чтобы то ни стало добраться до красных отложений у «Огненных скал», — на восточном склоне Алтайских гор, где мы в прошлом году нашли предка динозавров.

День приезда к «Огненным скалам» был великим праздником для центрально-азиатской экспедиции. Мы раскинули палатки в три часа, и остаток дня был объявлен свободным от занятий. Но наши горячие энтузиасты-палеонтологи не воспользовались каникулами и пожелали немедленно исследовать дно заманчивого бассейна.

Не прошло и часа, как в лагерь вернулся Альберт Джонсон за орудиями и пастой. Он объявил, что нашел крупный белый череп. Нас охватила горячка. За обедом каждый из нас уже мог похвастаться такими же находками. Блуждая на дне бассейна, я заметил трубку, оброненную Гренжером в прошлом году. По странной случайности, около нее лежал череп протоцераптоса.

Гренжер уверял, что он нарочно оставил здесь трубку, чтобы заметить место, и что моя находка принадлежит, в сущности, ему. Несмотря на такой протест, я все же заявил на череп право собственности, и мое имя было выведено на нем красными чернилами.

Но главный сюрприз ожидал нас на следующий день.

За завтраком Джордж Ольсен сообщил нам сенсационную новость, что он нашел ископаемые яйца. Мы стали подтрунивать над ним, однако отправились с ним к месту находки. Здесь наше игривое настроение уступило место глубочайшему изумлению: мы воочию убедились, что перед нами, действительно, были ископаемые яйца динозавра, — предмет, никогда и никем не виденный ранее нас...

Правда, до сих пор никому не было известно, что динозавры размножались посредством яиц. Но так как большинство современных пресмыкающихся откладывают яйца, то

не было ничего невероятного в предположении, что и их предки, динозавры размножались тем же способом. Было несомненно, что открытые яйца не могли принадлежать птицам. В эпоху динозавров птиц не было, а птицы следующей эпохи были слишком малы для того, чтобы класть яйца такой величины. Кроме того, и продолговатая форма яиц доказывала, что они принадлежали рептилиям. В отличие от птичьих яиц, яйца рептилий, откладываемые в узкие ямы, вырытые в песке, обычно бывают продолговатой формы. Помимо того, найденные яйца лежали в бассейне, усеянном костями одних только динозавров, и мы там не нашли останков каких-нибудь других животных или птиц.

Пока все члены экспедиции ползали на руках и на коленях, рассматривая диковинную находку, Джордж Ольсен в каменистом обрыве открыл небольшой скелет динозавра; скелет залегал всего на четыре дюйма выше яиц. Это был экземпляр беззубого типа. Мы решили, что животное было застигнуто и засыпано песчаным вихрем в момент разграбления гнезда динозавра. Профессор Осборн назвал его «*Oviraptor philoceraptos*» (похититель яиц, любитель царап-тосов). Первые экземпляры, найденные Ольсеном, имели восемь дюймов в длину и семь в окружности; сохранились они великолепно: несколько яиц было разбито, но по скорлупе можно было подумать, что они снесены вчера, а не десять миллионов лет тому назад. Скорлупа, толщиной в одну шестнадцатую дюйма, была, вероятно, в свое время твердой и не пористой; внутрь яиц сквозь трещины проник песок, так что содержимое яиц представляло плотный песчаник.

Спустя несколько дней, мы нашли новую кучку в пять яиц, затем Альберт Джонсон добыл еще группу в девять штук. В общем нами было собрано двадцать пять яиц. В двух яйцах, расколотых пополам, мы нашли тончайшие кости зародышей динозавров! Это положительно превосходило всякое вероятие! Итак, пред нами раскрывалась целая неведомая отрасль науки — палеоэмбриология!

За пять недель, проведенных в «Огненных скалах», мы нашли не только яйца, но также целую серию протоцерап-

Эндрьюс за работой

тосов в стадиях постепенного развития, так что могли устроить любопытную выставку этого вида динозавров, показав всю лестницу их развития, начиная от яиц и только что вылупившихся детенышей, вплоть до взрослых протоцератосов в девять футов длины. Ни одна местность на земле не дала такого количества драгоценных экземпляров и такого неисчерпаемого научного материала, как этот бассейн в пустыне Гоби.

Поразительная картина развернулась перед нашим умственным взором теперь, после этих находок, и мы унеслись в обстановку, отдаленную от современной десятком миллионов лет!

Вот чудовище, похожее на дракона, стоит на краю ущелья, в местности, ныне называющейся Монголией. Его огромные круглые глаза смотрят прямо, не мигая; на узкой заостренной морде выступает загнутый клюв. Плоская голова покачивается взад и вперед в хрящевом кольце, сдавившем шею; девятифутовое тело с укороченными передними ногами заканчивается толстым хвостом.

Вот чудовище медленно спускается по склону холма и, усевшись в красный песок, оставляет в яме двадцать продолговатых белых яиц... Могло ли оно подозревать, что, несмотря на согревающие лучи солнца, этим яйцам не суждено будет развить в себе зародыши жизни? Могло ли оно предвидеть, что его сородичи, прожив положенный им срок, погибнут, а их потомки, через сотни тысяч поколений, двинутся в Сибирь, перейдут перешеек, естественный мост, ведущий в Америку, и распространятся в этой стране?..

Прошли миллионы лет. Мощные отложения покрыли снесенные динозавром яйца, скрыв их, как в могиле. Но работа дождей и ветра снова обнажила их и открыла изумленному человеку...

От большинства яиц остались, правда, только осколки скорлупы, но четыре яйца оказались в полной сохранности. Они утратили только свою первоначальную белизну, и от долгого лежания в земле приобрели коричневатый оттенок. Динозавр, положивший эти яйца, не узнал бы окрестностей своего гнезда, если бы увидел их в 1923 г. Громадное ущелье образовалось посреди равнины, которая тянется теперь волнистой линией к подножью Алтайских гор. Края этого бассейна усеяны красными утесами и обломками скал, которые издали напоминают развалины города, разрушенного войной. Среди скал бродят два-три горбатых верблюда, да овцы белоснежными пятнами выделяются на зеленом фоне когда-то бывшего здесь, ныне высохшего озера.

Мы взяли с собой запас газаolina, ровно столько, сколько необходимо было для того, чтобы доехать до «Огненных скал»; провизии у нас было запасено на месяц. Мерин обещал доставить караван к этому сроку, но он запаздывал, и

мы начинали серьезно беспокоиться: мрачная картина опустошения, произведенного засухой на караванном пути, красноречивее всяких слов говорила, что ожидало нас в том случае, если бы караван не дошел до нас. Наши обильные раскопки требовали большого количества пасты, и мы пожертвовали последний мешок муки на ее изготовление. Питались мы исключительно мясом, так как в антилопах не было недостатка; сыр монгольского изготовления мы избегали употреблять.

Целая неделя прошла в тревожном ожидании. Однажды в наш лагерь заехал старый лама с лицом, изборожденным морщинами. Наши монголы встретили его с величайшим почтением и объяснили нам, что это — знаменитый астролог. Он слышал о нашей беде и проехал больше тридцати миль, чтобы нам помочь. После некоторых, несколько довольно сложных манипуляций, старик произнес длинное заклинание и в конце концов заявил, что наш караван находится довольно далеко от нас, но что мы через три дня получим о нем известие; далее он сообщил, что наши верблюды гибнут, и что Мерину приходится очень туго. Наши монголы слепо поверили ему. Немного спустя и мы убедились в правоте его предсказаний: через четыре дня один из наших монголов нашел Мерина в шестидесяти пяти милях к западу от нашей стоянки, в Артса Богдо. Он не рискнул идти через сожженную солнцем пустыню и предпочел сделать обход на север, где были лучшие пастбища.

Из 75 верблюдов, нагруженных провизией и газOLIном, до цели дошли только 16. Вскоре в Артса Богдо прибыло еще 23 верблюда, оставленные Мерином у источника на попечение одного монгола. Прибытие каравана мы отпраздновали грандиозным обедом, украсив обеденный стол растениями пустыни.

Ольсен и Бэкшот немедленно приступили к упаковке наших ценных находок. Упаковочный материал дали нам те же верблюды: дело в том, что у монгольских верблюдов за зиму вырастает очень длинная шерсть, которая с наступлением теплого времени начинает линять; ею мы и пользовались при упаковке, вырывая клоچья этой шерсти у на-

ших верблюдов. К этой операции, правда, нужно было приступать с осторожностью, так как верблюд, при всей своей массивности, очень чувствителен к переменам температуры. Если его слишком быстро раздеть, он рискует простудиться; тогда он начинает жалобно хныкать, причем из его глаз катятся крупные слезы.

Удивительное животное этот верблюд. Будучи, несомненно, животным не нашей эпохи, являясь пережитком плейстоценового периода, он презрительно проходит мимо самой сочной травы и охотно питается кактусами и колючими кустарниками. Он жалобно плачет, когда его нагружают и разгружают или когда заставляют встать на колени и снова подняться. Несмотря на все свои странности, а, может быть, именно благодаря им, верблюд поразительно приспособлен к жизни в пустыне, и ни одно животное не могло бы заменить его в песках Монголии.

Прежде, чем покинуть стоянку у красных залежей, мы с Гренжером и Моррисом проехали к Гурбу-Саикхан, обособленной ветви восточных Алтаев. Здесь нас поразило необычайное зрелище: колоссальное стадо антилоп. Подобного скопления животных нам никогда во всей жизни не приходилось видеть. Весь горизонт казался движущейся линией желтых тел. Когда мы догнали их на моторе, стадо разбилось на группы самцов, самок и детенышей. Мимо нас прошло несколько тысяч животных; одни из них оставались, с любопытством рассматривая мотор, другие бежали рысью, держась на безопасном расстоянии. Нигде, кроме Африки, нельзя встретить такого огромного стада диких животных. Перед нами бежали по крайней мере тысяч шесть, а то и больше: желтые пятна тянулись далеко за пределы поля нашего зрения.

Эти антилопы принадлежали к особой разновидности короткохвостых газелей, *gazella gutturosa*, которая водится только в местностях с густой травой: длиннохвостые газели, принадлежащие к типу, характерному для пустыни, никогда не собираются большими группами; бесплодная равнина не может прокормить большое количество животных на одном месте.

Монгольская антилопа (Gazella gutturosa)

Мы покинули «Огненные скалы» 12-го августа. До самой последней минуты нам попадались все новые экземпляры ископаемых, одни лучше других. Кезон нашел великолепный, почти целый скелет динозавра, который мы захватили с собой, но следующих пришлось оставить нетронутыми. Сказочный бассейн был, по-видимому, неисчерпаем. Мы вывезли отсюда шестьдесят ящиков ископаемых, общим весом в пять тонн. Сюда вошли семьдесят черепов, четырнадцать скелетов и, в довершение всего, двадцать пять яиц динозавров.

Когда мы с Гренжером в последний раз оглянулись на сверкающие шпицы и башни Огненных скал, мы могли с благодарностью сказать, что пустыня щедро наградила нас.

ГЛАВА XII

Визит профессора Осборна

Покинув «Огненные скалы», мы решили посвятить последние две недели нашего путешествия исследованию бассейна Осхи, открытого Гренжером в 1922 г. Там он нашел очень маленького, примитивного динозавра, которого профессор Осборн назвал «*Psittacosaurus mongoliensis*». Здесь он открыл также зубы и части скелетов огромных динозавров. Эти кости очень плохо сохранились, но, судя по их размерам, эти животные обладали размерами в семьдесят или восемьдесят футов, превосходя по величине даже бронтозавров и диплодоков.

Бассейн Осхи был первым местом, где мы открыли этих огромных динозавров, признанных одной из самых интересных находок нашей экспедиции. Самый бассейн представляет длинную, узкую долину, окруженную скалами. На его южном конце находятся остатки каких-то старинных каменных построек, служивших, вероятно, религиозным целям. На востоке бассейн резко обрывается.

Бассейн Осхи разочаровал нас. Новые раскопки не дали тех блестящих результатов, которых мы вправе были ожидать на основании прежних находок.

На место наших раскопок обещал приехать профессор Осборн с женой. По нашим расчетам, гости должны были прибыть в Пекин в начале сентября. Оставив нашу экспедицию у «Источника горных вод», — мы с Меккензи Ионгом проехали триста миль до Пекина, для того чтобы встретить там председателя музея. Своим сотрудникам я дал инструкцию расположиться лагерем в «Долине драгоценных камней» и ждать там моего возвращения с профессором Осборном.

В Пекине на вокзале меня встретила жена и сообщила мне о землетрясении, разрушившем Йокогаму. Пароход «Президент Мадиссон», на котором совершал переезд профессор Осборн, должен был отчалить из Йокогамы в день зем-

летрясения. Могло вполне случиться, что проф. Осборн стал жертвою катастрофы. Объятые тревогой, мы целых три дня тщетно старались разузнать, какая судьба постигла «Президента Мадиссона» и другие суда, которые должны были находиться в гавани Йокогамы. А тем временем Осборны спокойно плыли по направлению к Шанхаю в счастливом неведении катастрофы.

19 сентября проф. Осборн прибыл в Пекин и пожелал немедленно отправиться в Калган, чтобы присоединится к экспедиции, ожидавшей нас в «Долине драгоценных камней». Мы немедленно пустились в путь. В четыре часа дня мы увидели игру миража: в горячем воздухе поплыли перед нами, качаясь и кружась, голубые палатки нашего лагеря. Наконец, подобно большим синим птицам, они опустились на землю. Мы приехали.

Приезд профессора Осборна был большим праздником для всей нашей экспедиции. Следующие дни были осуществлением заветных мечтаний для нас и для профессора.

Гренжер открыл великолепный череп титанотерия и нарочно оставил его в земле, чтобы профессор Осборн мог увидеть на месте кость одного из тех животных, существование которых в Центральной Азии он предсказал. Профессор исследовал все значительные залежи ископаемых в «Долине драгоценных камней» и в Ирен Дабасу. Больше всего его заинтересовала находка зуба, принадлежавшего представителю архаической группы копытных млекопитающих, известной под названием Амблинады. Ни одного представителя этих огромных копытных еще не удалось доселе найти в других местах, кроме корифодона (*coriphodon*), найденного в нижних слоях эоцена Франции и Англии.

Этот верхний коренной зуб был единственным экземпляром, относящимся к этой группе, который мы нашли за двухлетний период исследований. Профессор Осборн так увлекся этой находкой, что захотел немедленно отправиться к холму, в двух милях от нашего лагеря, чтобы сфотографировать меня в том месте, где я поднял зуб. На обратном пути профессор указал на небольшой выступ в полумиле от

нас и спросил меня:

— Вы исследовали этот бугорок?

— Нет. Он показался мне слишком незначительным.

— Не знаю почему, — сказал профессор, — но мне хочется осмотреть его.

Мы остановились у подножья холма; я остался в моторе, а профессор Осборн и Гренжер пошли осматривать выступ.

— Вот посмотрите, я найду там второй зуб корифодона, — сказал с улыбкой профессор, выходя из мотора. Не прошло и двух минут, как он в волнении стал манить меня к себе руками.

— Идите скорее, я нашел второй зуб!..

Я выскочил из мотора и бросился на зов. Зуб, который был найден мною, был третьим или четвертым верхним коренным зубом с правой стороны, — а зуб, только что поднятый профессором, оказался третьим или четвертым верхним коренным зубом с левой стороны; оба были почти одинаковой величины. Они, очевидно, не могли принадлежать одному и тому же животному, так как находки были разделены расстоянием в восемь миль.

Последний наш вечер мы провели в живописной долине, окруженной цветущими холмами. Профессор Осборн часа два беседовал со мной о будущем Монгольской экспедиции. Мы открыли новую область, открыли неведомые горизонты для изучения доисторического периода жизни земли. Теперь нам было совершенно ясно, что наша работа не может закончиться в пять лет, как то было намечено ранее, и что она должна продлиться по крайней мере восемь лет. Все участники нашей экспедиции должны были теперь вернуться в Нью-Йорк для приведения в порядок и изучения коллекций, а мне предстояла новая кампания для получения дополнительных субсидий, чтобы организовать экспедицию на новых началах. Все эти планы блестяще удались. Каждый штат Союза внес свою лепту в наше предприятие, а год промежутка дал нам возможность запастись энергией для дальнейших скитаний в пустыне.

ГЛАВА XIII

Новая добыча

Старый Мерин, предводитель нашего каравана, простился со мной у ворот Калгана 20 февраля 1925 года.

— Когда гуси полетят к северу через пустыню Гоби, мы встретимся у «Места тинистых вод», — сказал я ему на прощанье.

— Добрый путь, и да снизойдет благословение Будды на тебя и твое потомство! Мы будем там, о, благородный господин: не бойся! Добрый путь! добрый путь! — ответил мне старик.

Лицо его озарилось приветливой улыбкой. Затем он вскочил на своего огромного белого верблюда и скрылся в желтом облаке пыли, поднятой караваном.

В пустыне было сорок градусов мороза, а нам предстояло проехать восемьсот миль до Шабарак Узу, «Места тинистых вод». Восемьсот миль непрерывной борьбы с холодом, снегом и февральскими ветрами в местности, кишевшей разбойниками, — перспектива далеко не из приятных. Караван состоял из десяти людей и ста двадцати пяти верблюдов, нагруженных полугодовым запасом провианта и газа-лина.

В Монголии ни за что нельзя поручиться, но я все же рассчитывал, что буду в начале весны сидеть у костра в палатке Мерина у Огненных Скал. Мороз и снег не пугали его — они были ему родною стихиею с самого детства. От разбойников он тоже умел ускользать, путешествуя ночью и высыпаясь днем в каких-нибудь заброшенных ущельях. И теперь я имел полное основание рассчитывать, что и в будущем он сумеет выйти победителем из самых трудных положений.

Три месяца спустя, наши семь моторов, нагруженные людьми и снаряжением, с ревом промчались по монгольским равнинам.

В двух милях от Калгана мы заметили алую полосу на вершине холма. Какой-то лама махал нам своим кушаком. Он подъехал к нам верхом на верблюде, и наши монголы вышли к нему навстречу. После пятиминутных переговоров с вновь прибывшими, мне сделали донесение: Мерина задержали у «ямена» (сторожевой пост), на границе. Солдаты не выпускают ни каравана, ни проводников. Лама приехал сообщить нам об этом по поручению Мерина.

Мы не могли понять, отчего Мерина задержали. Монгольское правительство в Урге дало нашему каравану специальное разрешение на переход через границу без всякого осмотра.

Как бы то ни было, приходилось во что бы то ни стало выручать караван. Было ясно, что, даже при благоприятном обороте дела, каравану придется идти ускоренным ходом, чтобы наверстать потерянное время, и что мы должны будем начать летнюю кампанию с истомленными, исхудавшими верблюдами.

От встречных кочующих монголов мы узнали еще некоторые подробности. Разнесся слух, будто наш караван везет военные снаряды. Солдаты подстерегают нас на пути, чтобы отвезти меня в Ургу и расстрелять. Наши ящики вскрыты; верблюдов держат на привязи и почти не кормят. Арест продолжается уже месяц. Словом, вести были далеко не утешительного свойства.

Мы разбили лагерь у «Источника горных вод», в восьмидесяти милях от «ямена». На следующий день шесть человек из нашей компании выехали на трех моторах, основательно вооруженные.

Так как чиновники «ямена» позволили себе игнорировать документы, выданные высшими властями их правительства в Урге, то нам оставалось только осуществить свое право силой или отказаться от экспедиции. Мы решили действовать энергично.

Прежде всего, мы довольно бесцеремонно обошлись с разездом монгольских солдат, высланных нам навстречу с наказом арестовать нас: без лишних разговоров, мы втолкнули одного из них в мотор и велели ему указать нам

дорогу в «ямен». Скоро мы подъехали к группе шалашей, раскинутых вокруг большой юрты. Тут же стояла и палатка Мерины с развевавшимся над нею американским флагом, окруженная ящиками и верблюдами. Наши монголы очень обрадовались нашему прибытию. Доклад Мерины по существу не отличался от всего, слышанного нами раньше. Минут пять спустя после нашего приезда, к нам подошел нахальный молодой бурят и объявил нам, что мы арестованы и должны быть препровождены в Ургу. Начальник пришлет сказать, когда он пожелает нас видеть, моторы же не должны двигаться с тех мест, где они стоят.

— Скажите вашему начальнику, что мы желаем его видеть сейчас, — последовал мой ответ, и мы, все шестеро, направились к юрте, куда скрылся посланец.

Молодой бурят сейчас же появился снова, заявив, что начальник отказывается нас принять. Оставив доктора Лукса и Шекельфорда у входа для охраны моторов, я самовольно раздвинул меховую дверь юрты и в сопровождении Гренжера, Ионга, Ловелля и двух наших монголов вошел внутрь.

Двадцать монголов и бурят с удивлением уставились на нас. Я спросил, кто из них начальник. Лама в дальнем углу юрты, разодетый в роскошный желтый атласный кафтан и шапку с соболей опушкой, поднял руку.

— Как вы смеете игнорировать пропуск, выданный вашим правительством, и задерживать наш караван? — спросил я. — Вы — разбойник! Отвечайте немедленно.

Лама смутился и стал нервно перебирать четки, которые держал в руках; потом окончательно потерял самообладание, оборвал шнурок и смял четки в желтый комок. В довольно бессвязной речи он стал оправдываться. Он ничего не имел бы против того, чтобы пропустить караван, но солдаты задержали его, потому что он перевозил военные снаряды и зловредную революционную литературу. Кроме того, в наших ящиках оказались карманные электрические батареи, которые он принял за бомбы, и две старые китайские винтовки.

Мы молча выслушали его объяснения, потом я с силою ударил кулаком по стоявшей печке, так что все мужчины,

сидевшие в юрте, привскочили, как ужаленные. Потом я в категорической форме заявил, что они позволили себе игнорировать приказ правительства, разрешающий нашему каравану перейти границу, независимо от груза, что они повредили наши запасы, и что мы сейчас свезем их начальника в Ургу, чтобы привлечь к ответственности.

Картина моментально изменилась: перед нами были не напыщенные носители власти, а просто кучка перепуганных туземцев, которые тут же стали упрашивать нас — поскорее забрать свой караван и удалиться с миром. В тот же вечер мы проводили караван, а на следующий день вернулись в лагерь.

Задержка нашего каравана чиновниками «ямена» повлекла за собой полное изменение наших планов и вызвала впоследствии много затруднений. Я сообщил об инциденте в Ургу, и власти выразили нам свое сожаление.

Во избежание повторений подобных недоразумений, нам дали целую кипу документов, которые должны были устранить все препятствия на нашем пути. Кроме того, к нам прикомандировали двух монголов из тайного бюро.

Вследствие изменения планов, мы были вынуждены сделать продолжительную остановку в Шабарак Узу, пока караван плелся по пескам пустыни, совершая запоздалый переход в четыреста миль. Эта дорога, великолепная для моторов, для верблюдов оказалась гибельной. Вследствие полного почти отсутствия растительности и воды, для каравана переход был невероятно труден; нашим верблюдам приходилось питаться собственным жиром, накопленным в горбах, но и эти запасы были скудны, так как были уже сильно истощены во время ареста и вынужденной голодовки у «ямена». Мерин обещал доставить караван в Шабарак Усу через двадцать один день, но опоздал на целых две недели. Однажды, среди ночи, мы слышали звуки монгольской песни. Ее подхватили в лагере, и мы все полуодетые выбежали из палаток навстречу каравану: перед нами отчетливо вырисовалась фигура долгожданного Мерина; за ним следовали девяносто шесть верблюдов. Караван дошел благополучно.

Мы снова расположились в местности, где два года тому назад нашли яйца динозавров; снова любовались огромным алым бассейном, усеянным гигантскими обломками скал, похожими на высеченных из камня чудовищ. Одну из таких скал мы называли динозавром, так как она напоминала собою огромного бронтозавра, присевшего на корточках. Мы снова бродили среди «средневековых замков» с их «шпицами» и «башнями», гигантскими воротами, стенами и валами. Глубокие рвы, лабиринты ущелий и рытвин бороздили местность во всех направлениях. При ярком дневном свете причудливые образы теряли свои фантастические очертания, но по вечерам, когда заходящее солнце бросало пурпуровые тени в этот хаос, «Огненные скалы», освещенные заревом пожара, приобретали какую-то дикую, таинственную красоту. Особенных перемен со времени нашего отъезда отсюда в 1923 году мы здесь не нашли.

Колеи, проложенные два года тому назад нашими моторами, занесло песком, но все же они были еще заметны. Место прежнего лагеря было отмечено кучей скалистых обломков с неполными челюстями динозавров. В 1925 году мы раскинули наши палатки на дне бассейна подле источника. Перед нами вырисовывались фантастические очертания Огненных скал; к северу тянулись песчаные дюны и темнела небольшая роща тамарисков, этих чахлах гостей пустынной флоры. Здесь мы нашли следы «обитателей дюн», расы, жившей в каменном веке двадцать тысяч лет тому назад.

В высоту тамариски не достигали пятнадцати футов; однако, по определению нашего ботаника Шенея, многим из них было больше двухсот лет. Этим материалом мы поддерживали огонь своих костров, вокруг которых сидели по вечерам, рассказывая друг другу свои приключения. Нас было четырнадцать человек, и после трудового дня у каждого находилось, что рассказать.

За две зимы природа все-таки сильно поработала над скалами: постоянные зимние ветры, морозы, ураганы медленно, но неуклонно дробили скалы, а лето с тропически жаркими днями и холодными ночами вызвало новые тре-

щины в этом мягком, красном песчанике; под их совокупным действием скалы обнажились, облегчая нам раскопки и дальнейшие открытия.

Наша добыча была велика и разнообразна. Мы нашли еще яйца динозавра, целые гнезда яиц; цельные, разбитые, крупные и мелкие яйца; с гладкой скорлупой, тонкой, как бумага и с плотной, полосатой скорлупой. Словом, по количеству и разнообразию наши находки значительно превзошли то, что было найдено в первый год.

Случай, удача, совпадение, — называйте это, как хотите, — часто приводят к самым ценным открытиям. За три года нашей экспедиции таких случайностей было так много, что мои лекции с рассказами о них встречались многими слушателями с улыбкою недоверия. А между тем это была чистая правда. Люди не хотят или не могут примириться с мыслью, что действительность часто бывает удивительнее вымысла. Расскажу несколько эпизодов, иллюстрирующих мою мысль.

Наш товарищ, Норман Ловелль, собственно говоря, — специалист по моторам, но его деятельность распространяется на все, что связано с риском. Он постоянно блуждал среди Огненных скал, разыскивая орлиные гнезда.

Гнезда эти обыкновенно расположены на значительной высоте, и нашему спортсмену не раз приходилось вырубать в песчанике ступени, чтобы добраться до них. Заметив однажды орлиное гнездо, висевшее над пропастью, Ловелль подполз на руках и коленях к самому краю обрыва, чтоб заглянуть в гнездо сверху. Вдруг под рукою он почувствовал какой-то острый предмет. При ближайшем рассмотрении предмет оказался скорлупою яйца динозавра. Здесь их лежало целых 14 штук. Сам Ловелль, отправляясь на свою разведку, меньше всего думал о яйцах динозавра. Спрашивается: что это, как не чистая случайность?

Обстановка, в которой произошло открытие, была настолько своеобразна, что Шекельфорд воспроизвел ее на кинофильме. Местонахождение гнезда было настолько неудобное для разведки, что наши палеонтологи, извлекая яйца из грунта, все время рисковали свалиться в пропасть.

А вот и другой случай. В самый день нашего приезда к «Огненным скалам» я обещал бутылку «довоенной» тому, кто первый найдет яйца динозавра. (У нас были всего четыре таких бутылки, предназначавшиеся для «медицинских надобностей»). Охотники сразу же объявились, и Джордж Ольсен взял приз на следующий же день. Выйдя на разведку, Ольсен нашел в песке осколок скорлупы. Внимательно осмотрев весь склон песчаного холма, он нигде не нашел следов яиц. В досаде он ударил мотыгой в обломок скалы. Обломок перевернулся, и под ним оказалось пять яиц динозавра, из которых три были в полной сохранности... Вообще Ольсена смело можно назвать чемпионом мира по нахождению яиц динозавров.

Накануне нашего отъезда из Шабарак Узу, он превзошел всех нас и самого себя находкой целой дюжины яиц, более крупных, чем все такие же яйца, открытые раньше... Они выпали из невысокого обломка скалы и лежали в мягком песке; они имели правильную продолговатую форму и имели девять дюймов в длину; их красивая полосатая скорлупа, испещренная узорами, имела в толщину одну восьмую дюйма и отличалась очень большой плотностью. Лукс нашел яйца в четыре дюйма длиной, с острыми концами и скорлупой тонкой, как бумага. Нам попадались еще другие сорта, размеры и окраска скорлупы которых сильно варьировали. Эти яйца принадлежали *Protoceraptus Andrews*. Этот динозавр, предок огромного Трицератпоса, найденного в Америке, был длиной в девять футов. Тонкие, гладкие яйца были, вероятно, положены разновидностями мелких плотоядных динозавров, кости которых мы открыли в 1923 году. Два сорта вновь найденных яиц не были представлены в нашей коллекции 1923 года. Обилие яиц в этой местности (мы нашли здесь в 1923 году 25 более или менее попорченных экземпляров, а в этом году 40 яиц, из которых половина была в полной сохранности) позволяет назвать «Огненные скалы» естественным инкубатором динозавров.

В 1923 году большинство яиц лежали на дне бассейна, но этим летом они попадались нам в разных местах вдоль его стен, вплоть до самых верхних краев. Расстояние меж-

ду самым высоким и самым низким гнездом равнялось двумстам футов. Требуется очень много времени для образования отложений мощностью в 200 футов. Это доказывает, что динозавры устраивали здесь свои гнезда в течение тысяч или даже сотен тысяч лет. Что привлекало в Шабарак Узу поколение за поколением динозавров, что заставляло их скопляться здесь, по крайней мере в период гнездования? Это скорее всего объясняется свойствами песка. Подобно современным пресмыкающимся, динозавры вырывали узкие ямки, располагали в них свои яйца в виде круга, с носками, обращенными внутрь; затем самка покрывала яйца тонким слоем песка и предоставляла их действию солнечных лучей. Поверхностный слой, естественно, должен быть рыхлым и пористым, чтобы пропускать к яйцам тепло и воздух. Поэтому вполне понятно, что песок этой местности особенно подходил для роли инкубатора.

Сухой климат и сыпучий песок способствовали сохранению хрупких яиц. Самка динозавра покрывала их только тонким слоем песка, чтобы спрятать их от похитителей яиц. Впоследствии ураган мог засыпать гнездо несколькими футами наносов, закрывая доступ к яйцам солнечных лучей. Этим можно объяснить внезапное прекращение инкубационного процесса. Скорлупа яиц лопнула под тяжестью нанесенного песка, и их содержимое вытекло. Тонкий песок проник чрез образовавшиеся щели внутрь и создал те плотные ядра, которые мы находили во всех экземплярах.

Американскую публику разочаровали размеры яиц динозавров. Многие ожидали, что им покажут яйцо величиной с гору. Но не надо забывать, что разные породы динозавров обладали различными размерами, так же, как теперь среди змей мы видим и удавов, и медянок. Для динозавра в девять футов вполне прилично класть яйца в девять дюймов. Быть может, когда-нибудь мы найдем яйца Бронтозавра или Диплодока, и тогда американское общественное мнение будет, наверное, удовлетворено...

ГЛАВА XIV

Обитатели дюн в Монголии

Хотя Колумб, открыв Америку, и приобрел мировую славу, но все же ученые скептики приписывают теперь приоритет открытия Нового Света не ему, а норвежцу Эриксену и другим северянам, будто бы посещавшим берега неизвестной земли за океаном за несколько сот лет до Колумба.

Мы, члены Центрально-Азиатской экспедиции, долгое время считали себя первыми людьми, нашедшими в песках пустыни ископаемые яйца, отложенные за много миллионов лет до нашей эры гигантскими ящерами-динозаврами. Но и нам пришлось в конце концов сознаться, что за 15 или 20 тысяч лет до нас это палеонтологическое открытие сделали первобытные люди, населявшие пустынную местность Шабарак Узу в древнекаменном веке.

Здесь летом 1925 г. мы, совершенно неожиданно, попали на следы особой древнейшей расы людей. Среди других предметов, употреблявшихся ими в качестве украшений, мы обнаружили также и осколки яиц динозавра.

В «мастерских», где они вытесывали свои изделия, мы нашли огромное количество гладких кусочков окаменелых яиц динозавра в $\frac{1}{2}$ кв. дюйма величиной, наряду с кусочками скорлупы страусовых яиц, служившими, по-видимому, материалом для ожерелий первобытных модниц.

Мы назвали похитителей нашей славы Обитателями Дюн, так как остатки их утвари обнаружены были в осыпях песчаных дюн, образовавшихся у корней тамарисковых деревьев, хотя, конечно, за период 20-ти тысяч лет в характере этой местности должны были произойти значительные изменения.

Многие ученые держатся убеждения, что большинство первобытных рас, следы которых были найдены в Европе, пришло из Азии. Волна за волной вытеснялись или уничтожались пришельцами с востока поколения древнейшего

населения Европы. Многие из этих новых племен прошлого оставили после себя каменные изделия и оружие, характеризующие их своеобразную культуру. Изучая жизнь «Обитателей Дюн», мы задались целью определить место, которое им принадлежит в общей мозаике первобытных европейских культур. Является ли тип их орудий и утвари аналогичным европейскому типу и, если так, то не принадлежит ли он к наиболее древним формам европейских находок? В последнем случае имелось бы доказательство миграции первобытных племен из Азии в Европу.

Открытие следов первобытной культуры «Обитателей Дюн» было для нас тем более неожиданным, что при нашем отъезде в Монголию некоторые ученые, кстати сказать, никогда не бывавшие в Монголии, выражали сомнение относительно возможности существования там какого-либо археологического материала. Каждому из нас пришлось пройти через тот же искуc. Нам говорилось, что пользоваться автомобилями для наших исследований в пустыне Гоби будет невозможно, что геологический материал здесь безнадежно занесен песками и порос травой. Что же касается археологических находок, то нелепо, уверяли нас, ожидать их там, где до сих пор нигде не было обнаружено никаких признаков древних поселений человека.

Однако, Нельсон почти на каждом месте наших стоянок находил грубые инструменты, вытесанные из камня. По прибытии в Шабарак Узу Шекельфорд вынул за обедом из кармана целую горсть отесанных кремней. Нельсон признал в них работу человеческих рук. На следующее утро мы с Нельсоном отправились к месту находки; к нам присоединились также Беркей, Моррис и д-р Лукс. Мы тотчас же набрали на песчаные насыпи, скреплявшиеся стволами тамарисковых деревьев. В неглубоких долинах, усыпанных мелким гравием, были всюду разбросаны обломки красной яшмы, сланца, халцедона и других камней с ясными следами обработки, маленькие закругленные кирки, ножи и сверла и несколько наконечников каменных стрел. Откуда появились эти изделия? Быть может, они были смыты с поверхности дюн? Для того, чтобы определить геологический воз-

раст наслоения, нужно было найти кости и выделанные кремни внутри скал.

Вскоре я нашел здесь же остатки яичной скорлупы гигантского страуса Струтиолитуса. Птица эта существовала в ледниковый период, и если бы выделяватели найденных нами предметов оказались ее современниками, то культура их насчитывала бы от 50-ти до 500 тысяч лет существования. В нескольких саженях влево Моррис нашел обломок яичной скорлупы с тщательно просверленным в нем отверстием. Нельсон определил его, как одну из бусин ожерелья.

Находки привели нас в крайнее возбуждение. Даже степенный Нельсон перебегал с места на место, как шестнадцатилетний юноша. Но вот Беркей обнаружил с дюжины выточенных кремней, глубоко врытых в каменисто-песчаный грунт долины. К полудню мы уже обнаружили много таких мест, причем изделия были извлечены из более глубоких пластов, а не из верхних слоев дюн. Но все же ископаемых костей в глубине наслоения пока обнаружить не удалось.

Тут громадную роль сыграло то обстоятельство, что в состав нашей экспедиции вошли специалисты из самых разнообразных отраслей знания.

Наш хирург д-р Лукс оказался одним из самых вдохновенных сотрудников. Вместе с Беркеем он отыскал место, где тысячами были разбросаны выточенные кремни на поверхности земли. Нельсон проработал над их сортировкой целых четыре дня. На следующий день мы нашли темные места в наслоениях красного песчаника, очевидно, представлявшие собою древние очаги. При поперечном разрезе они оказались состоящими из пластов золы, древесного угля, кремней и обгорелых камней. Вслед за этим мы нашли квадратные кусочки динозавровых и страусовых яичных скорлуп, зарытые в песчанике. Тогда-то именно мы и узнали, что яйца динозавров гораздо раньше нас были открыты Обитателями Дюн. В то же время д-р Лукс нашел громадное количество скорлуп страусовых яиц, что еще более усложнило разрешение вопроса. Обитатели Дюн могли приносить

сюда эти осколки так же, как приносили и яйца динозавра, поэтому, если бы нам и удалось найти в более глубоких пластах скорлупу страусовых яиц, погребенных вместе с кремнями, это не дало бы нам указаний на возраст наслоения: оно могло принадлежать и ледниковому, и доледниковому периоду.

Незначительное количество найденных нами костей, плохо сохранившихся, может быть исследовано только в лабораторной обстановке.

После десятидневной интенсивной работы мы могли подвести некоторые итоги. Нельсон установил, что местность Шабарак Узу была населена человеческими существами в продолжение многих тысячелетий. Здесь были представлены, по меньшей мере, две последовательные культуры. Люди нижнего, более древнего наслоения обладали более грубою культурой сравнительно с теми, которые обитали в верхних, более молодых геологических пластах. Их культура принадлежит к позднему палеолитическому периоду или древнему каменному веку. Они не умели выделывать ни каменных дротиков, ни наконечников стрел, ни гончарной утвари. Над этим наслоением была промежуточная фаза, которая постепенно развивалась в неолитический или поздний каменный период. Каменные стрелы, заостренные копья и грубая гончарная утварь характеризуют культуру этой поздней расы.

Геологическими методами было также установлено, что нижнее наслоение, в котором найдены были каменные изделия, принадлежит к раннему послеледниковому периоду; Беркей определяет его возраст 20-ю тысячелетиями. Говоря о послеледниковом периоде, я применяю европейскую терминологию, так как имеются данные, указывающие на то, что эта область никогда не была покрыта ледником.

По мнению Нельсона, изделия эти указывают на культуру, весьма схожую с азийской культурой во Франции и Испании, названную так по франц. местности Ма д'Азиль. Но между этими культурами, однако, имеется и некоторая разница, объяснить которую довольно трудно. Помимо ка-

менных изделий, ази́льцы употребляли оружие, утварь и гарпуны из оленьего рога, тогда как ни в одном из монгольских наслоений нам не удалось обнаружить таких изделий. У ази́льцев был также странный обычай хоронить тела мертвых отдельно от голов.

Ази́льскую культуру относят к концу древнего каменного века, то есть к периоду за пятнадцать тысяч лет до нашего времени. Таким образом, наши Обитатели Дюн оказываются значительно старше ази́льцев. Отсюда возникает вопрос: не мигрировали ли Обитатели Дюн в Европу и не они ли установили там культуру, известную под названием ази́льской? Они могли принести с собою технику своих каменных изделий, а олений рог начали употреблять уже в Европе, где олени водились в огромном изобилии.

Широкое распространение Обитателей Дюн по всей Монголии неопровержимо доказано находкой выделявавшейся ими утвари всюду, где это позволяли благоприятные условия почвы. Для своих временных жилищ они всегда избирали низменные бассейны и долины, которые, как и теперь, состояли из песчаных насыпей. Очевидно, они избирали такие места ввиду легкости добывания в них воды и топлива. Шабарак Узу было одним из самых обширных складов первобытной утвари. Геологи предполагают, что здесь в свое время имелось много обширных озер. По краям этих водоемов тамарисковые деревья росли, вероятно, в огромном количестве. Одетые в звериные шкуры, обитая в шалашах из древесных ветвей, люди той эпохи вели здесь, приблизительно, такой же образ жизни, как современные дикари Австралии или Тасмании. Среди них имелись кустари, умевшие выделять каменные орудия; такие работы производились, вероятно, в особых местах или «мастерских», где теперь мы и находим колоссальные количества обломков яшмы и сланца, а также каменные ножи, скребки и сверла.

ГЛАВА XV

Трагедия в пустыне

Три миллиона лет тому назад, когда мир был стар, а бившая в нем ключом жизнь молода, земля была ареною, на которой разыгрывались трагедии, подобные тем, какие происходят в наши дни. Каменные летописи хранят память о некоторых из них, и кто знает язык этой летописи, может их прочесть. Одну историю, прочитанную нами на скалах песчаных равнин Гоби, я и хочу здесь рассказать

То было в Монголии, в одно летнее, солнечное утро. Наевшись досыта сочными зелеными листьями, громадный зверь стоял на опушке леса. Его ноги напоминали своими размерами и формой массивные колонны какого-нибудь храма, а тело казалось движущейся горой живого мяса. Зверь собирался залечь в прохладной лесной чаще, намереваясь проспать здесь душные дневные часы. Но прежде ему нужно было напиться. И вот чудовище двинулось и лениво побрело к пересохшему речному руслу, где виднелись мелкие отдельные водоемы, сверкавшие и переливавшиеся в солнечных лучах. Добравшись до ближайшего водоема, чудовище наклонилось и стало жадно пить воду, как вдруг почувствовало, что его передние ноги вязнут в песке. Зверь с усилиями освободил было ноги, но едва он переставил их на новое место, как предательский песок затянул их еще глубже. С бешеным ревом стало рваться животное, стараясь освободиться из роковых объятий, но чем сильнее оно билось, тем глубже увязало в зыбучем песке. Вот песок достиг уже его груди, плеч, и лишь массивная голова еще торчит поверх песка. Еще мгновение, и голова также исчезла. Роковая ловушка захлопнулась, подстерегая новые неосторожные жертвы.

Такова трагедия, которую мы прочли в один июньский день 1925 г., спустя три миллиона лет после того, как она разыгралась в нынешней Монголии.

Мы приехали на моторах и раскинули палатки около могилы этого неведомого гиганта. Вдали поднималась серебристая вершина горы, покрытая снегом; у ее подножия сверкало озеро. На переднем плане, хаотичные красные и серые овраги пересекали песчаную равнину, которая тянулась на север к темным горам, покрытым лавой.

С того дня, как наш гигант подошел к роковому водоему, ставшему его могилой, местность, конечно, сильно изменилась. Над этой могилой ветры не раз громоздили песчаные холмы, и не раз снова уносили их прочь. Бывали здесь в свое время и зеленые луга, и роскошные леса, но все это исчезало, уступая место пескам пустыни Гоби.

Честь этого нового открытия принадлежит Лиу, одному из наших китайских сотрудников. Заметив в красном песчанике на склоне крутого холма белую кость, он разрыл это место и сообщил о своей находке Гренжеру. Тот немедленно произвел раскопки и открыл часть ноги Белуджитерия. Кость залегала в необычайном положении: она торчала вертикально. Объяснить это возможно было только предположением, что животное, которому нога принадлежала, увязло в зыбучем песке. Лиу нашел заднюю правую ногу. Если указанное предположение было справедливо, то на расстоянии двух-трех ярдов по склону холма должна была находиться другая, передняя нога. Гренжер отмерил три ярда и произвел новые раскопки. И действительно, там оказалась передняя кость правой ноги, похожая на окаменевший ствол дерева и также стоявшая вертикально. Вслед за этим были открыты обе левые ноги, и перед нами воскресла вся картина далекого прошлого. Животное, наверное, быстро погружалось в песок и боролось до последней минуты; оно околело только тогда, когда захлебнулось в песке; если бы оно увязло наполовину и погибло от голода, оно упало бы набок. Геологи набросали нам картину этой местности. Шеней, на основании куска окаменевшего дерева, описал нам ее климат и растительность, и мы могли мысленно восстановить эту древнюю трагедию в соответствующих декорациях.

Мы жалели об одном, — что нашли только ноги животного, а не весь гигантский скелет, стоявший на четырех ногах. Такая находка поразила бы весь мир.

— Вальтер, отчего вы достали только ноги? — сказал я Гренжеру, — отчего вы не показали нам всего остального?

— Вы сами виноваты, — ответил он. — Вы должны были привести нас сюда тридцать пять тысяч лет тому назад: тогда его могила еще не была снесена ветром.

Он был прав: мы опоздали приблизительно на указанное Гренжером число лет. По мере обнажения могилы, скелет постепенно распадался на мелкие куски, и ветер разнес эти куски по равнине. Мы подобрали несколько жалких обломков древнего гиганта. Но мы не теряем надежды когда-нибудь открыть могилу с нетронутым скелетом.

Область «Белого озера» в свое время, очевидно, изобиловала белуджитериями. Красные холмы были усеяны тысячами челюстей и зубов.

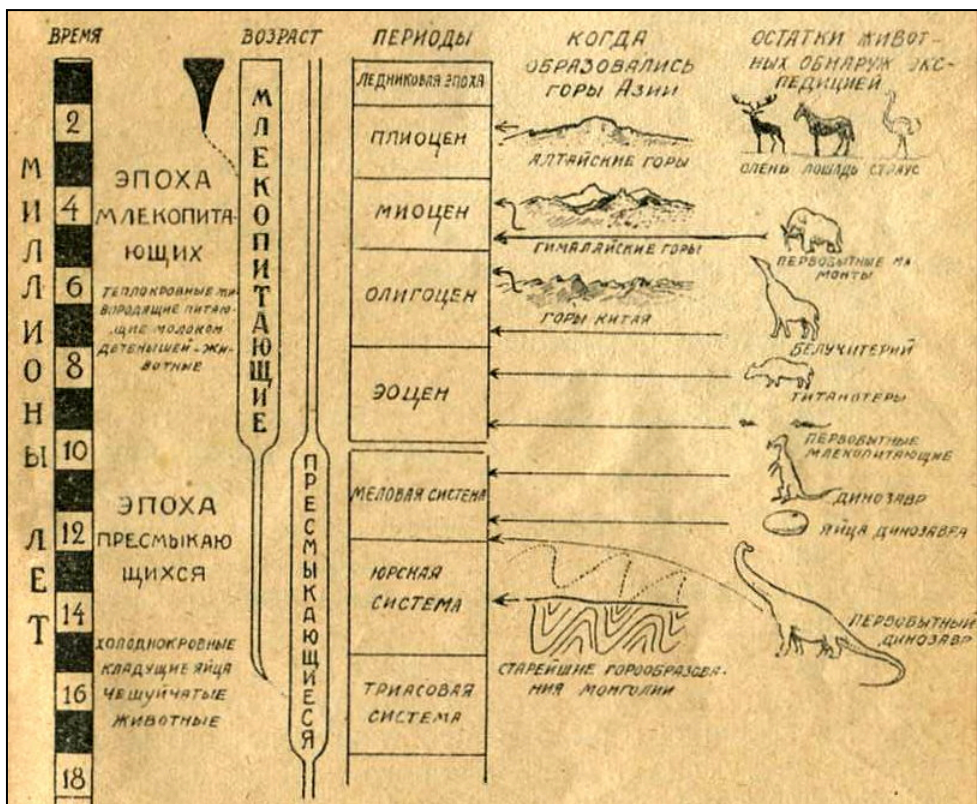
Несмотря на всю безжизненность и унылость пейзажа, мы нашли на берегу Белого озера очень живописное место для стоянки. Мы ехали сюда вдоль северных отлогов Алтайских гор. Дорога была очень тяжелая; нам пришлось много побороться с песками, грязью и обломками скал. Больше всего хлопот доставляли нам десятки мелких ручейков, сбегавших с гор. Имея в глубину 2-3 фута, они были слишком широки, чтоб через них можно было перескочить на моторе, — и нам приходилось постоянно строить земляные мосты и возобновлять их после прохождения каждого мотора. То была неблагоприятная и утомительная работа.

10 июня мы добрались-таки до Белого озера. Здесь нас ожидало разочарование. Красивое озеро уменьшилось сравнительно с тем, каким мы видели его в 1923 г., приблизительно раза в четыре. Водное пространство окаймлялось широкой полосой тины; сочная растительность сменилась блеклой желтой травой. Тем не менее, мы остались в восторге от своего лагеря. Это была все же наиболее красивая местность на всем протяжении пустыни. Под лучами заходящего солнца гора Бага Богдо, лежавшая по ту сторону озера, имела ажурный и фантастический вид. Между горой и

озером тянулась желтая полоса песчаных дюн. В глубине равнин росла высокая трава и кусты дикого горошка с чудными алыми цветами. На песок ложились длинные, извилистые тени, а контуры дюн поражали своеобразною красотою. Но то была грозная, опасная красота: эти живописные дюны грозят, во время урагана, неминуемой смертью людям и животным. Песчаный смерч может в какой-нибудь час задушить и засыпать все живое.

Наши геологи, Беркей и Моррис, сделали Тсаган Нор объектом изучения. Это — весьма типичное озеро пустыни. У нас уже имелся значительный запас наблюдений от 1923 г., прежние береговые знаки хорошо сохранились, об истории озера кое что могли нам порассказать монголы. Робертс Бэтлер и Робинзон составили великолепную карту, которая являлась предметом нашей гордости: таким точным топографическим снимком, как этот, не могла похвалиться ни одна азиатская экспедиция,

Вначале дно озера было покрыто на несколько дюймов водою; но, когда мы вернулись к нему 16 июля, после экспедиции на запад, оно уже совсем высохло: шумные стаи диких птиц, которые еще так недавно оживляли местность, исчезли, и мы нашли посреди илистого дна лишь единственного, одинокого селезня. Изучение Белого озера вносило значительный свет в вопрос об изменении климата в Монголии — вопрос весьма важный, так как климат, несомненно, является одним из решающих факторов в определении происхождения и расселения человеческих рас и различных видов животных. Несомненно, что в Центральной Азии климат не раз подвергался весьма существенным изменениям. Когда-то богатая осадками, эта страна постепенно теряла влагу, а вместе с тем возрастало оскудение растительности. С окончанием ледникового периода, высыхание равнины пошло ускоренным темпом. Наши геологи утверждают, что Монголия никогда не имела ледникового покрова, как то имело место во всей северной Европе и Америке. Лед скопился на вершинах гор, но ледники никогда не спускались в равнину. Этот факт подтверждает гипотезу о том, что

Таблица, представляющая результаты произведенных Андриусом палеонтологических исследований истории животного населения Центр. Азии на протяжении 14 миллионов лет.

Внизу таблицы представлены наиболее древние формы гигантских пресмыкающихся, ископаемые остатки которых были обнаружены экспедицией. Центральные части Азии в эту отдаленнейшую эпоху были покрыты роскошной растительностью и изрезаны горами, которые теперь, в процессе многовекового выветривания, превратились в мощные толщи бесплодных песков пустынь. В этих песках погребены интереснейшие переходные формы, связывающие на протяжении десяти миллионов лет первобытных пресмыкающихся с современными млекопитающими и человеком. Научные результаты экспедиции Андриуса дают, таким образом, новые и неопровержимо блестящие доказательства теории эволюции и подтверждают геологически позднейшее происхождение человека, развившегося из прародительских животных форм на грани сравнительно молодой ледниковой эпохи.

прародиною человечества была именно Средне-Азиатская равнина.

Харольд Лукс и Бэтлер совершили 24 июня подъем на Бага-Богдо, снежную вершину по ту сторону Белого озера. На вершине горы они пробыли всего пятнадцать минут из-за тумана и убийственного холода. Водрузив там американский флаг и флаг Нью-Йоркского исследовательского клуба, они соорудили там памятник из камней и оставили в бутылке проспект Центрально-Азиатской Экспедиции.

Монголы относятся к этой вершине с суеверным страхом и убеждены, что человек, дерзнувший подняться на нее, обречен на гибель. Поэтому сомнительно, чтобы кто-нибудь из туземцев поднимался когда-нибудь на эту вершину, хотя подъем и не особенно труден. Члены экспедиции, наверное, были первыми людьми, совершившими такое восхождение. У подножия Бага Богдо было множество крупных насыпей, окруженных камнями. При раскопках Нельсон открыл здесь довольно хорошо сохранившийся человеческий скелет, но какой-либо утвари при нем не оказалось. Надо думать, что этим могилам больше тысячи лет.

Наши палеонтологи исследовали залежи серой глины плиоценового периода, в которых я в 1923 г. нашел хорошо сохранившийся олений рог. Плиоценовый период, непосредственно предшествовавший ледниковому, отделен от нас, приблизительно, миллионом лет. В то время окрестности Белого озера были покрыты лесом. Мы нашли в отложениях ископаемые остатки настоящей лошади (*equus*), оленя, мастодонта и гигантского страуса. Особенно интересна была находка гнезда гигантского страуса, *Strathiolithus*. Скелет этого страуса неизвестен, но, судя по найденным около гнезда остаткам яиц, он был вдвое больше современных страусов.

Наладив работу у Белого озера, мы с Шекельфордом снова принялись за кинематографические съемки. Песчаная равнина к северу от озера кишмя кишела куланами и антилопами. В семи милях от лагеря мы натолкнулись на громадное стадо куланов, число которых превышало тысячу. Когда мы приблизились к стаду, животные столпились

вокруг нашего мотора. Автомобиль вообще почему-то притягивает всех животных пустыни, как магнит. Вскоре мы оказались окруженными огромной массой ослов, которые сотнями бежали по обеим сторонам мотора, поднимая тучи желтой пыли, слепившей нам глаза. К ослам присоединялись и антилопы. Любопытство животных дало возможность Шекельфорду сделать ряд любопытных киноснимков.

Интересна дружба дикого осла с антилопой. Они обыкновенно встречаются вместе и, когда нам случалось загонять стадо ослов, к гонке всегда присоединялись антилопы. Обе породы животных живут в одной местности и питаются одною и тою же пищей. Кустарники и сухая трава пустыни так хорошо питают их, что они всегда кажутся жирными и откормленными. Кулан и антилопа так приспособились к жизни в пустыне, что могут обходиться без воды. Сок растений превращается в воду в их желудках и удовлетворяет потребностям их организма.

С берега Тсаган Нора мы ясно различали огромную гору Икхе Богдо, закрывавшую западную часть горизонта. Мы знали, что у подножия этой горы находится большое озеро Орок Нор, но никто из нас его не видел: окруженное песчаными дюнами, оно было недоступно для наших моторов, и нам стоило больших усилий пробить себе дорогу к заливам на восточном конце озера. Эти заливы, густо заросшие тростником, кишели множеством птиц; но ископаемых мы здесь не нашли. Зато нас утешило открытие другого озера, Кхолоболчи Нор, или маленького Белого озера, — посреди обширного поля ископаемых.

Экспедиция прибыла сюда 28 июня. Мы раскинули палатки на небольшой поляне, поросшей изумрудною травой. Моя палатка стояла на самом берегу озера. Вдали медленно плыли девятнадцать белых лебедей; ближе к берегу барахтались стаи диких уток с утятами; в двух шагах от моей палатки бродил одинокий аист.

Ночью произошло необычайное событие! Нас, в пустыне Гоби, разбудили рыбы! Сильный ветер с запада нагнал воду к нашему берегу. Но ночью он вдруг стих, и вода отхлынула так быстро, что тысячи рыб остались на узкой при-

брежной полосе. Судорожные движения рыб, старавшихся добраться до воды, вызывали своеобразный шум, походивший на хлопанье в ладоши. Выйдя из палатки, я увидел тысячи серебристых тел, блиставших при лунном свете у самого берега. Мы с Гренжером разбудили Бэкшота и Ванга, наших китайцев. Те пришли в дикий восторг и побежали за сетью. Вскоре весь лагерь наблюдал любопытную сцену массового лова рыбы. Мы позавтракали жареной рыбой, но она оказалась дряблой и отдавала тинной. Однако, нашим китайцам рыба пришлась по вкусу, и они потом часами солили ее и сушили на солнце про запас.

Шекельфорд и Лукс достали несколько рыб из озера Орок Нор, того же сорта, как пойманные в маленьком Белом озере. Все эти рыбы были длиной приблизительно в девять дюймов. Но рыбы, которые водятся в Тсаган Норе, резко отличаются от рыб Орок Нора; этот факт представляется очень странным, так как оба озера несколько сот лет тому назад представляли один общий водоем. Не вполне понятно также и наблюдавшееся нами обилие рыбы в озерах пустыни. Вероятно, рыбы приплывали вместе с речками, которые вливались в озеро, сбегая с гор. Может быть, рыбу заносили сюда также и птицы из соседних рек. Во всяком случае, этот факт является довольно знаменательным.

ГЛАВА XVI

По следам древнего человека

Я пробыл два дня у маленького Белого озера. Когда наши искатели костей вместе с археологом прибыли в мой лагерь, я вышел на встречу мотору. Мои коллеги хранили подозрительное молчание, хотя по лицу Гренжера было видно, что у них есть важные новости.

— Ну, Вальтер, говорите, скорее, что у вас нового? — спросил я.

— Я тут не при чем. Спрашивайте Нельсона, — ответил

он с загадочной улыбкой.

— Что вы там натворили, несчастный археолог?.. — обратился я к Нельсону. — Сознавайтесь скорей, мое терпение лопается.

— Да не бог весть что! — ответил, как бы нехотя, Нельсон. — Вот разве скелет человека плейстоценового периода...

— Что такое?.. Человек плейстоценового периода?.. Силы небесные! Да ведь это-то как раз то, о чем мы мечтали целые годы!

Я забросал товарищей вопросами и скоро выяснил, в чем было дело. В залежах серой глины, найденных мною еще ранее и принадлежавших, по определению наших геологов, к ледниковому периоду, Гренжер и Беркей нашли кости лошади и мастодонта. Нельсон отправился туда сегодня утром, надеясь отыскать каменные орудия или следы первобытного человека. Сначала его поиски были бесплодны, но к вечеру было сделано великое открытие. Из-за позднего времени им пришлось отложить раскопки до следующего утра, и они вернулись в лагерь, чтобы сообщить мне о находке. Я ликовал и уже собирался отпраздновать это событие, но Нельсон, самый осторожный из наших ученых, посоветовал не торопиться, так как не исключалась возможность, что мы просто натолкнулись на древний могильник. Это было возможно, и я отложил празднество.

Ночь я провел очень тревожно: мне все время снились первобытные люди, сражающиеся с гигантскими рыбами у входа в мою палатку.

Ранним утром мы были уже на месте и, затаив дыхание, наблюдали, как Нельсон извлекал скелет.

Кости лежали в мягкой глине и их легко было отчистить. И вдруг, — о, ужас! — я увидел кусок гнилого дерева! Еще немного, — и на свет божий появилась кость ноги, завернутая в березовую кору. Итак, наши мечты о плейстоценовом человеке были безнадежно разбиты! Предположение Нельсона оказалось правильным: то была могила, — правда, очень древняя, но что значила для нас какая-то ничтожная тысяча лет? Могила, вероятно, принадлежала пред-

шественникам монголов, так как теперь здесь на протяжении сотен миль нельзя встретить ни одной березы, и их не было уже несколько столетий. А мы рассчитывали, что этот человек жил сто тысяч лет тому назад, когда в лесах ледникового периода бродили еще мастодонты. Мы надеялись, что он принадлежит к раннему палеолиту, может быть, даже к эпохе знаменитого «*Pitcanthropus*'a» острова Явы...

Но что было делать? Приходилось примириться и утешать себя надеждой, что со временем мы будем счастливее.

Открытие скелета, все-таки, представляло большой интерес, так как оно давало нам ценные указания касательно прежних обитателей Монголии и их обычаев.

Первое разочарование не разрушило нашей уверенности, что в этом месте сто тысяч лет тому назад жили первобытные люди, создававшие орудия эпохи раннего каменного века. Нельсон нашел несколько таких орудий в песчаной равнине за озером. Это были каменные топоры и скребки трубой работы, вполне сходные с типичными палеолитическими орудиями, известными в Европе. Человек этой отдаленной эпохи, создавший их, сражался своим грубым оружием с мамонтом, пещерным медведем и носорогом, отделявая скребками их шкуры для одежды. Ему было известно употребление огня. Он вел кочевой образ жизни. Его кости были найдены в Европе, Африке и — недавно — в Палестине. Теперь мы определенно знаем, что он жил в Азии, так как и здесь нашли орудия, сделанные его руками.

В 1923 году два ученых иезуита, Лисен и Тейлор-де-Шарден, открыли богатейшие залежи орудий раннего каменного века в пустыне Ордос, к югу от области наших раскопок; подобно нам, они нашли среди костей носорогов и других млекопитающих груды осколков скорлупы яиц гигантского страуса *Struthiolithus*, который когда-то носился по равнинам Монголии и северного Китая. Очевидно, эти первобытные люди питались яйцами. Яйцо этого гиганта было вдвое больше яйца современного страуса и могло заметить полторы дюжины куриных яиц.

Залежи, найденные иезуитами, находились на берегу древнего озера, давно засыпанного песком. Вероятно, пер-

вобытные жители Азии поселялись на берегу озер: в пещерах они жить не могли по той простой причине, что в этой области пещер вообще не было. По всей вероятности, они находили себе убежище около каких-нибудь обрывов, неподалеку от берега, и строили себе шалаши из веток, покрытых шкурами.

Так как первобытные люди Азии жили под открытым небом, то следы их сохранились не так отчетливо, как у пещерных людей. Несмотря на то, что иезуиты нашли в пустыне Ордос доказательства их продолжительного пребывания на одном месте, а мы открыли в Шабарак Узу область, где первобытные люди жили почти непрерывно в течение двадцати тысяч лет, — ни им, ни нам не удалось найти человеческих костей. В Ордосе первобытные люди, вероятно, хоронили мертвецов вдали от стоянок. Можно было подумать, что первобытные жители Азии не хоронили своих покойников; но, судя по аналогии с их европейскими современниками, этот обычай у них должен был существовать.

Только наличность скелетов и черепов может дать нам возможность установить связь между первобытными обитателями Азии и Европы. Их культура, типичная утварь, способы изготовления каменных орудий, свидетельствуют о том, что между ними существует родственная связь. Трудно предположить, чтобы два однородных типа культуры развивались совершенно самостоятельно в различных частях света. Более правдоподобно предположение, что культура Европы и Азии имеет общее происхождение. Весь вопрос в том, где следует искать прародину этой культуры? Теперь, когда кости палеолитического человека и предметы его обихода найдены в Палестине и в Африке, сравнительно легко наметить путь его переселения из Азии.

Пока это, конечно, только гипотеза, но мы имеем немало данных ожидать, что эта гипотеза рано или поздно станет доказанным фактом.

Если Азия действительно окажется колыбелью этой ветви первобытного человечества, то это послужит сильным подтверждением и более общей теории, — что равнина центральной Азии была родиной гораздо более раннего типа

человека. Блестящая догадка профессора Осборна о том, что эта область была центром распределения многочисленных разновидностей млекопитающих всего мира, приобретает все новые и новые подтверждения с каждым годом нашей работы в Монголии. В пользу его предположения свидетельствуют ежедневно собираемые нами вещественные доказательства, все более и более выясняющие картину климата, растительности и общие условия жизни этой области в плейстоценовый и ранний ледниковый периоды, к которым относят начало развития человеческой расы.

Установленный нашими геологами факт, что ледяной покров никогда не покрывал центральную Азию в плейстоценовый период, когда Европа и Америка были покрыты сплошным ледником, лишний раз подтверждает гипотезу о том, что эволюция человеческой расы совершилась именно в этой огромной равнине. Несомненно, миллион лет тому назад в пустыне Гоби существовали совершенно иные условия жизни. Климат был теплее и не так сух, как теперь; деревья и трава зеленели там, где теперь тянутся бесплодные пески. Наши геологи утверждают, что Монголия подвергалась последние сто тысяч лет быстрому высыханию. Уже одно это обстоятельство было способно вызвать переселение первобытных племен в Африку, Европу и другие области, где условия были более благоприятны для существования.

Тот факт, что иезуиты нашли палеолитические кремни в Ордосе, а мы открыли тот же тип орудий на несколько сотен миль севернее, доказывает широкое распространение палеолитического человека в Монголии сто тысяч лет тому назад.

То же нужно сказать и относительно Обитателей Дюн, живших двадцать тысяч лет тому назад в конце раннего каменного века.

Всюду, где попадался красный песчаник, мы находили их кремневые орудия. Ложбина под тем холмом, где Нельсон открыл псевдо-плейстоценовый скелет, дала исчерпывающую картину культуры обитателей дюн. Около Орок Нора нам снова встретился красный песчаник, но там не оказа-

лось кремневых орудий. Это объясняется тем, что слой песчаника лежал ниже прежнего уровня озера. Очевидно, вода залила эту местность после того, как здесь жили Обитатели Дюн, и смысла их орудия.

Шеней, Шекельфорд и Лукс провели несколько дней у заливов Орок Нора, делая фотографические снимки и собирая растения.

Множество диких птиц, — уток, гусей, лебедей, аистов, различных пород чаек и водяных ласточек — гнездились на островках, заросших высокой травой. Снимки вышли не особенно удачны, так как период гнездованья уже прошел. Зато Шеней набрал великолепную коллекцию растений. Он встретил здесь почти те же самые растения, как в американских озерах. Геологи провели неделю в горах, исследуя глетчеры, и впервые нашли несколько берез, вероятно — остатки прежних рощ. Палеонтологи сделали очень ценную находку — два черепа млекопитающих, известных под названием амблиподов.

Два зуба, найденные в 1923 году профессором Осборном и мной, — были до сих пор единственным подтверждением его догадки, что эта группа млекопитающих, жившая в Америке, существовала и в Азии. Благодаря этим зубам, было с несомненностью установлено существование группы амблиподов в Азии; черепа же, найденные Гренжером у маленького Белого озера, дали возможность более точно установить родственную связь между азиатскими и американскими видами.

Мы имели все основания предполагать, что залежи ископаемых простираются и дальше к западу, и меня давно тянуло перейти Алтайские горы для новых исследований. Туземцы рассказывали о диких верблюдах, о знаменитой лошади Пржевальского, о бесплодных равнинах, песчаных горах, о случаях смерти от жажды. Но эти рассказы давали мне мало и только усиливали мое любопытство. И эта исполинская страна, видневшаяся перед нами на южном краю горизонта, интриговала меня, как бы посылая мне молчаливый вызов. Перейти через эти горы на лошадях было возможно, это мы знали. Но доступно ли это мотору?

Козлов, знаменитый русский исследователь, говорил мне, что перешел Алтай где-то вблизи нашей стоянки, но у него был караван верблюдов. Нам казалось, что мы нашли его тропинку, так как заметили резкий перелом между вершинами западнее Икхе Богдо.

Эндрюсарх (реконструкция Э. Фульда)

19 Июля мы с Робертсом, Ловеллем, Ионгом и нашим верным монголом, Тсерином, выехали на автомобиле, захватив с собой небольшое снаряжение, провизии на две недели и газолину для пробега в пятьсот миль. Проехав несколько миль к западу, мы направились прямо к горам. Робертс, с помощью компаса, набрасывал карту нашего пути. С вершины низкого холма мы увидели небольшое озеро с маленькими островками. Чайки и водяные ласточки носились над его зеркальной поверхностью. Робертс начал набрасывать береговую линию, а я навел на озеро свой сильный бинокль. Тут я заметил, что дело с озером обстоит не совсем благополучно: берег как-то расплывался, а островки рас-

качивались во все стороны. Я посоветовал Робертсу отложить набросок, и мы направили мотор к берегу «озера». В действительности ни берега, ни озера не оказалось. Это был простой мираж, но мираж чрезвычайно обманчивый. Нигде не было даже намека на воду и островки, а предполагаемые чайки оказались тетеревами... А между тем, мы все, с первого взгляда, перезакладывали бы, кажется, головы, что видели действительное озеро.

Мираж, однако, сослужил нам хорошую службу, так как навел на удобную тропинку, по которой мы доехали до русла высохшего потока. Мы все время передвигались довольно свободно, несмотря на скалы, местами преграждавшие нам путь. В конце концов мы выехали на живописную долину против Икхе Богдо, Большой Горы, снежная вершина которой тонула в облаках. Отсюда нам пришлось свернуть на каменистую дорогу. Ионгу и Ловеллю удалось проехать по ней десять миль до входа в глубокое ущелье. Здесь мы остановились и продолжали путь пешком. Вскоре мы увидели извилистую тропинку, удобную для лошадей и верблюдов, но совершенно недоступную для мотора. Мы назвали ее «Тропинкой Козлова», так как это, по всей вероятности, была та самая дорога, которою прошел знаменитый русский исследователь.

Продолжая наш путь в автомобиле, мы встретили знакомые стада диких ослов и антилоп, которые, как всегда, окружили нас, привлеченные машиной.

Несмотря на тысячи животных, эта местность производила впечатление полнейшего запустения. Может быть, картина омрачалась черной стеной гор, окружавшей нас со всех сторон, может быть, нас угнетал тот факт, что мы на протяжении сотни миль нигде не видели следов лагерного костра или кругового знака, оставленного палаткой монгола. Мы все изнемогали от усталости, когда с наступлением ночи раскинули лагерь на дне высохшего озера. Наш измеритель скорости показывал сто пятьдесят миль, но мы на всем этом расстоянии не встретили ни одного источника. Нас это мало тревожило, так как у нас был небольшой запас воды, и, кроме того, ярко-зеленые пятна травы на дне

старого озера доказывали, что вода находится неглубоко под поверхностью.

Хотя Гоби — настоящая пустыня, однако, вопрос о воде стоит здесь не так остро, как можно было бы предполагать. Если иметь под рукою лопату, то, при известной сноровке и умении ориентироваться, можно всегда найти воду на глубине 8-9 футов. Монголы всюду достают подпочвенную воду. Вдоль главных караванных путей источники попадают через каждые 50-60 миль. Некоторым источникам много сотен лет, так как монгольские караванные пути принадлежат к древнейшим в мире.

Следующий день начался неудачей. Мотор неожиданно завяз в рыхлом песке, и нам пришлось строить под колесами фундамент из камней, что является единственным выходом из такого положения. Целых четыре часа провозились мы над возведением каменной базы, в шесть футов высотой. Против «Покинутой долины», как мы окрестили эту местность, тянулся неровный ряд холмов, среди которых виднелось небольшое углубление, похожее на тропинку. По ней мы рискнули пробраться на своем автомобиле и, благополучно переехав низкие холмы, оказались на краю зияющей пропасти. Окруженная красными гранитными утесами, залитыми черной лавой, выступавшими тысячу фантастических очертаний на фоне низко нависших туч, эта пропасть имела какой то зловещий вид, напоминая дантовский «Ад». Нам удалось обогнуть пропасть. Дальше шла твердая, усеянная гравием дорога в гору; мы поднимались на высоту в семь тысяч футов, но нам казалось, что мы взбираемся на «крышу мира». Мотор летел, как птица, по твердому грунту, а мы распевали и смеялись, испытывая необыкновенный подъем духа.

У подножия горы наш путь пересекла хорошо протоптанная дорога. Мы поехали по ней в направлении к востоку. Ехать было очень удобно: огромные плоские ступни верблюдов притоптали песок, который был здесь тверд, как камень. Дорога привела нас к дивному ключу. Здесь раскинулся лагерь караван китайцев. Караван состоял из двадцати человек при 200 верблюдах. Китайцы направлялись

в Кобдо, и целых девять месяцев им предстояло провести в пустыне. Они везли чай, полотно и табак в обмен на верблюжью и овечью шерсть, кожу, меха и пони. Это была старинная караванная дорога из глубин Монголии в Китай. Путешественники встретили нас очень радушно и сообщили много сведений об этой местности, по которой проезжали уже не раз. По их словам, дорога проходила через Алтайские горы и поворачивала на север к Улясутаю и Кобдо; на протяжении нескольких сотен миль к западу и востоку тянулась песчаная равнина без всяких признаков скал и ложбин, где можно было бы встретить ископаемые. Последующее трехдневное знакомство с местностью подтвердило правильность их рассказов. Приходилось всю эту местность исключить из маршрута нашей экспедиции. Газолин наш был на исходе, и мы, исколесив 600 миль и набросав карту обширной площади, повернули обратно.

ГЛАВА XVII

Древнейшие в мире млекопитающие

Я спал крепким сном, как вдруг, пред рассветом, меня разбудило какое-то непонятное, странное чувство беспокойства, от которого натянулись все мои нервы. Крутом царила полная тишина. Моей руки коснулась холодная морда, и Волк, наша полицейская собака, жалобно завыл, прижимаясь ко мне. Затем он повернул голову по направлению к «Огненным скалам» и снова издал протяжный, зловещий вой. Я вскочил и, захватив револьвер, — вышел из палатки и в сопровождении собаки обошел весь лагерь. Все было тихо. Коленопреклоненные верблюды, выстроившись двумя рядами, мирно спали. Но эта мертвая тишина вызывала во мне смутную тревогу, и я, вернувшись в палатку, проверил, лежит ли револьвер у изголовья Гренжера. Затем я снова залез в свой меховой мешок, а Волк поплелся к выходу, бес-

покойно обнюхивая воздух. Это показалось мне подозрительным, и я уже не мог заснуть. Через четверть часа я почувствовал, что воздух дрожит от какого-то глухого рева. Рев с каждой минутой усиливался. Я наконец понял: это надвигался песчаный смерч! В моей палатке закрутился песчаный вихрь и «демон-ветер» промчался мимо, сорвав по пути палатку Ловелля.

В серых предрассветных сумерках мы ясно различили зловещую бронзовую тучу на южной стороне неба. Через десять минут воздух снова задрожал от бешеного рева, и около моей палатки раздался страшный треск, словно от разорвавшейся гранаты. Зарывшись головой в мешок, я слышал, как скрипели и хлопали своими полотнищами падавшие палатки. Гренжер вскочил и бросился к ящику, где лежали шесть крошечных черепов млекопитающих, самая ценная находка нашей экспедиции. Но вихрь свалил его с ног, ударив о ящик.

Ураган пронесся, оставив наш лагерь в развалинах. Все пятнадцать палаток были сорваны, и наши сотрудники вылезали из груды обломков, добродушно ругаясь, кто как умел, — по-английски, по-китайски и по-монгольски.

Вся обстановка лагеря представляла хаотическую грудку развалин. Длинный след обломков показывал путь, по которому «демон-ветер» промчался к роще тамарисков, где десять тысяч лет тому назад жили Обитатели Дюн. Множество стульев и складных столов было переломано, а все палатки разорваны.

Тамариски напоминали рождественские елки: все они были разукрашены серпантинами из разорванных рубашек и белоснежными пушинками ваты. Котлы, одежда, тарелки были захвачены вихрем, который раскидал их по пустыне. Мне никогда не приходилось наблюдать такого сильного урагана; к счастью, он продолжался только четверть часа.

Это было в середине июля, после нашего возвращения к «Огненным скалам», прославленным яйцами динозавров. Экспедиция проникла на запад до широты Улясутая. Открытые новые области ископаемых оказались незначи-

тельными. Исследования к югу от Алтайских гор принесли одни разочарования. Нам оставалось только вернуться обратно, перерезать горы и продолжать раскопки в окрестностях Шабарак Узу. Впереди нас ждали еще совершенно неисследованные области Внутренней Монголии. Весной, перед самым нашим отъездом из «Огненных скал», я получил письмо от д-ра Маттью, куратора отдела палеонтологии Американского Музея Естественных Наук. С большим волнением, этот обычно весьма уравновешенный человек сообщал в своем письме, что маленький череп из коллекции 1923 г., — обозначенный Гренджером, как «череп неизвестного пресмыкающегося», в действительности принадлежит самому древнему из всех известных млекопитающих. Его нашли в том же наслоении, где открыли яйца динозавров, — у Шабарак Узу*. Большинству моих читателей этот факт, вероятно, покажется не важным, но каждый палеонтолог поймет как волнение д-ра Маттью, так и то возбуждение, которое вызвало среди нас его письмо. Твердо установлено, что от холоднокровных рептилий, размножавшихся посредством кладки яиц, миллионы лет тому назад произошли теплокровные млекопитающие, которые производили на свет живых детенышей и вскармливали их молоком. За сто лет научной работы нашли только один череп млекопитающего эпохи рептилий, хотя обломки зубов и челюстей изредка и попадались. Этот единственный череп такого млекопитающего, названного «тритьлодом», был найден в Южной Африке и хранится в Британском Музее, как величайшее палеонтологическое сокровище.

Но он относится к группе млекопитающих, которая вымерла в Эоценовый период, на заре эпохи млекопитающих, и не имеет прямого отношения к современным видам.

«Сделайте все возможное, чтоб найти еще черепа», — писал в своем письме д-р Маттью.

* Поскольку это географическое название часто мелькает в тексте, пришло время заметить, что в оригинальном издании встречаются такие вариации, как Шабарак Усу, Шаборак Усу, Шабарак Узу и т.д., в исходном английском тексте — Shabarakh Usu (*Прим. изд.*).

— Это — заказ. Постараемся его выполнить, — заметил Гренжер, прочитав письмо. С этими словами он отправился к подножию «Огненных скал» и через час вернулся с новым черепом млекопитающего. Опять — поразительная, невероятная случайность, совпадение, как и при находке профессором Осборном второго зуба «корифодона» — случайность, о которой я здесь решаюсь говорить только потому, что тринадцать очевидцев прочтут мою книгу и будут иметь возможность уличить меня в преувеличении.

Гренжер, Ольсен и наши китайцы, Бэкшот и Лиу, провели целую неделю в упорных изысканиях. То была утомительная работа. Черепа вросли в маленькие обломки разрушенной скалы. Дно бассейна было сплошь усеяно этими камнями, и приходилось пересматривать их, до тысячи в день, под палящими лучами солнца. Но Гренжер и Ольсен не теряли энергии и к концу недели нашли шесть черепов.

Это была, вероятно, самая ценная неделя работы во всей истории палеонтологии.

Самый крупный череп был длиной в полтора дюйма. Гренжер тщательно упаковал их, и я не спускал с них глаз во все время переезда из Пекина в Нью-Йорк. Не без торжества я преподнес их в 1925 году доктору Маттью в Американском Музее и сказал при этом, что они являются прямым последствием его письма.

Через несколько часов после моего приезда в Музей, Альберт Томсон приступил к препарированию этих черепов. Работа производилась под микроскопом, и твердые частицы камней счищались с костей крошечными инструментами, острыми, как игла. К новому году черепа были окончательно препарированы. Профессор Осборн отзывается об этих древних млекопитающих следующим образом: «Несомненно, что вымирание крупных земноводных и водных рептилий, живших до конца мелового периода, подготовило путь эволюции млекопитающих.

Природа в начале своей творческой работы пользовалась недифференцированными мелкими видами теплокровных четвероногих, чтоб постепенно создать из породы млекопитающих новых гигантов, которым суждено было в свою

очередь завладеть землей и водой. Одним из самых драматических моментов жизни мира является гибель династии рептилий, которая произошла в конце мелового периода, — последнего этапа эпохи рептилий.

Мы не имеем представления о том, какая причина мирового масштаба вызвала это явление: была ли то внезапная катастрофа, или же оно совершилось медленно и постепенно в конце мелового периода; мы имеем пред собою только один факт: гигантские рептилии, обитавшие в воде и на суше, исчезли».

Млекопитающие, найденные нами, были крошечными созданиями, не больше крысы, которые ползали по земле в середине мелового периода, — десять миллионов лет тому назад. Их следует рассматривать, как первую попытку природы создать насекомоядные, плотоядные и травоядные группы млекопитающих. Их можно считать первыми предками человека, так как они являются древнейшими представителями класса млекопитающих, к которому принадлежит человек.

Эти черепа имеют особенно важное значение, так как они принадлежат самым древним представителям класса млекопитающих, связанным родственными узами с современными группами.

В то время, как я пишу эту главу, только что началось изучение этих экземпляров. Они так примитивны, что трудно будет точно установить их родословную линию. С первого взгляда кажется, что они разделяются по крайней мере на два вида, из которых один окажется группой насекомоядных. Современные землеройка и крот — типичные насекомоядные, и давно известно, что они очень древнего происхождения. Другую группу составят креодонты, самые ранние плотоядные.

Открытие этих млекопитающих мезозоя означает, что мы добрались до самых глубоких корней родословного дерева млекопитающих. Теперь еще слишком рано предугадывать, какие новые перспективы в эволюционной теории откроются нам благодаря этим черепам. Пока они кажутся незначительными, но я уверен, что даже когда яйца дино-

завров будут забыты, ученые будут помнить эти крошечные черепа, как венец наших открытий в Азии.

На пути к «Огненным скалам» мы оставили Ионга, Бэтлера, Робинзона, Лукса, Шеня и Робертса у Артса Богдо, одной из вершин восточных Алтаев. Шеней предполагал собирать растения, а остальные рассчитывали поохотиться за косулями и дикими баранами. Нельсон и Моррис вернулись к нашему главному лагерю, изучая по пути памятники культуры палеолита, открытые нами во время поездки на запад. Тем временем я с Гренжером, Беркеем и Ловеллем предпринял недельную поездку, чтобы исследовать местность к югу от Алтайских гор. Монголы предупреждали нас, что караванных путей на юг не существует. В тридцати милях от нашего лагеря поднималась гора Гурбун Саикхан. Мы проехали через туннель, оказавшийся входом в русло высохшей реки, окруженное круглыми холмами, поросшими низкой травой и цветущим диким луком. Дорога привела нас к холодному источнику, у которого находились груды наслоений красного песчаника, но мы целый час напрасно искали в них следов ископаемых. Наши геологи недавно нашли в таких же наслоениях, ближе к востоку, — обломки костей динозавра, и определили, что это слои эпохи рептилий. Они установили, что Алтайские горы возникли позднее, к концу третичной эпохи.

В конце дороги открывался вид на глубокий бассейн, окруженный стенами красного песчаника, но полтора дня исследований показали, что рассчитывать на находки ископаемых здесь трудно. Здесь мы имели, между прочим, возможность наблюдать любопытный пример разрушения почвы под действием внезапной бури. После проливного дождя, разразившегося над Гурбун Саикханом, мы слышали глухой рокот и увидели поток коричневой воды, надвигающийся на нас по склону холма. Он несся так быстро, что мне пришлось обратиться в бегство, чтоб уклониться от него. Поток шоколадного цвета сорвал тонкий поверхностный слой, обнажив новые утесы и ложбины. Такие случаи должны вообще иметь место там, где нет растительности, задерживающей дождь.

Монголы были правы, утверждая, что к югу нет караванных путей, но мы сделали три попытки переехать пустыню в тех местах, где горные хребты спускались к равнине. Пески дважды заставляли нас повернуть вспять, но третья попытка оказалась более удачной, и мы проделали около ста миль по твердому грунту. Опасные тропинки завели нас в лабиринты ущелий, и мы неожиданно оказались на краю бездны. Ловелль пустил в ход оба тормоза и остановил мотор на самом краю обрыва. Это была, пожалуй, самая опасная минута за все это лето, проведенное нами в Монголии. Если бы мотор полетел в пропасть, экспедиция лишилась бы пяти сотрудников.

Вся эта область была безнадежна с нашей точки зрения. Узкие, разорванные горные цепи параллельно тянулись на востоке и западе; между ними расстилались равнины, не перерезанные рытвинами и ложбинами, и нам негде было искать ископаемых.

Свернув на дорогу к западу, мы увидели одинокую юрту, притаившуюся за грудой скал. Из нее выскочили полдюжины монголов, требуя яростными жестами, чтобы мы остановились. Это был «ямен» у границы Верхней Монголии. Трудно себе представить более бесполезный пункт для ямена, так как мы на протяжении многих миль не видели даже признака жилища.

Так как наше исследование к югу от Алтайских гор не дало положительных результатов в смысле новых залежей ископаемых, нам оставалось только вернуться к «Источнику горных вод» в внутренней Монголии, где находились обширные, нетронутые залежи. Я хранил их в виде резерва на тот случай, если крайний запад пустыни Гоби обманет наши ожидания. 2-го августа мы с сожалением покинули «Место тинистых вод».

И было, в самом деле, о чем пожалеть: ведь одна эта местность дала нам больше, чем мы смели ожидать от всей пустыни Гоби. Когда экспедиция отправилась в путь в 1922 году, Монголия была, в естественнонаучном смысле, почти неведомой страной. Нам говорили, что Монголия так же бедна в палеонтологическом и геологическом отношениях,

как и в физическом. А между тем, первые яйца динозавра, виденные человеком, сотня черепов и скелетов неизвестных динозавров, семь черепов мезозойских млекопитающих и первобытная человеческая культура «Обитателей Дюн» — были открыты на пространстве в несколько квадратных миль, на дне этого пленительного бассейна!.. Я с грустью смотрел на «Огненные скалы». Увижу ли я их еще когда-нибудь? Активные годы жизни исследователя сочтены, а меня призывали новые области изысканий. Быть может, я еще когда-нибудь увижу «Огненные скалы» — из окна вагона экспресса, но мой караван никогда уже не будет блуждать по пустыням, отыскивая дорогу к этой сокровищнице истории — Монголии. Эта местность будет, несомненно, полем деятельности для новых экспедиций в течение многих лет. Мы только тронули поверхность, и каждый сезон разрушительных вихрей будет открывать все новые и новые богатства, схороненные в ее недрах. И кто знает, что еще готовит нам эта область, уже так много давшая науке?

ГЛАВА XVIII

На обратном пути

«Огненные скалы», кладбище динозавров и их яиц, остались далеко за нами; Центрально-Азиатская экспедиция возвращалась обратно. По пути мы удачно охотились, часто не выходя из моторов.

При переходе через границу Внутренней Монголии из области, управляемой Советами, где наша экспедиция работала все лето, нам пришлось снова проехать мимо ямена, задержавшего весной наш караван. Мы все с любопытством ожидали этой минуты. У меня скопилось уже столько документов от правительства в Урге, что ими при желании можно было бы оклеить стены просторной комнаты. Весной чиновники ямена игнорировали их. То же могло повториться и теперь. Оказалось, что весь служебный состав яме-

на переменялся после нашего последнего посещения; новые чиновники были в меру любезны и дали разрешение на свободный проезд. Однако, мы не поверили их обещанию беспрепятственно пропустить наш караван и спустя две недели выехали ему навстречу, чтобы в случае нужды защищать его с оружием в руках. И только после того, как вся экспедиция благополучно миновала монгольскую границу и оказалась в области, подчиненной китайской юрисдикции, мы вздохнули свободно.

Мы остановились лагерем у «Источника горных вод», в трех милях от Калгана. Гренжер и Беркей произвели разведки к северо-востоку и нашли новые, обильные залежи ископаемых. Работа топографов и ботаника могла считаться законченной, а Шекельфорд хотел заняться в Пекине проявлением своих фильм. Поэтому я решил отвезти на двух моторах Бэглера, Робинзона, Шенея и Шекельфорда в Калган и, ознакомившись с политическим положением, вернуться в лагерь с Мак Ионгом.

За несколько дней до нашего отъезда Шекельфорду удалось снять самое большое стадо антилоп, когда-либо виденное нами. Мы заметили их рано утром в шести милях от нашего лагеря. Шекельфорд провел несколько часов, снимая это стадо, но снимки вышли не особенно удачны. Мы знали, что антилопы не уйдут далеко, так как здесь были прекрасные пастбища. На другое утро мы с рассветом отправились на съемку. Около пятидесяти тысяч животных паслись в глубине равнины. Мы видели через бинокли, как они резвились, щипали траву, кормили детенышей. Вся их интимная жизнь развернулась перед нашими глазами.

Меня удивило полное отсутствие волков. Такое огромное сборище живого мяса должно было бы привлечь всех волков округа, но в Монголии вообще очень мало волков. Их скорее всего можно видеть вблизи караванных путей, где они питаются павшими верблюдами, но и там они попадают только одиночками или парами.

На пути в Калган с нами случилось приключение, из-за которого мы едва не потеряли мотор. Проезжая через высох-

шее русло реки, я развил большую скорость, но вдруг почувствовал что-то неладное. Казалось, почва уходит из под наших ног. Наш автомобиль попал в полосу зыбучего песка, и его стало засасывать. Нам грозила та же катастрофа, жертвой которой стал в свое время наш Белуджитерий. Если бы у нас не было второго мотора, вытащившего мой автомобиль на буксире, — кто-нибудь, может быть, открыл бы через миллион лет окаменевшую машину, засыпанную песком.

Путь на Калган, несмотря на беспорядки, происходившие в Китае, оказался совершенно свободным.

Я провел в Пекине только три дня, после чего вернулся в Калган, а оттуда в наш лагерь. Оказалось, что наши палеонтологи не потеряли времени даром. Гренжер сейчас же после завтрака повел меня на раскопки. Ольсен нашел несколько черепов, а Гренжер и Беркей решили, что они открыли новый геологический горизонт, относящийся, вероятно, к верхне-эоценовому периоду, т. е. к периоду появления на земле млекопитающих. Интереснее всего был череп необычайного зверя, найденный Луксом. Характерной особенностью черепа были толстые рога длиною в восемнадцать дюймов, выступавшие над глазными впадинами. Рога на концах имели утолщения и, вероятно, были покрыты кожей, как рожки жирафа.

Находка Лукса была настолько не похожа на все другие, что никто из нас не мог сказать, какому животному она принадлежала. Череп оказался в очень плохом состоянии, и потребовалось все терпение и опытность Гренжера, чтобы его извлечь.

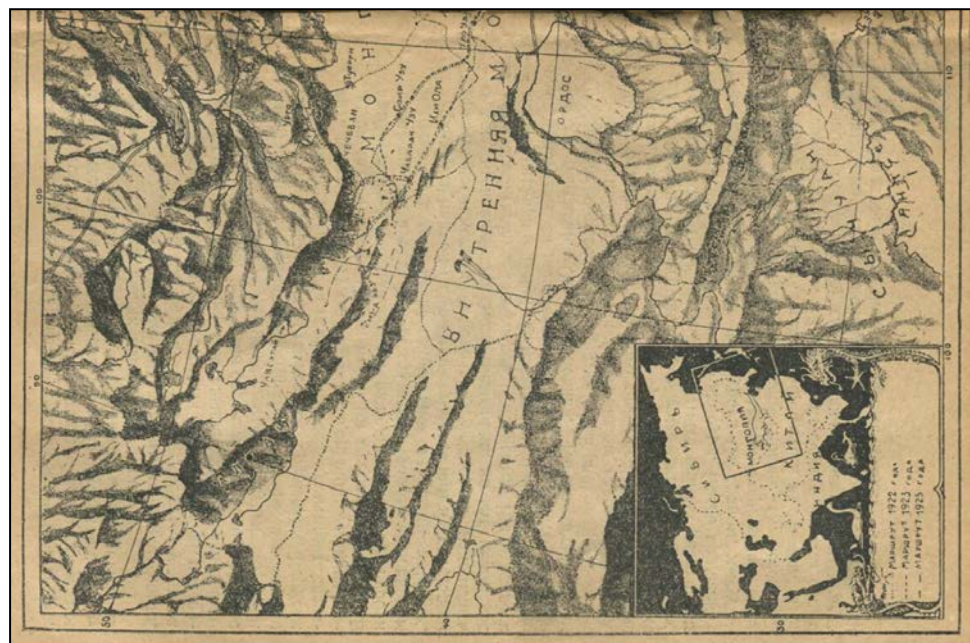
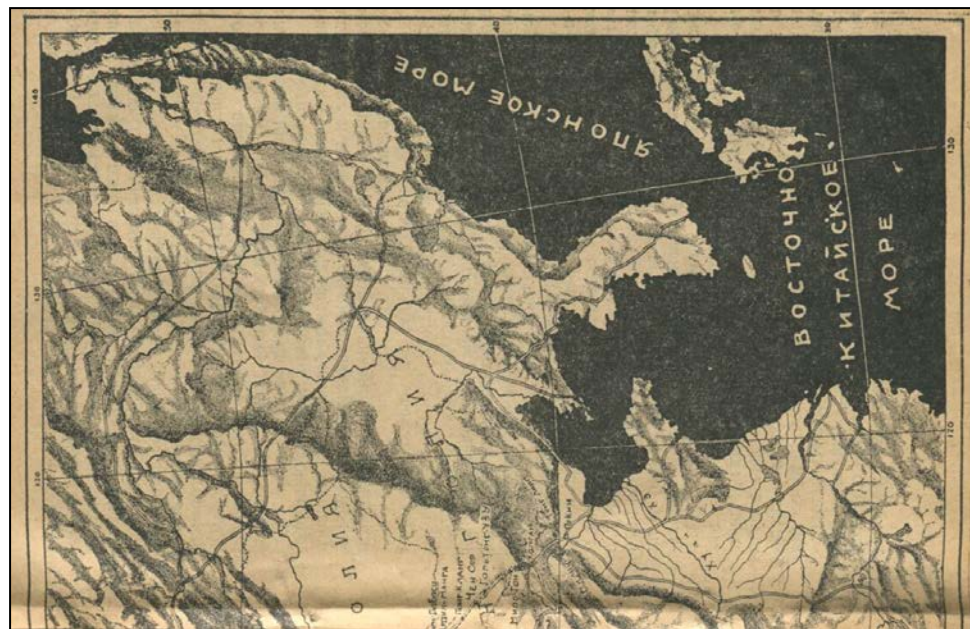
На другое утро после моего возвращения в лагерь, Гренжер сообщил мне, что Чи, один из наших китайцев, нашел огромный череп. Мы все пошли смотреть на его извлечение, так как это самый интересный момент в археологических изысканиях. Сначала, судя по величине черепа, мы решили, что он принадлежит Белуджитерии, но, при ближайшем рассмотрении, признали в нем титанотерия. Эти огромные животные, имевшие отдаленное сходство с носорогами, были известны только в Америке, пока мы не от-

крыли их в Монголии. Мы в первый и второй год нашей работы нашли только очень ранние, примитивные типы, но этот череп принадлежал позднему, более крупному виду; американские животные этого типа были снабжены огромным вилообразным рогом на носу. У нашего экземпляра не сохранилось носовых костей, но зубы и остальные части черепа совершенно ясно доказывали его происхождение.

Нельсон, наш археолог, нашел в тех же местах около тридцати каменных груд, которые, очевидно, представляли из себя изделия человека. Камни были расположены очень правильно, и Нельсон решил, что это могилы. Нам стоило больших усилий отодвинуть эти камни, так как некоторые из них глубоко вросли в землю. Две могилы оказались пустыми, но третья дала интересные результаты. Здесь, прежде всего, мы нашли прекрасно сохранившиеся массивные бревна. Под ними лежал совершенно целый скелет человека. Он был ростом в 5 футов и 10-11 дм. Подле скелета лежал колчан из березовой коры, наполненный стрелами. Некоторые стрелы были деревянные, другие были сделаны из камыша с деревянными наконечниками. Острия были железные. Лук оказался разломанным на множество кусков, но его починят в музее. На голове у человека был, очевидно, тюрбан, так как сохранились обрывки материи, прилипшие к черепу. Меня особенно заинтересовало седло в изголовье, очень похожее на седла, употребляемые нашими кавалеристами. Нельсон считал, что этим могилам по крайней мере тысяча лет.

Полная сохранность дерева и костей объясняется местоположением на склоне холма с прекрасным стоком и сухостью пустыни.

Беркей и Моррис нашли еще следы первобытного человека. Произошло это так. Однажды, сидя в монгольской юрте, в двадцати милях от «Источника горных вод», Беркей обратил внимание на небольшой самородок меди, лежавший на семейном алтаре. Монголы заявили, что он был найден в окрестностях храма, в пятнадцати или двадцати милях к югу.

Геологи разыскивали это место и нашли место разработки руды. Разработка металла, по мнению наших геологов, прекратилась, за истощением, около 1000 лет тому назад.

На одной из последних стоянок мы подверглись нападению змей. Вскоре после того, как мы разбили лагерь, к нам явились двое лам из соседнего храма, находившегося в расстоянии четырех миль; они пришли просить нас не убивать здесь животных и птиц на соседнем утесе, так как это место считается у монголов священным. Я обещал исполнить их просьбу, но нам пришлось нарушить свое обещание.

В окрестностях лагеря моим спутникам сразу же попалось несколько гадюк. Эта ядовитая змея — единственная разновидность, которая встречается в пустыне. Несколько дней спустя температура к вечеру внезапно упала, и это повлекло за собою нашествие на лагерь целой армии змей, искавших крова и тепла. Лежа уже в постели, Ловелль увидел вползавшую в палатку змею. Вскочив, он стал осматривать помещение. При свете электрического фонарика, он открыл под койкой еще двух гадюк. Покончив с ними, он увидел новую гостью, спрятавшуюся было за ящиком у его изголовья.

Ловелль не спал почти всю ночь в этой охоте. С другими товарищами произошла такая же история. Моррис убил в своей палатке пять гадюк, а Ванг, наш шофер-китаец, нашел змею, комфортабельно свернувшуюся в его башмаке; убив ее, он поднял с полу свою мягкую кепку, и оттуда тоже выпала змея. Так, в общей сложности, внутри наших палаток было убито 47 гадюк. Мы назвали эту местность «Змеиным лагерьем». К счастью, змеи от холода становятся вялыми и не набрасываются на человека сразу; поэтому мы отделались от них благополучно. Из всей нашей ком-

паний пострадал только Волк, наша собака: змея укусила его в лапу, но Ольсен вылечил его.

История со змеями подействовала на нас на нервы, и мы все начали трусить. Китайцы и монголы бросили палатки и спали в моторах или на ящиках с запасами. Мы все не выходили в темноте иначе, как с фонарем в одной руке и киркою в другой.

Однажды вечером, выходя из палатки, я наступил на что-то мягкое и круглое. Я закричал и взбудоражил весь лагерь: тут выяснилось, что предмет, возбудивший мой ужас, был простою веревкою...

Нам пришлось нарушить обещание, данное ламам, но наши монголы не нарушили священного завета.

Змеи обыкновенно водятся на утесах, вроде того, на котором мы раскинули лагерь. Они встречаются на всем протяжении пустыни. Скопление же их около нашей стоянки объяснялось тем, что это было священное место, и здесь монголы не решались их убивать. Других змей в Монголии нет: климат пустыни слишком сух и холоден для этих пресмыкающихся.

Новый лагерь оказался богат не только змеями, но и ископаемыми. Русло высохшей реки, протекавшей здесь четыре миллиона лет тому назад, было сплошь усеяно костями. Мы нашли тридцать семь челюстей в одном слое, и достаточно было соскоблить несколько дюймов отложений в любом месте, чтобы найти ценные экземпляры. Здесь мы открыли черепа своеобразного животного, известного под названием «*Chalicotheres*». У этого «копытного животного с когтями» голова и шея напоминали лошадь, зубы — носорога, а на ногах, вместо копыт, были когти.

Эта область когда-то кишела маленькими копытными животными по названию «*Lophirdon*», и наши палеонтологи собрали обширную коллекцию челюстей и черепов, принадлежавших к неизвестным видам и родам этого млекопитающего. Мы до сих пор не нашли лошади в очень древних слоях. Это нас удивило, так как мы твердо рассчитывали открыть здесь неизвестного пятипалого предка современной лошади. Четырехпалые лошади встречаются в эо-

ценовых отложениях Европы и Америки, но мы уверены, что первоначальная порода развивалась в Азии, только ее следы до сих пор ускользали от нас.

Пока в «Змеином лагере» кипела работа, шестеро из нашей компании произвели разведки в 500 милях к югу, в области, которую было предположено исследовать летом 1926 года.

Когда мы вернулись из этой поездки, дождь и первый снег предупредили нас, что нам пора двинуться в Калган. С севера потянулись стаи тетеревов, золотистые зуйки тысячами слетались из сибирских тундр. Все эти признаки хорошо известны путешественнику по Монголии.

12 сентября наши моторы с ревом спустились по склону холма на дно бассейна, оставляя «Змеиный лагерь» гадюкам и коршунам. Еще один сезон окончился благополучно, дав благоприятные результаты.

Следы первобытного человека, поскольку нам удалось установить, ведут к югу, и мы в будущем году снова пойдем по этим следам.

Трудно предугадать, чего мы достигнем в этой все еще новой и неизведанной стране.

ДИКОВИННЫЕ ЗВЕРИ

**О ЖИВОТНЫХ ДАЛЕКОГО
ПРОШЛОГО**

1. ТРАГЕДИЯ АСФАЛЬТОВОЙ ТОПИ

Вообразим, что время отодвинулось почти на миллион лет назад, к началу ледникового периода. Огромные ледяные поля покрывали тогда почти весь север американского материка.

Пейзаж в тех местах, где ныне раскинулся город Лос-Анжелес, был в ту пору почти таким же, как и в наши дни. Группы кустов и деревьев были рассеяны по широкой долине среди могучего высокотравья. (Пройдет миллион лет — в этой долине построят ранчо Ла-Бреа и назовут этим именем и саму долину.)

Где-то на востоке серебристой змейкой вилась тихая река, а на переднем плане виднелось несколько странных луж. Они были окружены кольцом голой и черной земли и заполнены полужидким асфальтом. Пузыри зловонного газа появлялись и лопались на его поверхности. После дождя вода застаивалась на этой зыбкой корке. Вода была скверной, но все же годилась для питья. В сухую погоду эти лужи сидели от пыли; лужи, долина и далекие горы Берегового хребта сверкали в горячем свете дня...

Саблезубый тигр только что проснулся. С вершины тенистого холма он обозревал необъятную долину. То был могучий зверь. Более свирепого и грозного убийцы не знали эти места. У него был короткий хвост и мощные передние лапы. Громадные, девятидюймовые клыки, изогнутые наподобие турецких ятаганов, «свисали» по обеим сторонам верхней челюсти зверя. Ни одно животное не могло устоять против таких клыков. Зверь этот, собственно говоря, не был настоящим тигром, но мы называем его так — уж очень он был похож на хорошо всем знакомого бенгальского хищника.

Саблезубый тигр был властелином страны. Все здесь принадлежало ему по праву силы, а силу придавали ему страшные клыки. Но повадки у этого зверя были совсем такие, как у домашней кошки. Он так же зевал и потягивался. Но только пасть раскрывалась гораздо шире, и куда внуши-

тельней были зубы — они кололи, как кинжалы, резали, как острые ножи, ими он без труда перемалывал кости. Зверь был слегка голоден, но в этой солнечной долине пищи было вволю. Она «паслась» у подножия холма. Вдали, на горизонте, медленно шествовала вереница южных слонов — гигантских предков слонов современных.

Но саблезубый тигр не любил слонов. Слишком велики были эти звери, слишком толста их кожа, да и силы в них было много. В любое время они могли дать отпор любому зверю. Иное дело, если тигру-великану встретился бы одинокий слоненок.

В стороне группа верблюдов обедала листья кустарника и молоденьких деревьев. Это были большие животные — куда более крупные, чем современные верблюды. Горбов у них не было, а тело покрывала грубая шерсть.

Саблезубый тигр глядел на них с омерзением. Сперва нужно было незаметно подползти к этой дичи, а затем затратить уйму энергии, чтобы ее умертвить... Тигр был не настолько уж голоден, да и день располагал к лени. Недурно было бы еще немного вздремнуть! Хищник с наслаждением растянулся на скале и положил голову на перед-

ние лапы.

Через полчаса он внезапно проснулся. Странное чувство подняло его на ноги. Внизу, в долине, глаза хищника уловили какое-то движение. Два громадных косматых зверя продирались сквозь кустарник близ ложа пересохшего ручья.

Тело тигра напряглось как струна. В желтых глазах вспыхнули хищные огоньки. Перед ним была его излюбленная добыча — неуклюжие, медлительные гигантские ленивцы — мегатерии; скажем в скобках, что они были отдаленными предками современных ленивцев, населяющих леса Южной Америки. В отличие от гигантских ленивцев, которые обитали на земле и никогда не забирались на деревья, современные ленивцы целыми днями висят на ветвях, цепляясь за них своими длинными крючковатыми когтями.

Гигантские ленивцы были крупнее белого медведя. Под шкурой у них имелись костяные пластинки, которые как бы броней защищали тело. Шерсть у них была густая и длинная, лапы вооружены громадными изогнутыми когтями.

Тяжело переваливаясь на ходу, уверенные в своей безопасности, ленивцы продвигались вперед. Они забыли о существовании Саблезубого! Его зубы-кинжалы могли в одно мгновение рассечь их жесткую кожу, перерезать яремную вену... Конечно, саблезубому тигру опасны были могучие когти ленивца, но избежать их не стоило труда. Гигантские ленивцы — звери глупые и неповоротливые — вряд ли могли причинить хищнику вред, а мясо у них было отменное.

Звери продолжали свой путь. Их томила жажда. Впереди заманчиво блестела вода, скопившаяся на асфальте после вчерашнего дождя. Ленивцы пересекли полосу черной голой земли, которая окаймляла самую большую лужу, и зашлепали дальше по мелкой воде, выбирая местечко получше, чтобы утолить жажду. Еще несколько шагов и... внезапно дно начало медленно оседать, ноги животных погрузились в клейкий асфальт. Ленивцы делали отчаянные попытки вырваться из неожиданного плена, но их задние лапы с каждым движением все глубже увязали в черном иле. Вырваться из жуткой трясины было невозможно!

Саблезубый тигр оставил свой холмик и тихо пополз сквозь кустарник. Брюхом он припал к самой земле, он даже не полз, он струился по ней. Горящими глазами он следил за животными, которые барахтались в луже. Ближе, ближе... одним прыжком тигр перемахнул через полосу черной грязи и оседлал ближайшего ленивца. Отчаянным рывком животное сбросило хищника. Тигр скатился в асфальт, с глухим рычанием он повернулся, чтобы разодрать в клочья золотисто-коричневую шею жертвы, и... не смог даже поднять лапы. Липкий асфальт держал его, как в тисках. Впервые в жизни Саблезубый пришел в смятение. Он забыл о ленивце, он думал теперь только о собственном спасении, но было уже поздно. Асфальтовая лужа медленно засасывала его в свое бездонное чрево.

С полдюжины больших черных стервятников следили с безлистных деревьев за разыгравшейся трагедией. То были огромные птицы с голой красной головой и большим клювом. Крылья их достигали в размахе по крайней мере трех метров. Эти стервятники были ближайшими родственниками кондоров, и ныне живущих в Калифорнии. Питались они падалью. Они не вступали в бой со своими жертвами, подобно орлам или ястребам, а терпеливо ждали, когда попавшие в беду звери околеют или станут совсем беспомощными.

Ленивцы все еще барахтались в цепком асфальте, и стервятники все время парили над ними. Наконец один стервятник тяжело шлепнулся на поверхность лужи. За ним последовал второй, затем — третий. С хриплым клекотом набросились они на обессиленных животных. Еще мгновение — и жадные клювы вонзятся в живое, трепещущее мясо. Но что это: ни одна из птиц не может сдвинуться с места. Как мухи на липкой бумаге, бьются громадные стервятники, увязая крыльями, лапами, хвостом... Прошло немного времени — и мусорщики равнин превратились в черные асфальтовые шары. Солнце еще не зашло за горы, все еще тянулся погожий летний день, но уже никаких следов не осталось на асфальте. Влажная поверхность луж сверкала как серебро. Ловушка готова была принять новые жертвы.

История, о которой я только что рассказал, вполне достоверна. Вымышлены лишь некоторые детали. А узнали мы о ней по ископаемым костям, погребенным в асфальте. Да и кроме того, эти ловушки существуют в долине Ла-Бреа и в наши дни. Правда, сейчас они не столь велики, как миллионы лет назад.

Однажды утром я стоял на краю одной из этих луж. В черной липкой грязи боролся за жизнь цапля и кролик. Ястреб кружился над ними, опускаясь все ниже и ниже. Я видел, как он камнем упал на кролика, вонзил свои когти в тело животного, попытался его поднять и... спустя две минуты был пойман сам. Из года в год та же судьба постигала многих животных и птиц. Коровы, лошади и собаки нередко подвергались той же участи. Порой их вытаскивали из трясины, однако самым жалким образом в ней погибали все животные, которых не удалось вовремя спасти. И лишь после того, как эта ловушка была огорожена, опасность перестала угрожать четвероногим и крылатым обитателям долины Ла-Бреа.

Лужи эти образовались первоначально из нефти, которая сочилась из-под земли. Нефть густела на воздухе и, смешиваясь с землей и пылью, наносимой ветром, превращалась в твердый асфальт. Но вокруг самого источника асфальт оставался мягким. Много тысяч лет назад, в ледниковое время, нефтяные источники были гораздо активнее, чем в наши дни.

Когда люди начали добывать в Ла-Бреа асфальт для покрытия дорог, они обнаружили в нем множество костей. Долгое время на эти находки никто не обращал внимания. Но затем за изучение странных костей взялись ученые из Калифорнийского университета. Удалось отыскать в асфальте тысячи черепов и десятки тысяч прочих костей. Все они были пропитаны асфальтом, но изменились очень мало. Конечно, от мяса, кожи, рогов и копыт не осталось ничего. Все кости были очень сильно перемешаны — никогда не попадались целые скелеты.

Асфальтовые ямы Ла-Бреа знамениты своими величайшими на Земле скоплениями ископаемых останков. Нигде

больше кости самых различных животных не сохранились так хорошо, и именно здесь эти окаменелости легче всего раскапывать и изучать.

В Ла-Бреа ученые открыли более пятидесяти различных видов птиц и по меньшей мере столько же млекопитающих. Здесь лежали кости слонов и верблюдов, ленивцев и оленей, бизонов и лошадей, диких свиней и саблезубых тигров. Было найдено более двух тысяч черепов саблезубых тигров и три тысячи черепов «ужасных волков». Здесь обнаружили также ископаемые кости медведей, львов и множества других животных. Большинство из них вымерло в незапамятные времена, тысячи лет назад.

Большая часть костей принадлежит хищным млекопитающим, а также трупоядным и водоплавающим птицам. Наша повесть о саблезубом тигре, гигантских ленивцах и стервятниках не лишена оснований. Ведь большие животные, угодив в асфальтовую ловушку, оказывались приманкой для хищников, которые в охотничьем азарте попадали в западню вслед за своими жертвами. И так продолжалось изо дня в день в течение миллиона лет...

В асфальтовой могиле Ла-Бреа покоится также множество уток, гусей и цапель. Птиц этих, вероятно, привлекала блестящая гладь воды на поверхности асфальта. Ну как не окунуться в воды такого чудесного озера!..

Раскопки в Ла-Бреа дают великолепное представление о млекопитающих, которые обитали в Южной Калифорнии в ледниковое время. В истории жизни нашей планеты большая глава записана на черном асфальте.

2. КАК ЧИТАТЬ КАМЕННУЮ КНИГУ

Английское слово *fossil* (окаменелость, ископаемое) происходит от латинского *fossilis* («выкопанный», «извлеченный из земли»). Таким образом, говоря об ископаемых, мы всегда имеем в виду объекты, некогда погребенные в земных слоях. Это останки животных или растений, когда-то живших на суше или в воде. Обычно ископаемые останки — это кости, но часто ими оказываются отпечатки растений, или насекомых, или раковин, или даже следы лап вымерших животных. Некоторым окаменелостям «от роду» уже много миллионов лет. Другие совсем «молодые», им всего несколько тысяч лет. Древние ископаемые останки дают нам сведения о тех далеких временах, когда на земле не было ни памятников письменности, созданных человеком, ни самого человека. Эти сведения о прошлом позволяют нам лучше разобраться в настоящем и представить себе, как будет развиваться в дальнейшем жизнь на нашей планете.

Кости, не погребенные в земле, рано или поздно разрушаются. Солнце, дождь, мороз, снег и ветер превращают их в мелкую пыль. Хищные звери и птицы: собаки, волки, кошки, гиены, орлы и стервятники — разрывают трупы на части и растаскивают кости, и не менее разрушительную работу ведут грызуны — мыши и крысы. Таким образом, кость не уцелеет, если только ее вовремя не скроют какие-либо осадки.

Почти все ископаемые останки мы находим в так называемых «осадочных породах». Наиболее обычные осадочные породы — это глинистые сланцы, которые образуются при уплотнении глин, и песчаники, которые представляют собой уплотненные пески. Еще одна осадочная порода, известняк, образуется за счет извести, растворенной в воде или содержащейся в останках животных и растений.

На суше кости редко сохраняются и редко превращаются в окаменелости. Хорошо, если пыльная или песчаная буря пронесется вскоре после гибели животного. Песок надежно захоронит его останки, но такие бури случаются не

езде и не часто. Бывает, однако, что животные гибнут в зыбучих песках, болотах, грязевых ямах. Такая судьба постигла, например, зверей, угодивших в асфальтовую трясину Лабреа.

Животные часто умирают на берегу реки или озера. Дождевые потоки или полые воды смывают их тела в водоемы. Если течения нет, то на дне эти останки постепенно покрываются илом. Чаще, однако, трупы сносятся вниз по течению, пока не попадают в заводь или водоворот. Там они опускаются на дно и постепенно кости обнажаются, а затем тонкий ил, словно роса на траве, оседает на них и одевает их в плотный саван.

В реке, несущей много рыхлого материала, такой покров образуется быстро, но порой для этого нужны месяцы и годы. Бывает и так, что быстрые речные воды разрушают ске-

лет. Тогда отдельные кости далеко уносятся течением. При этом они все время перекатываются по дну и сильно истираются; сохраняются только наиболее твердые (например, зубы) или же самые крупные кости.

Каждая кость состоит из твердого и мягкого вещества. Когда животное умирает, мягкое вещество костей обычно сгнивает, а твердое рассыпается в пыль. Но если кости находятся в земле, изменяются они очень медленно. Мягкое вещество, исчезая, оставляет полости и каналы, которые заполняют минеральные соли. Источники минеральных солей — горные породы, в которых покоятся кости. Если эта порода — известняк, полости заполняются известковыми солями. Иногда полости в костях замещаются песчанником, порой — окислами железа. Во всех случаях происходит процесс окаменения — кость становится окаменелостью. Однажды я нашел совершенно «ожелезненный» скелет динозавра; очевидно, скелет этот долго пролежал в воде, в которой было растворено много железа. Железо полностью заменило в костях органическое вещество. В асфальтовых ямах Ла-Бреа полости в костях заполнены асфальтом.

Дерево, превращаясь в окаменелость, изменяется еще больше, чем кости, и растительное вещество нацело замещается минералами. Однако под микроскопом удастся порой разглядеть отдельные клеточки. В штате Аризона есть место, которое называется «Каменный Лес». Там покоятся сотни стволов с каменной сердцевиной.

Часто мы находим камни, которые представляют собой естественные слепки различных твердых тел, например морских раковин. Обычно эти слепки образуются так: створки раковины, погребенные в песке или в иле, постепенно растворяются, а пустое пространство заполняет известковое или кремнистое вещество, которое, отвердев, превращается в ископаемый слепок. Этот слепок — точное подобие давно растворившейся раковины.

«Ископаемые листья» — это не что иное, как отпечатки на камне. Лист падает на спокойную поверхность водоема. Затем он медленно погружается на дно и там заносится илом. Растительное вещество со временем полностью пере-

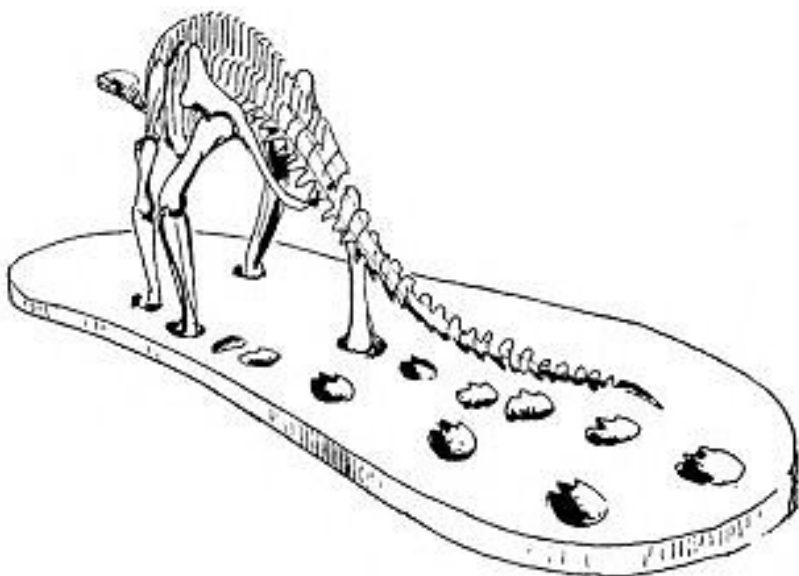
гнивает. Остается лишь след листа на поверхности уплотнившегося ила. Минеральное вещество, осаждаясь из водных растворов, замещает пустоты, затем материал затвердевает, превращается в камень, и перед нами ископаемый отпечаток листа растения. Так происходит не только с самыми разнообразными растениями, но и с насекомыми. Их маленькие тельца нацело замещаются тонким глинистым материалом, и нежное насекомое превращается в камень.

Изучая ископаемые деревья, травы, насекомых и животных, ученый может сказать, какой климат был в той или иной местности миллионы лет назад. Дело в том, что для различных местностей характерны и различные разновидности животных и растений. Если ученому попадаются окаменелые остатки хвойных деревьев, сосны или ели, он может с уверенностью сказать, что климат в этих местах был холодный или умеренный; остатки же пальм явно указывают на тропический климат. Таким образом по ископаемым останкам животных и растений можно воссоздать картины далекого прошлого Земли.

То, что стало окаменелостью, некогда было таким же живым существом, как и мы с вами, как ваша собака или кошка. И ничто так живо не подтверждает этот факт, как ископаемые отпечатки звериных лап. Эти отпечатки — само «движение, застывшее в камне». По ним видно все: здесь зверь бежал, здесь прыгнул, здесь сидел, а вот здесь древняя тропа вела к давно исчезнувшему пастбищу. В Американском Музее естественной истории, в Нью-Йорке, выставлен скелет громадного динозавра. А позади, на затвердевшей глине, протянулась цепочка глубоких следов. Эти отпечатки были целиком извлечены из земли и расположены в музее так, что кажется, будто гигантское пресмыкающееся только что прошло по тропе. И динозавр оживает на музейном стенде.

Множество следов динозавров обнаружено было в долине реки Коннектикут. Этим отпечаткам уже более двухсот миллионов лет!

Но не только растения или животные оставляют на камне свои следы. Иногда даже погода «расписывается» в ка-

менной книге. «Ископаемая погода!» Невероятно, но тем не менее факт! Давным-давно, миллионы лет назад, где-то прошел дождь. Это был короткий, но сильный ливень. Тяжелые капли падали на мягкую глинистую поверхность и оставляли на ней маленькие круглые ямки. Затем солнце быстро высушило влажную глину. Ветром или водой на нее нанесло новые слои осадков. Прошли тысячи и тысячи лет, глина давно уже превратилась в твердый камень, и только маленькие ямки на его поверхности напоминают о ливне, который прошел в незапамятные времена.

Окаменение — процесс обычно очень медленный. Порой для его завершения требуются миллионы лет. Но при удачном стечении обстоятельств кость превращается в камень за несколько тысяч или даже несколько сот лет.

Приступая к поискам окаменелостей, люди часто спрашивают: «А как же узнать, где именно надо копать?» Ответ прост: копать не надо; по крайней мере, делать это придется не часто. Сперва охотнику за окаменелостями надо найти осадочные породы. Породы эти должны быть хорошо обнаженными. В пустынях и засушливых областях потону и хорошо искать окаменелости, что скудная раститель-

ность там почти не закрывает горных пород. Кроме того, в таких местах часто встречаются овраги и ущелья. Их образуют ветры, дожди, морозы и внезапные наводнения. Эти ущелья — самые удобные места для «охоты за ископаемыми»: здесь земные слои видны как бы в разрезе. Идя вдоль обрывов, нетрудно заметить выступающие наружу полуобнаженные кости. Вам остается только извлечь находку полностью, действуя метелочкой и особыми маленькими инструментами.

Изучать окаменелости начали всего лишь полтора столетия назад. Первые ископаемые кости были найдены случайно. Но около 1800 года великий французский натуралист Жорж Кювье всерьез заинтересовался изучением окаменелостей. Он собрал множество костей и описал их в своих книгах. Мы можем по праву назвать Кювье основателем науки об окаменелостях — палеонтологии. Буквально слово «палеонтология» означает «наука о живших в древности животных».

В Соединенных Штатах поиски окаменелостей начаты были только после окончания Гражданской войны 1861–1865 годов. Американское правительство послало тогда на Дальний Запад поисковые партии. Прежде всего надо было дознаться, какие ценные руды имеются в этих, тогда еще совсем не исследованных местах. Почти в каждой партии был по меньшей мере один специалист-геолог, который должен был изучать почвы, горные породы и минералы. В ходе этих поисков геологи открыли много ископаемых костей.

Эти находки чрезвычайно заинтересовали двух ученых: профессора Коупа из Филадельфии и профессора Марша из Йэльского университета — они были закадычными друзьями. Оба обладали изрядным состоянием и на протяжении четверти века, с 1870 по 1895 год, не раз посылали на собственные средства специальных сборщиков окаменелостей. И Коуп и Марш изучили и дали названия многим вновь открытым животным. Но вскоре между этими замечательными учеными разгорелось соперничество. Обоим казалось, что на долю каждого не хватит окаменелостей. И

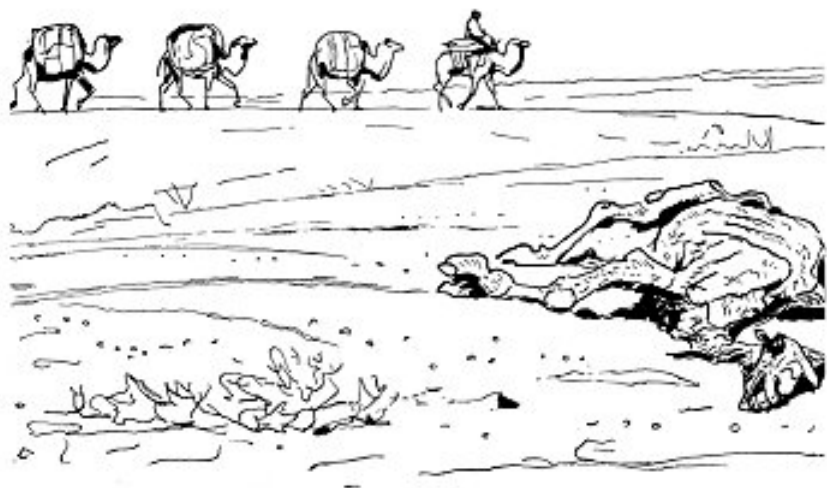
они стали злейшими врагами... Ученые установили, что ископаемые останки попадают во всех частях света. Если бы на всех континентах удалось найти одинаковые окаменелости, то можно было бы легко заключить, что повсюду на земном шаре растения и животные развивались одинаково. Кроме того, изучение окаменелостей позволяло восстановить историю жизни в далеком прошлом. И вот музеи начали посылать экспедиции за окаменелостями во все части света.

Центральная Азия долго оставалась для палеонтологов «белым пятном». Никто из них не знал, есть ли там кости ископаемых животных. Однако ученые давно уже убедились в сходстве многих древних животных Европы и Северной Америки. А Центральная Азия лежит как раз между этими двумя материками. Не исключена была возможность, что некоторые из животных появились сперва именно в Центральной Азии, а из этой обширной области они могли переселиться и в Европу и в Америку.

Несколько лет назад я осуществил давнюю мою мечту о Центральной Азии; я отправился в этот далекий край на поиски окаменелостей. Работы начаты были в пустыне Гоби и затем стали проводиться на территории протяженностью три тысячи километров — во всей центральной Монголии. Это одна из самых сухих и страшных пустынь земного шара.

В то время в Гоби путешествовали только на верблюдах. Но эти животные передвигаются слишком медленно. За день они проходят всего лишь километров пятнадцать. Поэтому я решил заменить верблюдов автомобилями. Все думали, что экспедиция завершится крахом и что никому из нас не суждено будет возвратиться на родину. Но автомобили выдержали испытание, и мы успешно преодолели с их помощью тысячелильные пустыни.

В нашей экспедиции было сорок человек, восемь автомобилей и сто пятьдесят верблюдов. На верблюдах доставлялось горючее и разное снаряжение. Многие ученые с мировым именем приняли участие в этом походе. Мы открыли большие «месторождения» окаменелостей и нашли

в них кости до той поры неведомых животных. Некоторые из этих зверей, как мы и ожидали, очень сходны были с животными, которые некогда обитали в Северной Америке, в Европе или на обоих этих материках.

В книге «Все о динозаврах» я рассказал об открытых нами костях динозавров. Эти громадные существа жили в Век Пресмыкающихся, задолго до того, когда владыками Земли стали млекопитающие. Мы открыли также ископаемые кости многих удивительных животных, которые пришли на смену пресмыкающимся. В этой книге я расскажу о некоторых диких зверях, останки которых удалось найти в песках Гоби. Рассказ этот позволит читателю представить себе картину жизни на нашей планете в Век Млекопитающих. А что это за век и когда он начался, вы узнаете из следующей главы.

3. ВЕК МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Век Млекопитающих начался примерно семьдесят два миллиона лет назад — в ту пору, когда исчезали динозавры. Динозавры — гигантские создания — были пресмыкающимися, а пресмыкающиеся — животные холодно-кровные. Динозавры — близкие родичи крокодилов и более отдаленные родичи современных змей и ящериц.

Как раз в ту пору, когда стали исчезать динозавры, появились животные нового типа. То были маленькие существа, величиной не больше крысы. В отличие от динозавров, их тело было покрыто шерстью, а в жилах текла теплая кровь. В холод и в зной кровь этих животных имела одну и ту же температуру. Зародыши развивались в утробе матери, и на свет рождались живые детеныши. Мозг у них был больше и лучше развит, чем у глупых динозавров. Эти животные выкармливали своих детенышей молоком и поэтому получили название «млекопитающих».

Различные представители этого класса, как, например, кит и хорек, жираф и летучая мышь, слон и крыса, человек и медведь, резко отличаются друг от друга, и тем не менее все они млекопитающие. Существуют две большие группы млекопитающих. Те животные, которые едят листья, траву и другую растительную пищу, называются «травоядными». Звери же, которые питаются главным образом мясом, относятся к группе «хищников». Кроме того, есть животные, которые едят и травы и мясо. Их называют «всеядными». Человек всеяден. Медведь тоже всеяден.

Век Млекопитающих подразделяется на семь эпох. Конечно, мы не можем точно сказать, сколько лет длилась каждая из них, и ученые определяют их «возраст» по-разному.

Вот какие цифры привел недавно профессор Джордж Симпсон:

ВЕК МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Эпоха	Когда началась эпоха			Как долго длилась эпоха		
Палеоцен	72 1/2	млн.	лет	назад	17 1/2	млн. лет
Эоцен	55	»	»	»	20	» »
Олигоцен	35	»	»	»	10	» »
Миоцен	25	»	»	»	15	» »
Плиоцен	10	»	»	»	10	» »
Плейстоцен (включая ледниковый период)	1	»	»	»	1	» »
Современная эпоха	25	тысяч	»	»	25	тысяч »

На протяжении Века Млекопитающих Землю населяли самые разнообразные животные. Некоторые из них выглядели столь же диковинно, как и динозавры. Одни достигали громадных размеров и были в длину с большой автобус, а по высоте превосходили двухэтажный автобус. Они без труда обрывали листву с самой вершины деревьев. Иные были похожи на огромных волков. Другие хищные звери никогда не достигали таких устрашающих размеров. Существовало животное фантастического облика — у этого зверя была лошадиная голова, а вместо копыт — громадные когти! Как и ныне, в те давние времена жили на Земле львы, тигры и гиены, а в пещерах обитали огромные медведи.

У самой кромки великих ледников водились диковинные мохнатые родичи слонов — мамонты. В тех же снежных краях обитал шерстистый носорог.

Известно, что некоторые млекопитающие, такие, как лошади и носороги, появились пятьдесят или шестьдесят миллионов лет назад. По мере того, как изменялись климат и пища, постепенно изменялись и сами животные. Поэтому, хотя потомки древних зверей и сохранились до наших дней, они сильно отличаются от своих прародителей.

Некоторые млекопитающие с каждым поколением становились все крупнее и крупнее. Так, например, произошло с лошадью — животным, которое сперва было очень маленьким. Вообще на первых порах многие млекопитающие были мелкими и лишь со временем некоторые из них достигли такой величины, что им стало трудно передвигаться и добывать себе пищу.

И тогда с каждым поколением эти звери стали уменьшаться в росте и в конце концов достигли такой величины, которая лучше всего соответствовала новым условиям существования.

Некоторые виды млекопитающих существовали на Земле несколько миллионов лет, а затем вымерли. Трудно сказать, почему это произошло.

В Век Пресмыкающихся почти повсеместно на Земле климат был одинаковым. В то время высоких гор было мало и огромные мелкие моря простирались там, где сейчас суша. Динозаврам были неведомы холода, которые пресмыкающиеся не выносят,— ведь на бескрайних равнинах всегда было тепло и сыро. Но вот в мире все изменилось, и наступил Век Млекопитающих. Конечно, перемены эти происходили очень медленно, но с каждым годом, пусть даже незначительно, лик Земли все больше и больше преобразовывался.

Иным становился климат. Кое-где он был таким, как в наши дни где-нибудь в северной Калифорнии. Но почти везде сильно похолодало. На юге, однако, по-прежнему было очень тепло.

Там, где прежде были низменности, появились холмы и безлесые плато. Заросли с пальмами и смоковницами уступили место буковому и дубовым лесам. Огромные внутренние моря высохли. Образовалось много рек и болот.

В начале Века Млекопитающих, в эоценовую и в олигоценовую эпохи, поверхность Земли изменилась еще не очень сильно. Но примерно 20 миллионов лет назад, в миоцене, произошли уже значительные перемены. Там и здесь возникали гигантские горные цепи. Тибет и Гималаи преградили путь влажным южным ветрам. И к северу от этих гор-

ных цепей зачахли леса, иссякли реки, высохли травы. Центральная Азия превратилась в пустыню. Она уже не была той благодатной землей, где некогда странствовали и кормились всевозможные звери. И многие из них вымерли. Они попросту не смогли приспособиться к новым условиям.

На протяжении Века Млекопитающих география Земли постепенно менялась. Иногда некоторые континенты соединялись друг с другом, иногда разделялись. Были времена, когда между Азией и Северной Америкой существовал естественный «мост». Мост этот находился на месте современного Берингова пролива, но затем суша погрузилась и он исчез. Впоследствии дно океана снова поднялось, и континенты соединились еще раз. Животные, а возможно и доисторический человек, легко могли переходить из Сибири в Америку и из Америки в Сибирь.

В конце Века Динозавров Северная и Южная Америка соединялись так же, как и теперь. Но затем «мост», который мы теперь называем Панамским перешейком, исчез и почти шестьдесят миллионов лет Южная Америка оставалась островным континентом. Но приблизительно пять или

шесть миллионов лет назад оба американских континента снова соединились — связующим звеном явилась Центральная Америка — и уже больше не «разлучались».

Одно время Азия и Австралия были связаны через Малайю и Индонезию. Африка и Европа соединялись во многих местах в районе современного Средиземного моря.

Многие ученые полагают, что в течение последних пятидесяти миллионов лет мосты суши неоднократно связывали те или иные континенты. И доказательством тому, по их мнению, служит тот факт, что одинаковые окаменелости встречаются на разных материках. Судя по этим ископаемым останкам, можно предположить, что на различных континентах обитали сходные или одни и те же звери; такое сходство можно объяснить, лишь допустив, что животные без труда могли переселяться с одного материка на другой, а такие переселения возможны только в том случае, если материки эти связаны между собой перешейками. Следовательно, «мосты», подобные Центрально-американскому перешейку, должны были в ту пору существовать в различных местах.

За последний миллион лет, в плейстоцене, климат Земли очень сильно изменился и наступил Век Великих Оледенений — ледниковый период. Почему это произошло, никто точно не знает. Но нам доподлинно известно, что в большей части земного шара в плейстоценовое время климат стал куда более холодным.

Ледники неоднократно вторгались в Западную Европу и в Северную Америку; не раз Земля покрывалась тысячметровыми толщами льда, подобными белым шапкам Антарктиды и Гренландии. Трижды или четырежды наступал на юг ледник, и после каждого такого нашествия ему приходилось медленно отступать. Каждое оледенение длилось тысячелетия, а между этими ледовыми штурмами существовали довольно продолжительные передышки — так называемые межледниковья, когда климат становился теплее и мягче. Последнее отступление ледника произошло пятнадцать-двадцать пять тысяч лет назад. И весьма возможно, что мы с вами живем в эпоху одного из межледнико-

вий. Кто знает, может быть, за этим межледниковьем последует еще одно оледенение? Но заглянуть в будущее мы пока еще не можем.

Как возникают ледники — понять нетрудно. Если снег все время накапливается и не успевает таять, то под действием собственной тяжести он превращается в лед. Зимой в пору обильных снегопадов образуются сугробы, и если лето слишком короткое и холодное, сугробы эти не успевают растаять. С каждым годом нарастает толща снега, и, в конце концов затвердевая, она превращается в ледник.

На ровной почве лед образует горизонтальные пласты, а в долинах гор — ледяные реки, глетчеры, медленно сползающие по долинному дну. В полярных областях скорость движения ледников достигает 15-20 метров в сутки. Летом ледники ползут куда быстрее, чем зимой; днем — скорее, чем ночью. В наше время существует много небольших ледников, и мы можем наблюдать за тем, как они живут и развиваются.

Когда колоссальные ледники Великих Оледенений продвигались вперед, даже такие холодолюбивые животные, как северный олень, мамонт и шерстистый носорог, поневоле вынуждены были переселяться далеко на юг. И о путях этих великих переселений мы можем судить по ископаемым костям.

У животных, которые очутились в областях с холодным климатом, появилась густая шерсть — эта «шуба» хранила тепло их тела. Те же звери, которые не смогли приспособиться к изменившимся условиям, очень быстро вымерли.

4. ЗВЕРЬ ИЗ БЕЛУДЖИСТАНА

Так называется один из наиболее диких зверей минувших времен. Жил он примерно двадцать-тридцать миллионов лет назад.

В 1911 году английский ученый Клайв Фостер Купер отправился на поиски окаменелостей в Белуджистан*. Там ему удалось отыскать три шейных позвонка, трубчатые кости, ноги и кости ступни гигантского млекопитающего. Кости такой величины еще ни разу не попадались палеонтологам. Однако какому животному они принадлежали, определить было трудно. Купер предположил, что животное было одной из разновидностей носорога, и назвал его «белуджитерием» — зверем из Белуджистана.

Спустя четыре года русский геолог Борисьяк нашел останки древнего зверя столь же поразительной величины. Борисьяк обнаружил его кости в Северном Туркестане. Этот зверь был даже больше куперовского белуджитерия. И так же, как и Купер, Борисьяк полагал, что животное это, вероятно, относится к семейству носорогов.

Не зная об открытии Купера, Борисьяк назвал своего зверя индрикотерием (в древних русских сказаниях Индриком называлось чудовище, которое ходило, сотрясая землю, и летало в поднебесье). Но даже после этих открытий ученые все еще были в недоумении. У кого из млекопитающих могли быть такие громадные кости? Было ясно лишь одно — зверь этот достигал гигантских размеров: более крупных млекопитающих не знала Земля. Все же прочее оставалось тайной. И я был счастлив, когда в пустыне Гоби в 1922 году мне удалось кое-что сделать для разгадки этой тайны.

В апреле, уже вскоре после нашего прибытия к месту раскопок, Уолтер Гренджер, один из наших сотрудников,

* Белуджистан — область в Западном Пакистане, на самой границе с Ираном. — *Прим. ред.*

обнаружил две громадные кости какого-то животного. Кости эти составляли часть ступни, и Гренджер высказал предположение, что то была ступня млекопитающего, подобного белуджитерии. Однако в дальнейшем нам не посчастливилось, и вплоть до 4 августа, дня нашего переезда в самое сердце Гоби, мы не нашли ничего похожего на эти кости.

4 августа один из наших шоферов-китайцев, Ван, как обычно, ожидал в условленном месте Гренджера. Чтобы не терять время зря, Ван на свой страх и риск принялся за поиски окаменелостей. Не прошло и десяти минут, как на дне одной из лощин он наткнулся на громадную ископаемую кость. С гордостью показал он свою находку Гренджеру, когда тот появился у места встречи. Она оказалась обломком плечевой кости. Под тонким слоем песка угадывались другие кости: в частности, половина нижней челюсти, усаженная зубами величиной с яблоко. Кости полностью окаменели, и Гренджер без труда, не опасаясь повредить их, извлек находки из грунта. Только поздно вечером шофер и палеонтолог принесли в лагерь свою таинственную добычу. Найдка взволновала нас всех. Никому из нас еще

не доводилось видеть кости млекопитающих такого размера. Да, все говорило за то, что перед нами были кости белуджитерия. Но что это был за зверь, какой породы, положительно сказать было невозможно: данных было слишком мало, хотя зубы зверя напоминали все же носорожьи.

«Вот если бы нам удалось найти череп, все стало бы на место, — сказал Гренджер. — Но, должно быть, череп этот не сохранился. Мы ведь буквально все там облазили, подобрали все осколки...» Только в полночь мы погасили свечи и забрались в спальные мешки. Мне не спалось. Все время я думал о таинственном звере. И в полусонной дреме мне внезапно почудилось, что на дне того же ущелья лежит совершенно целый череп пресловутого зверя, и что череп этот я держу в руках...

Наутро я поведал Гренджеру о ночных видениях. Я не мог избавиться от этих навязчивых грез. Мне очень хотелось сходить с Ваном на место находки.

Гренджер расхохотался:

«Вот уж не думаю, чтобы сон ваш был вещим! М-да... Впрочем, почему бы и не сходить? Там, где Ван наткнулся на эти кости, стоит покопаться снова, даже если ничего и не удастся найти».

И я отправился в путь, взяв с собой Вана и нашего фотографа Шеклфорда. Они захватили лопаты и приступили к раскопкам на дне оврага; я решил осмотреть его склон. Минуты через три я уже добрался до бровки, осмотрелся... и тут же увидел обломки костей. Да, сомнения нет, то были кости — белые и черные пятна резко выделялись на желтом фоне на дне промоины. С воплем я скатился по крутому склону.

Шеклфорд и Ван что было духу примчались ко мне. Я стоял на коленях и, как собака, рылся в земле. Вот уж огромный кусок кости появился на свет. В песке виднелись и другие обломки, совершенно окаменелые и очень твердые. Копать можно было без опаски: такие кости повредить трудно. В совершенном экстазе мы рылись в земле, постепенно обнажая кости.

Внезапно мои пальцы нащупали какой-то очень крупный предмет. Шеклфорд прощупал его с другой стороны и вскоре наткнулся на громадный зуб. Теперь уже не было никаких сомнений — мы нашли череп белуджитерия!

Часть черепа удалось быстро откопать, но низ его уходил глубоко в песок. И когда Шеклфорд нашел второй зуб, я понял, что пора наконец остановиться. Дальнейшие раскопки были делом Гренджера и только Гренджера!

Было шесть часов, и все пили чай, когда мы ворвались в лагерь. Гренджер далеко не сразу убедился в том, что сон мой оказался вещим. Мы показали ему те обломки, которые захватили с собой, и он с благоговением приступил к их осмотру.

Все мы прекрасно знали, что белуджитерий был существом гигантским. Но величина костей повергла нас в изумление.

Мы принесли лишь переднюю часть черепа с несколькими зубами. Для Гренджера этого, однако, было достаточно:

«Для меня все ясно, — сказал он, — белуджитерий — это гигантский безрогий носорог. Другого такого зверя наука не знает!»

Три дня четверо из нас работали в ущелье Белудж (так мы называли место находки). Скелет первоначально покоился на гребне, разделявшем два овражка. Грунт размывался ливнями, и кости одна за другой смывались со склонов. Часть из них очутилась на том склоне, где их нашел Ван, другие же скатились по противоположному склону, где мне и посчастливилось их найти.

Гренджер работал над полузахороненным черепом, а остальные наши сотрудники изучали местность близ устья основного ущелья, прощупывая каждую пядь земли на дне пресловутых овражков. Мы нашли множество костей, а Шеклфорд подобрал несколько осколков далеко на равнине, куда они были вынесены из ущелья каким-то особенно мощным паводком.

После того, как череп был обнажен, Гренджер пропитал клейстером полоски материи и заполнил этими тампонами все трещинки. Материя высохла и образовала твер-

дую корку, защищавшую кость от разрушения. Впоследствии эту корку можно было легко смыть.

Предосторожности эти были вполне понятны. Ведь череп состоял из 360 обломков! Их нужно было упаковать с величайшей осторожностью — ведь предстояло перевезти их на верблюжьей спине через пустыню (а путь этот был не малым — пустыня тянулась на две с лишним тысячи километров). Затем находка должна была пересечь Тихий океан и весь американский материк. И вот, наконец, финиш: Американский Музей естественной истории, город Нью-Йорк. Головоломнейшая задача — соединить все обломки и мельчайшие осколки воедино, дополнить недостающее гипсовыми «заплатками» и слепками. Словом, реставрация черепа и челюстей белуджитерия длилась ни много, ни мало четыре месяца.

Затем последовало второе замечательное открытие. Честь его принадлежала другому китайцу, Лю Сы-гоу. Его зоркий глаз уловил отблеск белой кости на желтом фоне песчаного крутого склона. Покопавшись немного в этом месте и убедившись, что там действительно скрыта кость, он сообщил о находке Гренджеру, который и продолжил раскопки. Лю Сы-гоу открыл трубчатые кости ноги и ступню белуджитерия. К удивлению Гренджера, кости не лежали в песчанистом грунте в горизонтальном положении, как это бывает обычно, а стояли вертикально — ни дать, ни взять зверь на ходу «забыл» ногу... Очевидно, зверь погиб в зыбучих песках; иного объяснения быть не могло.

Лю Сы-гоу нашел правую заднюю ногу. Гренджер прикинул, что переднюю правую ногу следует искать метрах в

четырех ниже по склону. Он отмерил это расстояние и принялся за раскопки. И что же — громадная кость, подобная стволу окаменелого дерева, найдена была в вертикальном положении как раз в том месте, которое указал Гренджер. Отыскать обе левые ноги после этого не составляло ни малейшего труда.

Скоро во всех четырех ямах откопаны были ноги зверя. Удивительное это было зрелище! Я созерцал его, сидя на вершине холма. Воображение унесло меня в далекое прошлое, за тридцать миллионов лет назад до наших дней, в ту эпоху, когда разыгралась в этих местах трагедия, жертвой которой стал белуджитерий. По всей вероятности, зверь, томимый жаждой, подошел к берегу ручья. Внезапно его передние ноги погрузились в зыбучий песок — точно так же втянула асфальтовая топь лапы саблезубого тигра. С ужасом зверь отпрянул назад, с мужеством отчаяния он вступил в борьбу с зыбучей трясинной... Быстро погружаясь в жадную пучину, он до последнего мгновения боролся за жизнь. Развязка наступила только тогда, когда золотистый песок хлынул ему в пасть и забил глотку. Провались животное в пучину не целиком, оно погибло бы со временем от голода и тело склонилось бы набок. Лежащие скелеты — заурядная вещь. А вот если бы нам удалось найти скелет в вертикальном положении, такая находка удивила бы мир! Увы, эта возможность утрачена была по крайней мере двадцать тысяч лет назад. Ветры, морозы, дожди уничтожили земляной саван, они смыли и рассеяли покровный слой, а вместе с грунтом исчезли и кости скелета. Мелкие осколки их разбросаны были теперь везде на дне долины.

Двадцать или тридцать миллионов лет назад в этих местах обитало, наверное, великое множество белуджитериев. У них не было опасных врагов, а пищи, по-видимому, имелось вдоволь. Не будь этих благоприятных условий, белуджитерии не развелись бы в таком количестве. Мы нашли дюжину мест с россыпями огромных костей.

В 1928 году, в другой экспедиции, Шеклфорду повезло найти новый, хотя и неполный, скелет. Однажды, когда все мы завтракали, Шеклфорд пришел в лагерь с

радостной физиономией. Уж очень похож он был на кота, отведавшего хозяйскую сметану. С небрежным видом он сказал, что нашел-де одну косточку. Небрежность была явно нарочитой; я понял, что Шеклфорд совершил интересное открытие.

— А ну, Шек,— сказал я,— иди-ка сюда и Расскажи нам все!

— Так вам же, наверное, это и не интересно. Я всего-на-всего нашел кость.

— Большую кость?

— Да, пожалуй, большую...

— Ну, примерно?..

— Примерно с меня, — ухмыльнулся Шек.

Мы все ахнули; Шек был далеко не лиллипут, и это, должно быть, была изрядная косточка.

— Ну, раз вы мне не верите, — сказал Шек, — я вам покажу.

И он нам показал. Место находки было километрах в пяти близ устья глубокого ущелья с крутыми стенками. Метрах в трех от края на серой почве лежал большой белый шар. Я с трудом поверил своим глазам: кость действительно была величиной с Шека. Слегка очистив ее от желтого песка, мы увидели головку плечевой кости. Счистив песок далее, мы обнажили кость во всю длину. А рядом лежало еще одно столь же массивное «бревно»!

Мы не могли оторвать глаз от находки. Не так-то легко удивить Уолтера Гренджера, когда дело доходит до окаменелостей, ведь он повидал их немало. Но эта кость буквально потрясла его. Я же совершенно лишился дара речи.

Плечевая кость, которую нашел Шеклфорд, достигала в длину ста тридцати сантиметров. Плечевая кость человека по сравнению с ней была жалкой щепкой... Второе «бревно» оказалось лучевой костью. Длиной она была свыше полутора метров и так тяжела, что два человека едва-едва смогли ее приподнять. Действительно, перед нами была нога гиганта! Чтобы извлечь эти кости, надо было удалить часть склона; кто знает, быть может, там находился целый скелет.

Мы обнаружили, однако, что зверь этот погиб в русле очень быстрого потока. Мясо разложилось, и скелет распался. Кости поменьше были унесены сильным течением, и лишь массивные кости вода не могла сдвинуть с места.

Кроме того, мы нашли несколько громадных ребер и часть челюсти. К сожалению, не удалось обнаружить черепа. Но позже мы сторицей были вознаграждены, найдя неподалеку от этого места черепа двух белуджитериев.

Кости, которые мы отыскиали, принадлежали разным экземплярам, но их было достаточно, чтобы смонтировать полный скелет. Собрав этот скелет, мы смогли воссоздать облик зверя, вылепив его из глины. Сперва эта модель белуджитерия казалась нам неправдоподобно большой. Посудите сами, можно ли было поверить, что существовал гигант длиной от носа до хвоста в десять метров! А в холке зверь достигал в высоту шести метров — поставьте «на дыбы» двухэтажный автобус, он окажется ниже этого зверя! Когда белуджитерий вытягивал шею, его морда возносилась на восемь метров над землей. Высочайший жираф почти на три метра ниже белуджитерия, а рослый человек едва-едва мог бы дотянуться до брюха этого зверя. Даже у исполинского динозавра — бронтозавра, чудовищного ящера Века Пресмыкающихся — туловище было меньше, чем у белуджитерия, хотя хвост и шея у бронтозавра были намного длиннее.

Как и предполагал Гренджер, белуджитерий оказался гигантским безрогим носорогом. У современных носорогов на морде есть рога, которые они и используют для нападения и защиты. Но кто был опасен такому колоссу, как белуджитерий? Тем более, что его челюсть была вооружена двумя массивными зубами.

Полагают, что этот зверь, подобно жирафу, питался молодыми побегами с верхушек деревьев. У него была длинная шея, и он мог дотягиваться до самых высоких ветвей. Зубами он придерживал ветки, зубами он сражался с другими белуджитериями.

Белуджитерий жил в олигоценовую и миоценовую эпохи, 20-30 миллионов лет назад. Предки его отделились от

главного ствола семейства носорогов, возможно, еще раньше, образовав особую ветвь. Благодаря своему большому росту белуджитерии уже не нуждались в рогах для защиты от врагов.

Миллионы лет назад на плоскогорьях Центральной Азии было куда теплее, чем в наши дни. Тогда край этот не был таким высокогорным, и на открытых травянистых равнинах текли обильные ручьи и реки. Дремучих лесов не было, но там и здесь рассеяны были небольшие рощи.

Но вот поднялись Гималайские горы, и этот гигантский барьер преградил путь теплым, влажным ветрам. Климат Центральной Азии стал сухим, деревья быстро исчезли, изменился весь облик страны. Измениться должен был и белуджитерий, иначе ему не удалось бы выжить. Ему необходимо было приспособиться к новым условиям. Конечно, белуджитерий мог бы и покинуть Центральную Азию, но дальнейшие путешествия этим гигантам совершать было нелегко. А на старых местах пищи стало мало, и здесь эти звери не могли ни приспособиться к новой обстановке, ни изменить свой облик. И вероятно, все они относительно скоро вымерли. Вне азиатского материка белуджитерии не водились. Белуджитерии относились к таким животным, которых ученые называют «сверхспециализированными», так как они приспособлены лишь к строго определенному образу жизни.

5. НОСОРОГИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Около пятидесяти миллионов лет назад, в эоценовую эпоху, бесчисленное множество носорогов бродило по равнинам Северной Америки. Хотя современные носороги — существа весьма диковинные, однако они происходят от того же предка, что и тапиры и обыкновенные лошади. Правда, останки этого предка пока еще не найдены. По всей вероятности, далекий предок нынешних носорогов был небольшим и боязливым пятипалым существом.

Первые носороги были совсем малютками. Драться с врагами им было не под силу. Когда надвигалась опасность, они просто-напросто обращались в бегство. Некоторые из них проводили большую часть времени в воде. Там сравнительно безопасно, а водяные растения и листья близрастущих деревьев так вкусны!

Эта группа водных носорогов, которых ученые называют «аминодонтами», появилась впервые на территории современного штата Вайоминг. В поисках новых мест для жилья они заселяли новые реки, новые озера и плесы, уходя все дальше и дальше от родных мест. Так носороги стали путешественниками. За двадцать миллионов лет они добрались до Аляски, а затем перешли через «мост», который соединял тогда Северную Америку и Азию.

Долгое время неизвестно было, как далеко в Азию сумел углубиться вайомингский носорог. Только в 1922 году мы нашли кости этого зверя в пустыне Гоби. Это важное открытие совершено было совсем случайно. История его поучительна, так как дает наглядное представление о повседневной работе ученых — охотников за ископаемыми. Поэтому я приведу запись из полевого журнала экспедиции.

«7 сентября 1922 г. Два дня назад мы покинули Колодец Пресной Воды; позади осталась длинная полоса каменистой пустыни. Она почти безжизненна. Ни растений, ни животных. Только одинокие пятнистые ящерицы. И ничего больше...

В конце концов мы очутились в громадной котловине, шириной по крайней мере полтораста километров. Вдали, на фоне неба, черная линия высокого обрыва. Дикий, первобытный пейзаж! Я присмотрел место для стоянки и подал сигнал моим спутникам.

Пока монголы ставили лагерь, мы разбрались по склонам обрыва. И почти сразу же нашли обломки костей. Спустя час, обогнув большой утес, я столкнулся с нашим фотографом Шеклфордом. Шеклфорд стоял на коленях под самой бровкой обрыва и копал землю маленькой киркой: он уже нашел несколько крупных костей. Гренджер, наш палеонтолог, определил их как кости водного носорога. Это была очень важная находка!

Вскоре подошел наш геолог Берки. Некоторое время он изучал стенки обрыва, а потом сообщил нам, что ему удалось отыскать следы русла древней реки. Она протекала здесь, может быть, тридцать, а может быть, и все сорок миллионов лет назад.

Проследить направление этого древнего потока было трудно. Ведь мы видели его в поперечном сечении. Внизу — тяжелые глыбы, над ними — крупная галька, еще выше

— мелкая галька, песок и, наконец, глина. Слоеный пирог с удивительно четким напластованием пород!

Неподалеку от места, где Шеклфорд нашел кости, ложе потока обрывалось резким уступом. У подножья этого уступа было особенно много гальки и валунов. Миллионы лет назад здесь была, вероятно, яма, «исполиновый котел», промытый небольшим водопадом. Сюда, должно быть, сносились трупы животных, которые погибли в местах, лежащих выше по течению. Здесь тела погружались на дно, а затем их заносило песком. Берки сказал, что копать надо именно здесь. Я принялся разрывать песок маленькой лопаткой, и не прошло и пяти минут, как натолкнулся на челюстную кость. Прямо под ней был и череп. В двух футах от меня Шеклфорд нашел замечательную, совершенно целую челюсть... Три дня мы рылись у подножья этого большого обрыва. Каждый раз, когда Гренджер приступал к извлечению очередного черепа, под ним оказывался другой. «Ископаемый омут» был переполнен костями. Почти все они принадлежали водному носорогу, еще не известной науке разновидности. В реке водились также и черепахи: мы нашли несколько десятков окаменевших панцирей, больших и малых.

Сезон работ подходил к концу; надо было торопиться. В любой день нас могла застичь страшная монгольская метель. Гренджер проводил в «Яме» (так мы называли «ископаемый омут») почти все светлое время дня. Сначала он был рад помощникам. Но рано или поздно каждый из нас совершал какую-нибудь ошибку, и неудачника тут же просили удалиться. В конце концов с Гренджером остались только собака Мушка да две наши любимицы — вороны. Но на второй день Мушка опрокинула лоток с костями и палеонтолог прогнал ее прочь.

Обе вороны вели себя превосходно. Они доставляли зрителям много удовольствия; им полюбился клейстер, которым Гренджер обмазывал кости. От клейстера черные блестящие перья ворон так склеивались, что они едва могли подняться в воздух.

Но наконец одна из них совершила совершенно возмутительный проступок. Гренджер извлек превосходный череп носорога. Череп был совсем целый, не хватало лишь крохотного кусочка кости. Целый час палеонтолог просеивал песок, пока не нашел недостающий обломок и заботливо не вклеил его на должное место. Но, как только Гренджер отвернулся, одна из ворон вспрыгнула на череп, склюнула этот кусочек кости и проглотила его... Гренджер так и не простил птице этого преступления. Даже в Пекине, готовя череп для отправки в Нью-Йорк, он все еще ворчал по этому поводу!»

Водные носороги просуществовали около двадцати миллионов лет. Затем они исчезли и в Азии и в Северной Америке.

Миллионы лет основная линия семейства носорогов развивалась в Северной Америке. Их ископаемые кости находили и в Мэриленде, и в Северной и в Южной Каролине, и во Флориде, и на Дальнем Западе... Очевидно, этим носорогам удалось приспособиться к изменениям климата. Они бродили в лесах и даже в горах. Облик их также менялся. Звери эти «росли», они становились все крупнее и крупнее.

Мы полагаем, что ответвления этого главного ствола семейства носорогов переселились в Азию, Европу и Африку. А в Южной Америке носорогов, очевидно, никогда не было, хотя единичные находки скелетов этих животных известны кое-где на территории Никарагуа. Не добрались носороги также и до островного континента Австралии.

В свое время, пять или десять миллионов лет назад, одна из ветвей носорожьего племени проникла далеко на север. Там с каждым годом становилось все холоднее и холоднее. И вот эти носороги стали обрастать густой шерстью, которая предохраняла их от морозов. Произошло это не сразу, так как ледниковый период наступал очень медленно. Но в конце концов шерстистый носорог получил такую же теплую шубу, как и мамонт. Оба зверя жили одновременно в одних и тех же местах.

О шерстистых носорогах нам известно очень много. Польская Академия наук располагает несколькими экземплярами этих животных, которым, вероятно, от десяти до двадцати пяти тысяч лет. Они сохранились так хорошо, как будто опытный мастер набальзамировал их тела. Эти носороги, очевидно, утонули в какой-нибудь быстрой реке в эпоху третьего наступления ледников. Затем трупы прибило к берегу. Постепенно их занесло песком и глиной. Но глина была пропитана нефтью и солью, и поэтому трупы сохранились великолепно. Произошло все это близ того места, где теперь находится польское селение Старунь.

Мы располагаем, однако, не только этими, отлично сохранившимися музейными экспонатами, но и замечательными зарисовками. Их создали люди, которые жили пятнадцать-двадцать тысяч лет назад. Это рисунки кроманьонского человека; найдены они на стенах пещер во Франции и Испании. Точно и беспристрастно запечатлели первобытные художники облик шерстистого носорога.

Благодаря пещерным рисункам мы узнали, что шерстистый носорог был покрыт густым подшерстком и длинной коричневой шерстью. Квадратная верхняя губа позволяла ему пастись на заснеженных пастбищах: ею он разгребал снег. На длинной и узкой голове сидело два рога: передний был очень велик, а задний — меньше.

6. МАМОНТ ИЗ ЛЕДЯНОГО ХРАНИЛИЩА

Мамонт — одно из интереснейших доисторических животных. Этот близкий родич слона в высоту достигал четырех метров. По сторонам громадного хобота у него были очень длинные изогнутые бивни.

Слово «мамонт» происходит от татарского слова «мам-ма», что означает «земля». Мне думается, что название это очень удачно, ведь жители Сибири всегда находили мамонтов в земле. Именно поэтому долгое время ошибочно предполагали, что мамонт живет где-то в недрах земли и роется там, словно исполинский крот. И многие были твердо убеждены, что мамонт гибнет в тот момент, когда он появляется на поверхности и когда в легкие его поступает свежий воздух.

Живых мамонтов нет на земле. Они исчезли тысячи лет назад. И тем не менее ученым удалось многое узнать об этих животных и, конечно, самые ценные сведения дали ископаемые останки мамонтов. Пожалуй, наибольшей удачей было открытие целой «замороженной» туши; зверь этот у нас известен под названием «березовского мамонта». Много тысяч лет пролежал этот мамонт в сибирской земле. А когда в 1901 году его нашли, то не только шерсть и мясо, но даже свернувшаяся кровь и пища в желудке оказались в прекрасной сохранности. Вечно мерзлая земля была для туши погребенного в ней зверя не менее надежным хранилищем, чем современный холодильник.

Спустя много лет после того, как совершено было это открытие, мне довелось увидеть чучело березовского мамонта в зоологическом музее Академии наук в Ленинграде. Один из участников экспедиции, доставившей из Сибири доисторическое чудище, поведал мне историю этого зверя.

«Совершенно очевидно, — сказал он, — что мамонт провалился в трещину ледника. Такие трещины порой достигали в глубину нескольких сот футов. Быть может, мамонт переправлялся по снежному мосту, который обвалился под его тяжестью. Но, как бы то ни было, случилось, что он

упал с большой высоты, ударился о дно трещины бедром или тазом и сломал при этом правую переднюю ногу. А затем, должно быть, тонны снега и льда обрушились на мамонта и он очутился в ледяной западне. Не знаю уж, сколько столетий пробыл он в этом гигантском холодильнике.

В конце концов ледник растаял, но мамонт все еще лежал погребенный в мерзлой земле. Спустя некоторое время дожди и ветры удалили часть этого земляного савана и тогда голова и одна из передних ног мамонта показались на поверхности... Когда солнце нагрело мясо, оно стало разлагаться. На запах падали сбежались собаки. Благодаря собакам мамонта нашли местные жители. Случилось это в 1901 году.

Известили музей в Петербурге. Я работал там в препараторском отделе. Доктор Отто Герц рассказал мне об этой находке. Дело о мамонте дошло до царя; он приказал организовать экспедицию для доставки туши. Доктор Герц руководил этой экспедицией и предложил мне принять в ней участие.

Мы долго добирались на санях до деревни Березовки, близ которой был найден мамонт. Нам говорили, что запах, который издает эта туша, невыносим. Теперь мы в этом убедились! Сперва нам казалось, что вонь эту невозможно вынести. Но царь приказал, чтобы мамонт был в музее! И мы волей-неволей вынуждены были продолжать работу. Кто из нас решился бы возвратиться к царю с сообщением, что мамонта не удалось доставить, потому что туша чересчур скверно пахла! Не знаю, что случилось бы с нами, если бы мы поступили таким образом. У местных жителей также не было выбора. Если бы они отказались нам помогать, их посадили бы в острог.

После того как мы извлекли все мягкое вонючее мясо, работать стало легче. Мы отделяли от туши кусок за куском. Порой мясо ничем не отличалось от свежей говядины — оно было темно-красное с прожилками белого жира, и, право, трудно было представить себе, что этому мясу было от роду уже много тысяч лет. Собаки ели его с наслаждением.

Под кожей был слой белого, лишенного запаха сала толщиной десять сантиметров. Этот мамонт был хорошо упитан. Замерзшая кровь была очень похожа на кристаллики марганцовокислого калия. Оттаивая, эти кристаллики составляли темно-красные пятна.

В желудке у мамонта было двадцать семь фунтов непереваренной пищи: еловые шишки, ветки лиственницы и сосны, осока, дикий тимьян, различные цветы и два вида мха. Теперь мы знаем, чем питался мамонт.

В отличие от современных слонов тело мамонта было покрыто мягким желтоватым подшерстком: он служил как бы «подкладкой» шубы мамонта — грубой, как щетина, шерсти. Длинная грубая шерсть (порой волосы достигали 35 сантиметров) предохраняла мамонта от дождя и снега, густой же подшерсток удерживал тепло даже в самый жестокий мороз. Шерсть была ржаво-бурого цвета. На боках, брюхе, плечах, щеках и под хоботом толстые жесткие волосы свалились в плотные подушки.

Мы освеживали мамонта, а затем упаковали шкуру, скелет и части внутренних органов; груз этот размещен был на двенадцати собачьих упряжках. Собаки доставили останки мамонта в Иркутск, к железной дороге, и этот санный путь был длиной около трех тысяч километров.

Сопровождая нарты, я мысленно старался воссоздать ту природную обстановку, в которой некогда жил мамонт. Было это в хмурые дни ледникового периода. Снега и льда тогда было еще больше, чем в наше время, но мы знаем, что мамонты любили холод. А теперь, когда миновало столько веков, шкура и кости мамонта перевозятся по железной дороге! Право же, столь необычный груз никогда еще не доставлялся поездами!

В музее я помогал набивать чучело. Мы придали этому чучелу то полусидячее положение, в котором зверь погребен был в земле».

После открытия березовского мамонта подобные же находки были сделаны в Сибири и на Аляске. Но ни разу не удалось обнаружить останков такой совершенной сохранности. Мерзлые части мамонтов постоянно попадают при горных работах. Встречаются люди, которые утверждают, будто им доводилось есть мясо мамонта. Несколько лет назад на обеде в Клубе исследователей в Нью-Йорке на закуску были поданы куски этого мяса, доставленные на самолете из Аляски.

Благодаря таким находкам нам известно во всех подробностях, как выглядел мамонт. По форме тела он резко отличался от ныне живущих слонов — африканского и индийского. На голове у мамонта шерсть была особенно длинной. Шея начиналась глубокой выемкой, а на спине был большой горб; горб этот целиком состоял из жира, за счет которого животное довольно долго могло обходиться без пищи, совсем как современный верблюд. Задняя часть туловища была резко скошена и оканчивалась коротким хвостом.

У мамонтов бивни были намного больше, чем у современных слонов. Бивни эти представляли собой непомерно разросшиеся резцы. Такими зубами можно было и защи-

щаться от хищников и выкапывать съедобные корни. Бивни некоторых мамонтов были длиной от двух до двух с половиной метров. А однажды на Аляске нашли четырехметровый бивень. Бивни мамонта были резко загнуты вверх и внутрь и у старых животных они иногда сцеплялись друг с другом. В этом случае бивни уже не могли служить зверю, и он лишался возможности добывать себе пищу.

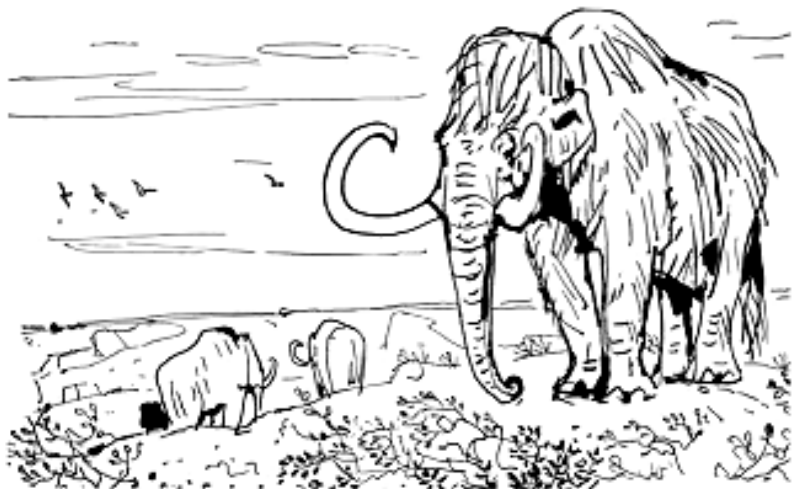
Из века в век жители Сибири и Аляски находили кости мамонтов. Даже в наше время там ведутся поиски бивней, и мамонтова кость продается в тех краях, так же как в Африке слоновая кость. Китайцы скупали в Сибири мамонтовую кость еще в 250 году до нашей эры. Исторические документы свидетельствуют, что только за последние 250 лет в Китай было продано около 50 000 бивней. Мы можем лишь гадать, сколько мамонтовых бивней было найдено в одной лишь Сибири. Безусловно, сотни тысяч!

Сибирский мамонт, житель холодных стран, не был самым крупным зверем в слоновом племени. Еще больше его был так называемый южный слон. Кости далеких предков этого слона найдены были в Африке в породах, которым от роду около трех миллионов лет. Но в те времена это животное в высоту едва достигало полутора метров.

Около миллиона лет назад предки мамонта появились в Индии; судя по ископаемым останкам, эти животные достигали двух с лишним метров высоты. Таким образом, со временем предки мамонта становились все крупнее и крупнее. При этом все больше расширялись границы областей их обитания.

В самом начале ледникового периода, около 800 000 лет назад, они достигли Франции и Северной Америки. В это время высота их дошла уже почти до четырех метров. В течение ледникового периода мамонт бродил по лесам и лугам Западной Европы. Затем он попал и в Северную Америку, переселившись туда через Азию и перешеек, соединявший ее с Америкой. В Америке этот вид мамонта называли джефферсоновым мамонтом в честь президента Томаса Джефферсона, одного из первых американцев, осознавших, сколь важно собирать ископаемые останки. Джеф-

джерсонов мамонт отлично себя чувствовал в областях с умеренным климатом, и его ископаемые останки весьма многочисленны.

Человек переселился в Америку из Азии тем же путем и совсем «недавно» — всего лишь 15-20 тысяч лет назад. На равнинах и в лесах Америки он встретился с тремя разновидностями мамонта. На крайнем севере обитал сибирский мамонт. В средней полосе — джефферсонов мамонт. А в теплых областях жил громадный южный слон. Но в Старом Свете люди познакомились с мамонтом за тысячи лет до появления человека в Америке. Насколько близким было это знакомство, свидетельствует замечательное открытие, совершенное в Чехословакии близ селения Пшедмост.

В 1924 году там была раскопана целая деревня. Ее населяли охотники на мамонтов, которые жили 25 тысяч лет назад. В зимнее время люди ютились в пещерах на склонах холмов. Но весной они переселялись в лагерь, расположенный в долине, потому что с наступлением теплых дней большие стада животных откочевывали на плоские равнины Польши. Тысячи семейств собирались в этих местах для

охоты, и из века в век они жили здесь, промышляя охотой на диких зверей. А затем люди ушли из этих мест неведомо по какой причине.

Шли годы, и мощный покров пыли, принесенный ветром, засыпал их покинутые стоянки. Пыль постепенно слежалась и образовала плотную породу, которая называется «лёссом». Под лёссом стойбища охотников на мамонтов погребены были таким же образом, как город Помпея под пеплом Везувия. Этот лёссовый саван у Пшедмоста порой достигает в толщину двадцати метров.

Доисторическое селение занимало площадь около трех гектаров. Территория эта еще не полностью раскопана, и тем не менее по тому, что уже открылось нашему взору, мы можем отчетливо представить себе, какой была жизнь наших предков в ледниковое время. То было весьма мудро распланированное селение. Некоторые участки отведены были под жилье, причем перед хижинами рядом располагались очаги. Неподалеку находились кучи отбросов, состоящие из костей мамонтов, носорогов, львов, лошадей, северных оленей и песцов. Все эти кости размещены были в определенном порядке. За хижинами три кучи мамонтовых бивней сложены были, как вязанки хвороста. Узенькая тропинка отделяла эти кучи от большого поля, усеянного таковыми костями и нижними челюстями.

Ученые были озадачены, когда обнаружили кости ног мамонтов, размещенные по полуокружью. Было высказано предположение, что эти кости использовались как дрова; при нагревании из костей выделялся жир и таким образом постоянно поддерживался огонь.

Из мамонтовых черепов, здесь обнаруженных, лишь немногие оказались целыми. Очевидно, охотники разбивали большинство из них, чтобы извлечь мозг. Нам известно, что в те далекие времена людям приходилось по вкусу звериный мозг. И чем больше мозга, тем приятней была трапеза.

Люди из Пшедмоста были великими охотниками. Но мамонта или шерстистого носорога нельзя было убить только с помощью копий. Поэтому найден был другой способ

охоты. Люди выкапывали на дне долины глубокие ямы и покрывали их сверху сучьями и землей. Сверху ямы эти совсем были не заметны. Но под тяжестью мамонта настил из сучьев проваливался, и громадное животное, очутившись в яме, становилось совершенно беспомощным. А охотники только того и ждали! Они подтаскивали громадный угловатый камень весом более пятисот килограммов. Камень обвязывали кожаными ремнями. С полдюжины силачей поднимали его и сбрасывали на голову мамонта в яму. Так человеческий разум одерживал победу в борьбе с самыми крупными животными того времени.

В течение ледникового времени множество мамонтов жило на всех северных материках. Мы обнаружили столько костей мамонтов и даже их мерзлых туш, что можем с уверенностью сказать — огромные стада этих зверей в ту пору бродили по Европе, Азии и в Северной Америке. В пещерах Франции и Испании найдено было немало фигурок, вырезанных из мамонтовой кости. На стенах тех же самых пещер доисторический человек оставил изображение мамонта.

Ближе к концу ледникового периода климат стал теплее. Ледяной покров постепенно таял, и, когда исчезли огромные ледяные поля, исчез и мамонт. С тех пор никому уже не доводилось видеть живого мамонта.

7. СУДЬБА ЛОПАТОРЫЛОГО МАСТОДОНТА

Взгляните на изображение мамонта. Вы, вероятно, скажете: «Да это же слон! Хобот у него совсем как у слона!» И ученые с вами согласятся.

Если вы посмотрите теперь на изображение какого-нибудь представителя семейства мастодонтов, вы заметите, что у этого существа также есть хобот. На первый взгляд может показаться, что мастодонт — очень близкий родич слона. На самом же деле он значительно отличается и от современного слона, и от мамонта. Но все трое принадлежат к одной и той же группе млекопитающих — к отряду хоботных.

По ряду признаков мастодонт был очень близок к мамонту. Однако между мастодонтом и мамонтом много и различий, особенно в строении зубов.

Мастодонты бывали разных видов. Были, в частности, «длиннорылые» мастодонты. Трудно представить себе существо с нижней челюстью, равной почти росту зверя. Однако такие животные существовали. В холке этот мастодонт достигал двух с половиной метров, а его нижняя челюсть была всего лишь на пятнадцать сантиметров короче. Хобот покоился в этой челюсти, как в корыте, и не свешивался вниз. Он был короче слоновьего и предназначался главным образом для того, чтобы доставать что-либо сверху. Подобно другим хоботным, мастодонты были истинными скитальцами. Они странствовали по всем континентам; не было их только в Австралии. Свой «поход» они начали около 40 миллионов лет назад, когда переселились из Северной Африки. Сперва они дошли до Аравии, затем проникли в Европу и далее, через Монголию, Сибирь, перешеек Берингова пролива, Северную Америку и Центральную Америку добрались до Южной Америки. Миллионы лет длилось это путешествие. Мы можем проследить маршруты мастодонтов по ископаемым костям, которые находят на этом пути.

Во время экспедиции в Центральную Азию в 1928 году нам представилась прекрасная возможность ознакомиться

с такими костями. Район был совершенно неисследован. Мы странствовали по пустынной каменистой равнине, и вот однажды путь наш пересекла большая впадина. Внезапно огромный серый волк перескочил через уступ и понесся по равнине. Я схватил винтовку и уложил волка. На этом «волчьем уступе» мы разбили наши палатки... Внизу дно впадины пересекали жуткие овраги и ущелья, красные и серые. Далеко впереди по ту сторону впадины виднелись высокие утесы; они были подобны башням из золота и пурпура. Равнина, простиравшаяся за нашим лагерем, была угнетающе необъятна. Мы назвали это место «Волчьим лагерьм».

Ископаемых костей вокруг нас было не меньше, чем волков. Кроме того, мы нашли множество раковин древних моллюсков; раковины эти залегали слоями, и было очевидно, что мы находимся на краю давным-давно пересохшего большого пресного озера. Старая береговая линия была заметна совершенно отчетливо. Вероятно, берега озера некогда были болотистыми; возможно, что кое-где имелись там зыбучие пески. Четыре или пять миллионов лет назад в эти ловушки не раз попадались разные звери; таким образом, животных здесь подстерегали такие же опасности, как и в асфальтовых трясилах Ла-Бреа, с той лишь разницей, что калифорнийские ловушки были моложе монгольских.

Однажды я шел с Гренджером, нашим главным палеонтологом. Внезапно мне бросился в глаза кусочек белой кости. Быстро отбросив песок, я обнажил большой коренной зуб. Без сомнения, это был зуб мастодонта! Чуть позже Гренджер перевернул плоскую каменную глыбу; казалось, будто он приподнял крышку люка. Под этой глыбой покоился другой зуб; зуб этот торчал из засыпанной песком кости. Жесткой щеткой Гренджер удалил песок и обнажил череп. У большинства хоботных черепа очень короткие и широкие. Этот же череп спереди был узким и длинным. С каждой его стороны торчал тонкий круглый бивень. Если бы не зубы и бивни, мы никогда не догадались бы, что перед нами череп мастодонта.

Однажды капитан Хилл принес две плоские кости. Казалось, что это слоновая кость. Ширина каждой была двад-

цать сантиметров, толщина — около сантиметра. Гренджер был озадачен. «Ну, конечно, это зубы. Но какому животному они принадлежат? Уж очень странное существо жило здесь четыре или пять миллионов лет назад. Хотелось бы знать, как оно выглядело?»

Прошла неделя, и нам удалось обнаружить несколько таких же пластинок. Теперь у нас их было уже больше десятка. Но ни разу не удавалось обнаружить вместе с ними какую-либо иную кость: мы находили «пластинки», и только «пластинки».

«Рано или поздно мы выясним, что это был за зверь, — говорил Гренджер, — и я думаю, что нас ждет большой сюрприз! Мы не уедем отсюда, пока не узнаем, что это было за животное». Однако миновало две недели, а тайна пластинок так и оставалась тайной. Разгадкой ее мы обязаны чистой случайности.

Однажды днем Гренджер возвращался в лагерь. Он поднимался по крутому уступу, которым обрывалась равнина, к тому месту, где стояли наши палатки.

Сантиметрах в шестидесяти ниже бровки склона он наступил на одну из пресловутых костяных пластинок. Эта пластинка плотно сидела в кости! Вот она — разгадка нашей тайны; Гренджер понял это сразу. Он кинулся в лагерь, и мы все тут же отправились к месту находки. Работая маленьким скребком, Гренджер отбрасывал рыхлую землю и постепенно обнажал кость. Это была челюсть. У нас перехватило дыхание. Две крепко скрепленные костяные пластинки лежали рядышком. В поперечнике они достигали полуметра, а за ними челюсть расширялась наподобие лопаты. Затем она раздваивалась на две ветви, в каждой из которых сидело по коренному зубу.

«Это мастодонт! — воскликнул Гренджер, как только увидел зубы. — Только у мастодонтов такие зубы. Но какой мастодонт! Мне и присниться не могло подобное животное!»

В длину челюсть эта достигала полутора метров. Форма ее удивительно напоминала двуручную совковую лопату. Зверь пользовался этой «лопатой» соответственным образом. Ключ к решению вопроса мы нашли, обнаружив, что

эта челюсть лежала на берегу древнего озера. Здесь, безусловно, была богатая растительность и наш мастодонт, должно быть, питался водяными растениями, выкапывая их своей огромной лопатовидной челюстью. Челюсть мы послали в Американский Музей естественной истории в Нью-Йорке, и там она и по сей день считается одним из самых примечательных экспонатов.

Два года спустя мы снова прибыли в Волчий лагерь, желая собрать побольше останков огромных лопаторыльных мастодонтов. Снова на краю древней озерной впадины раскинулись наши палатки. На следующий же день один из ученых нашел в пятнадцати километрах от лагеря множество костей. Было ясно, что в этом месте некогда существовала какая-то естественная ловушка, какая-то смертоносная западня.

Мы приступили к раскопкам с большим увлечением. Однако сперва мы еще не знали, что перед нами замечательнейшее скопление останков ископаемых животных. Какое волнение испытывали мы, вскрывая древнюю могилу! Здесь, в пустыне, в 1930 году мы работали при ослепительном солнечном свете. А миллионы лет назад на этом месте разыгралась трагедия, и мы теперь узнали, как все это произошло: стоило лишь прочесть записи, которые внесла в свою каменную книгу природа. Вот как читается эта запись.

Маленькая спокойная бухточка глубоко врезывалась в берег большого озера. Все было покрыто буйной растительностью. Плавающие растения опускали свои корни до самого дна. Бухточка была невелика: шириной метров сто, длиной метров сто шестьдесят — сто семьдесят. Но на дне ее была глубокая яма, глубиной более десяти метров.

Вдоль берега шел мастодонт. Уродливейшее на свете создание. Туловище слона. Короткая тяжелая верхняя губа, свисающая на громадную лопатовидную челюсть. Короткие округлые бивни. В мире не было зверя, хотя бы отдаленно похожего на этого монстра. Мастодонт был голоден. Своей лопатовидной нижней челюстью он выкапывал растения, за раз подхватывая целый ворох стеблей. Не все приходилось ему по вкусу, и неаппетитные травы он сбрасывал с

«лопаты» языком; сочные же клубни попадали в пасть, и массивные коренные зубы перетирали их в мягкую кашу.

Однако лучшие клубни росли, и при этом в изобилии, в воде, неподалеку от берега. Добраться туда было довольно легко. Вода едва дошла зверю до брюха, когда он достиг плавающих клубней. Зверь уселся на задние ноги и около получаса сидел на месте, жадно поглощая пищу. В конце концов он насытился и решил вернуться на берег. До чего же приятно было стать в тени деревьев и вздремнуть после сытного обеда! Но, странное дело, он никак не мог подняться на ноги. Все четыре лапы накрепко увязли в липком иле. Сперва это лишь удивило мастодонта. До сих пор ведь еще ничто не бросало вызов его силе! Он попытался приподняться. Это ему удалось, но освободиться он все же не смог. Лапы его все глубже и глубже погружались в грязь. Ужас овладел животным. Борьба была отчаянной. Но чем яростнее старался мастодонт вырваться из ловушки, тем глубже, с отчаянным воплем, он погружался в смертоносную трясину. Вопль этот внезапно прекратился, с минуты

раздавалось бульканье, а затем голова зверя скрылась под водой.

Пришел сюда еще один мастодонт, за ним другой. Они погибли так же, как и их предшественник. Мы нашли останки двадцати мастодонтов, погребенных в липкой грязи. Их туши долго разлагались в зеленой тине. Постепенно мясо отваливалось от костей. Часть костей дробилась и ломалась, когда на них опускались следующие жертвы. Но некоторые кости сохранились полностью.

Возможно, смертельная ловушка была, наконец, заполнена до краев. Возможно, вода, загрязняемая гниющим мясом, погубила растительность, и тогда ловушка перестала привлекать мастодонтов. Но, быть может, ход событий был иным — однажды наступила засуха, и маленькая бухточка исчезла. Так или иначе, но со временем пересохло и само озеро. Прошли сотни и сотни тысяч лет. Дули ветры. Несчетные массы песка и пыли погребли сухое озерное дно. От могилы лопаторылого мастодонта не осталось никаких следов...

Прошло время, и климат изменился. Сухие холодные ветры ледникового периода сдули рыхлые осадки с древнего озерного дна. Ветры уносили эти осадки по пылинкам, и пыль оседала затем на равнинах Китая, далеко от этих мест. Так шло все миллионы лет и так все продолжалось до наших дней; и в наши дни в Гоби непрерывные ветры пожирают пустыню, понижают ее уровень. Могила мастодонтов обнажилась по крайней мере за сто лет до того, как мы ее нашли. Вверху скопление костей было уничтожено: рыхлые осадки унесло ветром, а кости истерло в пыль твердыми частицами.

Однако уцелело все же немало. Основная масса костей покоилась в плотной зеленой глине. В эту глину превратилась грязь, заполнявшая когда-то дно бухты. Громадные лопатовидные челюсти (длиной до двух с лишним метров) лежали в беспорядке одна на другой. Одни из них торчали стоймя, другие лежали под углом, третьи покоились горизонтально. Некоторые челюсти очень хорошо сохранились. Одну такую челюсть мы и нашли в 1928 году и совершенно

справедливо сочли ее уникальнейшей палеонтологической находкой. Но теперь, спустя два года, перед нами лежало больше десятка значительно лучше сохранившихся челюстей и, кроме того, здесь было множество других костей. Громадные плоские лопатки, кости ног, таза, множество ребер разбросаны были здесь в беспорядке, и казалось, что никогда не удастся разобраться в этом костяном хаосе.

Было очень трудно извлечь хотя бы одну кость, ибо они лежали одна на другой и мы могли начать работу, только нащупав самую верхнюю. Кости сохранились плохо; первоначальный их материал был не полностью замещен минеральным веществом, и вряд ли твердостью своей они превосходили писчий мел.

По мере того, как очищалась какая-либо часть кости, мы пропитывали ее шеллаком и от этого кость становилась прочнее. Затем мы закрепляли кости гуммиарабиком и обертывали их японской рисовой бумагой. Благодаря клею и бумаге удерживались хрупкие, готовые отвалиться кусочки кости. Затем всю кость забинтовывали полосами материи, смазанными клейстером. Спустя некоторое время клейстер высыхал, и кость оказывалась заключенной в твердую оболочку. Десять человек потратили на эту работу шесть недель!

В другом месте, немного ниже лагеря, один из наших людей нашел остатки скелета самки мастодонта. Она окоченела, лежа на боку. Под ее бедренной костью найдены были череп и кости еще не родившегося детеныша. Длина челюсти этого «младенца» достигала тридцати сантиметров.

Находки ископаемых останков такого рода весьма редки и очень интересны, особенно для изучения хоботных, так как позволяют выяснить процесс роста зубов, который у них протекает совсем иначе, чем у других млекопитающих. Большие коренные зубы, вырастая, вытесняют молочные зубы, так что на обеих челюстях всегда имеется по два зуба с каждой стороны.

В том месте, где мы нашли мать-мастодонтиху, кроме нее, не было останков больших животных. Там находились кости мастодонтов-детенышей, лисиц и оленей. Очевидно, это болото не было глубоким. Крупным млекопитающим,

попавшим туда, удавалось выбраться, а гибли только мелкие. У одного из погибших оленей были замечательные ветвистые рога. И формой, и размерами они напоминали женскую руку. Отростки рогов были похожи на маленькие вытянутые пальцы.

После окончания работы мы с удовлетворением обсуждали наши успехи у кучи образцов. Их было вполне достаточно, чтобы изучить весь скелет лопаторьного мастодонта.

До сих пор наиболее известной разновидностью мастодонта был американский мастодонт. Его ископаемые кости найдены были на большей части территории Соединенных Штатов, а также в Северной и Западной Канаде. Об этом любопытном животном легко можно составить представление по множеству зубов, челюстей и других частей скелета.

Иногда встречаются американские мастодонты, у которых четыре бивня: два маленьких на нижней челюсти и два больших на верхней. Длина больших бивней обычно около двух с половиной метров, но однажды попался экземпляр с почти трехметровыми бивнями.

Огромное скопление костей мастодонта известно близ города Сент-Луиса, штат Миссури, где в реке или на ее берегах погибло несколько сот животных. В половодье тела их, очевидно, снесло вниз по течению. После спада воды они оставались в заводи. Кости животных нагромодились большой массой и частично окаменели. Некоторые кости до сих пор содержали большое количество органического вещества. Наиболее хорошо сохранившихся мастодонтов удалось найти в штате Нью-Йорк, в местности, где имеется множество лугов, маленьких озер и болотц, сразу же к западу от Катскильских гор. Эти луга и болотца остались на месте древних болот, образовавшихся при таянии ледникового щита, который покрывал когда-то восточную часть Северной Америки. Очевидно, мастодонты иногда попадали в эти болота и тонули в трясине. Происходило то же самое, что и в Монголии, где жил лопаторылый мастодонт. Даже теперь фермеры изредка выкапывают кости мастодонтов. Только в одном штате Нью-Йорк были найдены части более ста скелетов! История одного из этих скелетов особенно увлекательна; к тому же этим костям пришлось совершить долгое путешествие! Хотите — верьте, хотите — нет, но дело было так.

Трудно, разумеется, представить себе, что может бесследно исчезнуть смонтированный скелет животного величиной со слона и что сто лет спустя этот скелет объявится на другом берегу Атлантического океана. Нелегко также предположить, что люди, у которых находился этот скелет, не ведали, что он «утерян» и «оплакан» палеонтологами! А тем не менее, все это действительно произошло. «Мастодонт Пила» — так назывался этот необыкновенный скелет.

То был первый более или менее полный скелет американского мастодонта и первый экспонат этого животного, смонтированный в музее. Кости эти нашли в 1799 г. на ферме Джона Мартина, недалеко от Ньюбурга, в округе Орендж в штате Нью-Йорк. Об этой находке узнал Чарлз Уилсон Пил, известный художник, и очень ею заинтересовался. Он купил кости и исследовал участок, на котором они были найдены. Очевидно, он нашел немало костей, так как его сын,

тоже художник, Рембрандт Пил, сумел собрать из них скелет, который и был выставлен в музее Пила в Филадельфии. Рембрандт Пил написал также картину, на которой запечатлел сцены раскопок. Сейчас эта картина находится в Бостоне, в Музее изящных искусств.

На картине изображена группа людей — двадцать мужчин и два мальчика, работающие под руководством самого Пила. Двое стоят по пояс в воде. Громадное колесо вычерпывает воду из ямы. У некоторых работников и зрителей высокие касторовые шляпы. В общем эта картина дает отличное представление о спокойной жизни в долине Гудзона за полтора века до нашего времени.

Мастодонт стал самым популярным экспонатом музея Пила. В 1827 году Пил умер, а в 1850 году коллекции музея были проданы филадельфийскому музею Барнума; музей же этот спустя год сгорел дотла. По всей вероятности, скелет мастодонта погиб вместе с другими экспонатами... Это событие расценивалось как величайшая потеря для науки!

Но в 1954 году доктор Симпсон, сотрудник Американского Музея естественной истории в Нью-Йорке, получил письмо из Государственного музея земли Гессен в ФРГ.

Хранитель немецкого музея не имел ни малейшего представления о том, что мастодонт Пила был когда-то безнадежно потерян... Он просто писал, что желал бы отремонтировать скелет мастодонта Пила. Не окажет ли доктор Симпсон ему любезность и не пришлет ли фотографии другого скелета мастодонта, также смонтированного Рембрандтом Пилом? Как он, хранитель, полагает, этот второй скелет должен находиться в Американском Музее естественной истории.

Доктор Симпсон был потрясен. До его сознания дошло, что в Гессенском музее хранится давным-давно утерянный мастодонт Пила. Ему поведали историю этого путешествия.

Какие-то предприимчивые купцы приобрели скелет у семьи Пила перед тем, как остатки экспозиции были проданы Барнуму. Случилось это, видимо, в 1847 году.

Таким образом, скелет «ушел» из музея Барнума до пожара. Мастодонта перепродали французскому королю Луи-

Филиппу. Король согласился заплатить за него 100 000 франков, как только скелет будет доставлен на место. Король собирался поместить его в Ботаническом саду. Но мастодонт был еще только в Булони, когда король отрекся от престола и поспешно покинул Францию. Каким-то образом мастодонт попал в Лондон, но Британский музей отказался его приобрести, так как уже располагал одним экземпляром.

Для бедного скелета наступили тяжелые времена. Никто не интересовался мастодонтом, никому он не был нужен... В конце концов его за гроши купил Гессенский музей. Было это в 1854 году. С тех пор мастодонт находится в прекрасных условиях.

Мастодонт Уоррена — другой скелет, открытый в верховьях Гудзона. И мастодонт Уоррена также прославился, хотя его никогда не теряли. Сейчас это один из наиболее ценных экземпляров Американского Музея естественной истории в Нью-Йорке.

Этот скелет был найден на ферме Брюстера, в 10 километрах от Ньюбурга, в округе Орендж. Так же, как и многие другие доисторические животные, этот мастодонт утонул в болоте, и его скелет был найден в стоячем положении. В том месте, где у зверя должен был быть желудок, обнаружили около двухсот килограммов веток. Большинство из них было около пяти сантиметров в длину и некоторые толщиной с палец. С ветками перемешана была масса тонко пережеванных листьев. Очевидно, это был последний обед мастодонта. Кости, погребенные в слое чистого мергеля, прекрасно сохранились. Они были светло-коричневого цвета.

В 1845-1846 годах скелет этот объехал города Новой Англии и демонстрировался в Нью-Йорке. Наконец, доктор Джон К. Уоррен из Гарвардского университета купил его за 5000 долларов. Скелет оставался в Бостоне до 1906 года. Затем его купил для Американского Музея естественной истории миллиардер Джон Пирпонт Морган.

Здесь скелет был заботливо перемонтирован под руководством профессора Осборна. Профессор хотел, чтобы работа была проделана безукоризненно, поэтому препаратору-монтировщику пришлось целый день просидеть на спине

у слона в Нью-Йоркском зоологическом саду, «на практике» изучая слоновью анатомию. Высота в холке скелета мастодонта Уоррена достигает 3 метров 18 сантиметров, а длина — около 5 метров. Таким образом, у мастодонта было длинное низкое туловище; при этом он имел очень широкий (два метра) таз. Следовательно, по форме тела мастодонт очень отличался от современных слонов.

8. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ

Лошади нам встречаются на каждом шагу, и мы даже не подозреваем, что это одно из любопытнейших животных прошлого. А ведь ее прапрапрадеды совершенно не походили на современного коня. У нашей лошади на каждой ноге только по одному пальцу, на который она и опирается. А у древней пралошади, чьи окаменевшие кости удалось обнаружить, было по четыре пальца на передней ноге и по три — на задней. Это было совсем крохотное животное, чуть больше кошки, и ученые назвали его «эогиппусом», потому что оно жило в эоценовую эпоху — на заре Века Млекопитающих*. Было это около пятидесяти пяти миллионов лет назад.

Но мы убеждены, что существовали еще более древние предки лошади, чем эогиппус. У них на ногах должно было быть по пяти пальцев. У эогиппуса эти «лишние» пальцы почти уже исчезли; они сохранились лишь в виде маленьких косточек.

Ископаемые останки пятипалой лошади пока еще не найдены. Мы надеялись отыскать их в пустыне Гоби, в Монголии. Но, как ни странно, нам не удалось отыскать там древних ископаемых лошадей. Возможно, они жили в северной части Гоби.

Эоценовые лошади были найдены и в Англии, и на европейском материке, и в Америке. Однако до сих пор не ясно, где именно была их родина.

В различные эпохи Века Млекопитающих существовало более десятка разновидностей ископаемых лошадей. Они обитали в различных областях земного шара. Однако наиболее полная серия предков обнаружена была в западной части США. Имеется несколько видов эогиппуса. Эти эогиппусы различались по величине и имели высоту в холке от 25 до 50 сантиметров.

* Эос по-гречески заря, гиппос — лошадь. — *Прим. ред.*

Должно быть, все эти лошадки были животными боязливыми. Бегали они неплохо, не хуже собак. Самые мелкие эогиппусы обитали, вероятно, в лесах. Здесь, в густых кустарниках и в траве, они могли легко укрыться от врагов, а на надежное убежище они надеялись куда больше, чем на собственные ноги. Очень возможно (хотя с уверенностью утверждать это и нельзя), что эогиппусы были полосатыми или пятнистыми. Животное такой окраски очень трудно заметить в зарослях. Тигра, например, нелегко обнаружить в джунглях — полосы на его шкуре совершенно «сливаются» со стеблями травы. Точно так же пятна на шкуре олененка подобны бликам света в листве.

В лесах, где жил эогиппус, почва была, по-видимому, мягкая, и широко расставленные пальцы служили надежной опорой, так что животное легко удерживалось на зыбкой подстилке из мха и листьев. По форме зубов эогиппус резко отличался от современной лошади. Зубы у эогиппуса были короткими и плоскими, приспособленными для размельчения листьев и прочей мягкой пищи. Не было у эогиппуса ни одного зуба, подобного долотообразным зубам современной лошади. У современной лошади перемалыв-

вающие зубы с высокими коронками приспособлены для пережевывания грубой сухой травы.

За 15-20 миллионов лет эоценовой эпохи древние лошади постепенно изменялись. Возникло несколько новых разновидностей.

Остались, как и прежде, крохотные эогиппусы, но наряду с ними появились и более крупные лошади, величиной примерно с датского дога. К этому времени исчезли последние следы пятого пальца. В конце эоценовой эпохи все разновидности обладали только четырьмя пальцами на передней ноге и тремя — на задней. Каждый палец оканчивался маленьким копытцем. Но средний палец на передней ноге перерос боковые пальцы. Почему так произошло, нетрудно убедиться на опыте.

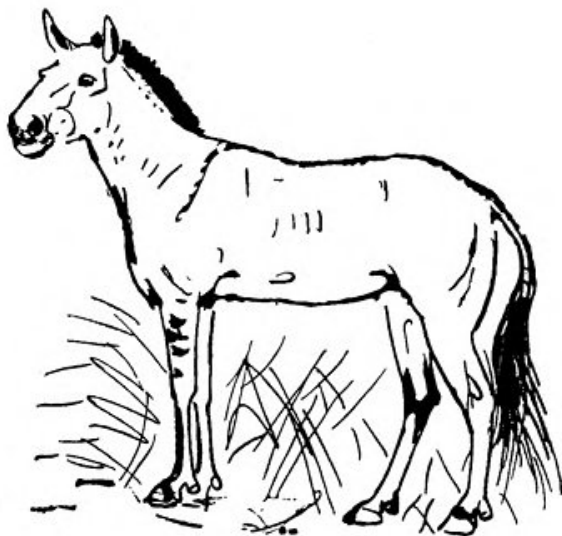
Положите руку с вытянутыми пальцами на стол, а затем поднимите ладонь. Рука теперь будет опираться на кончики трех средних пальцев. Большой же палец и мизинец не будут даже касаться стола. Они-то и соответствуют двум крайним пальцам пятипалой лошади — тем пальцам, которые постепенно исчезли.

На бегу вес животного принимает на себя средний палец. Он работает больше других. Именно поэтому он перерос два других пальца, которые хотя и сохранились, но стали совершенно бесполезными.

В олигоценовую эпоху, около 45 миллионов лет назад, лошади утратили четвертый палец на передних ногах. С этого времени у них осталось только по три пальца на каждой ноге. Средний палец был намного больше боковых, которые едва касались земли. Лошадь этой эпохи (останки ее хорошо изучены) называли «мезогиппусом»*. Величиной она была с волка.

Прошло еще несколько миллионов лет и другая разновидность лошади сравнялась по величине с овцой. Если бы не строение ног, эта лошадь была бы очень похожа на крошечную современную лошадь.

* Мезос — по-гречески средний. — *Прим. ред.*

Зубы ее были приспособлены пока для мягкой пищи. Мозг рос и развивался. Лошади становились все более и более смышленными.

Миоценовая эпоха Века Млекопитающих началась около 25 миллионов лет назад. Это было время больших изменений на нашей планете. На месте равнин поднимались горы. В областях с влажным климатом становилось сухо и холодно. Леса редели и исчезали, на них наступала степь. Лошади уже не могли рассчитывать на густую растительность как на надежное убежище. Им приходилось теперь спасаться от врагов бегством, полагаясь лишь на собственные ноги. Поэтому необходимо было «тренироваться» в беге.

Упругая поступь трехпалых конечностей была уместна на мягкой почве. Но при быстром беге по жестким равнинам приходилось тратить энергию и время на лишние движения. Для такой почвы нужна была твердая поступь, необходим был один жесткий палец.

Таким образом, в миоценовую эпоху средний палец у лошади очень вырос. Копыто на нем увеличилось, приняло на себя вес тела животного и стало выполнять всю необходимую работу. Боковые пальцы уменьшились и ослабли. Они уже не касались почвы и стали совершенно бесполезными.

Важные изменения произошли также и в относительной величине различных частей ноги. Ноги удлинились в голени и в ступне; шаг стал шире, и лошадь могла теперь бегать быстрее. Она была уже довольно большим животным. Очень сильно изменились также и зубы; им нипочем теперь стала жесткая трава. И ноги, и зубы, и большие размеры — все это позволило лошади успешно приспособиться к жизни на открытых пространствах.

В плиоценовую эпоху, около десяти миллионов лет назад, у большинства лошадей было еще по три пальца на каждой ноге, но боковые пальцы стали совсем короткими и располагались они высоко над землей.

Одна из разновидностей плиоценовых лошадей, названная гиппарионом, стала всемирным путешественником. Гиппарион и его родичи «форсировали» перешеек между Аляской и Сибирью и наводнили всю Азию и Европу. Ископаемые останки гиппариона встречаются повсеместно на пути из Китая в Западную Европу. Гиппарион обитал, вероятно, в Индии, Испании, Греции; это, должно быть, была первая из лошадей, появившаяся в Африке. Мы нашли останки гиппариона в пустыне Гоби.

У другой плиоценовой лошади на ногах было уже только по одному пальцу. Назвали эту лошадь «плиогиппус». От ее потомков произошли однопалые лошади рода «эквус», т. е. современные лошади. Превращение трехпалой лошади в однопалую было одним из важнейших событий истории лошадей.

В течение миллиона лет — времени, которое приходится на плейстоценовую и голоценовую (современную) эпохи, — лошадь изменилась очень мало. Боковые пальцы почти полностью исчезли у всех разновидностей. От этих пальцев не осталось ничего, кроме маленькой косточки под кожей.

Плейстоценовые лошади были намного больше, чем их предки. И шея и ноги стали длиннее. Череп также удлинился. Зубы полностью приспособились для грубой пищи.

Я уделил больше всего внимания ногам лошади, потому что особенности их строения легче всего поддаются объяснению. Но за пятьдесят пять миллионов лет, то есть за то

время, в течение которого эогиппус превратился в современную лошадь, изменилось и все тело животного: зубы, череп, мозг и т. д. История лошади — чудесный пример законов эволюции в действии. На этом примере легко убедиться, как может приспособиться животное к полностью изменившимся условиям жизни. Да, условия эти менялись, но лошадь все эти пятьдесят пять миллионов лет существовала и благополучно существует и в наши дни.

Огромные табуны лошадей бродили в ледниковое время по равнинам Северной и Южной Америки, Европы и Азии. Теперь в Западном полушарии нет диких лошадей, хотя они и водились до недавнего времени в Европе и Азии. Почему они исчезли в Новом Свете — никто не знает. Это одно из самых загадочных событий в истории животного мира.

Ученые тщетно пытаются найти сколько-нибудь приемлемое объяснение. Конечно, лошади Нового Света не были уничтожены в ходе наступления ледника. Ведь многие из них обитали там, где никогда ледников не было. Они не испытывали и недостатка в пище — ведь хватало же травы для всех других степных животных! Нет ни малейшего признака, что лошадей истребили какие-либо плотоядные животные. Более того, самые опасные хищники — саблезубые тигры и «ужасные волки» — вымерли, вероятно, раньше лошадей.

Конечно, можно предположить, что какие-то сильные эпидемии погубили этих лошадей. Но в таком случае, почему же сохранились другие равнинные животные, например бизоны?

Дикие лошади все еще жили в Америке, когда пятнадцать-двадцать тысяч лет назад там появились люди. Но людей было очень мало, и они не могли заметно уменьшить лошадиное поголовье. В конце ледникового периода произошли и другие, пока еще необъяснимые перемены. Гигантские ленивцы (мегатерии), глиптодонты, мамонты, мастодонты, саблезубые тигры и «ужасные волки» — все они исчезли в Северной и Южной Америке либо одновременно, либо раньше дикой лошади. Каковы бы ни были эти пе-

ремены, вероятнее всего, что все эти животные не смогли приспособиться к ним.

А между тем в 1519 году, когда Эрнандо Кортес явился в Мексику, в Северной и Южной Америке диких лошадей не было. Но солдаты Кортеса привезли с собой шестьдесят лошадей и родившегося в дороге жеребенка. Конечно, это были домашние лошади. Со временем некоторые из них убежали от хозяев, одичали и стали вести тот же образ жизни, что и их предки в начале ледникового периода. Немало таких «диких» лошадей водится в западных штатах и в наше время. Но это не настоящие дикие лошади. Диким можно назвать лишь то животное, чьи предки всегда были дикими. Все же американские «дикие» лошади произошли от домашних.

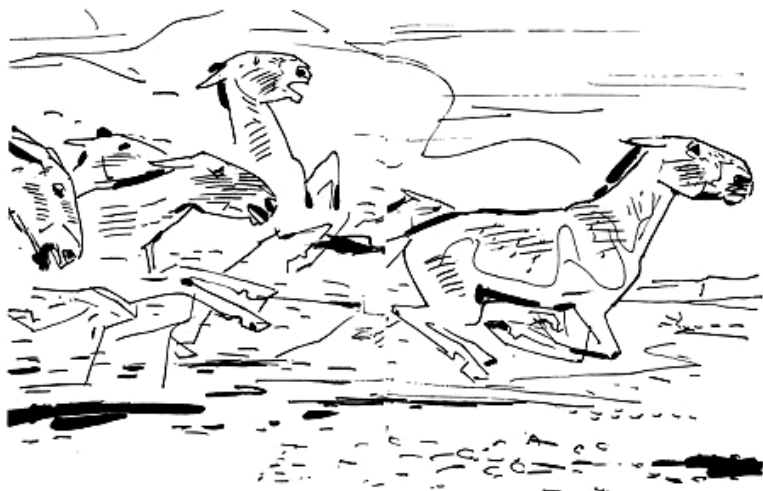
Хотя в Северной и Южной Америке дикие лошади вымерли в конце ледникового периода, они сохранились в Европе и в Азии. Европейские дикие лошади назывались «тарпанами». Может быть, некоторые из них уцелели кое-где в Советском Союзе. По всей вероятности, однако, они смешались с домашними лошадьми. В Африке к диким современным представителям семейства лошадей относят дикого осла (*Equus asinus*) и три вида зебр.

Но в Центральной Азии подлинная дикая лошадь существует. Она обитает в западной Монголии и в Туркестане, и о ней мне много рассказывали монголы в бытность мою в Центральной Азии. Нам, однако, не довелось встретить таких лошадей, так как в Монголии мы не заходили далеко на запад. Это лошадь Пржевальского, названная так в честь знаменитого русского путешественника. Она маленькая, желтовато-бурая, грива и хвост у нее черные.

В пустыне Гоби мы встретились с другим представителем семейства лошадей. Хотя это животное и называется диким ослом, или куланом, но по существу с истинными дикими ослами оно ничего общего не имеет. Ученые называли его *Equus hemionus*. Кулан живет в самой сухой части Гоби. Подобно многим другим пустынным животным, он редко пьет воду, а может быть, и не пьет ее совсем. Крахмал

растений, которые он поедает, в его желудке превращается в воду.

Мы первые засняли дикого азиатского осла на пленку. Это красивое животное, ростом с низкорослую монгольскую лошадь. Верхняя часть туловища кулана ровного желтого цвета, нижняя — чисто белого. По середине спины проходит широкая темно-коричневая полоса.

В некоторых частях пустыни Гоби диких ослов очень много, и порой нам встречались большие табуны. Нам удалось заснять несколько замечательных кадров. Историю одного нашего состязания в скорости с табуном диких ослов я так описал в полевом дневнике:

«Белое озеро, пустыня Гоби, 11 июня 1925 года. Мы с Шеклфордом отправились на киносъемку. Камера была установлена в задней части автомобиля на треноге. Мы остановились на краю большой впадины, сразу за озером. В раскаленном мареве мелькали сотни желтоватых существ. Конечно, это дикие ослы! Да тут их тысячи! На дне впадины находилось три крупных стада, и, кроме того, на много миль вокруг виднелись силуэты куланов-одиночек.

Мы решили обогнуть табуны далеко с востока, так как почва во впадине была рыхлой. Мы хотели отогнать живот-

ных к западу, на каменистую равнину. Там машина могла проехать в любом направлении километров на двадцать.

Наши планы нарушила группа диких ослов; было их десятка четыре; сперва они бежали довольно медленно, часто останавливались и все время поглядывали на автомобиль.

Мы прибавили ходу, и тут же со всех сторон к нам стали сбегаться сперва десятки, а затем сотни диких ослов; все они присоединялись к первой группе. Шумное стадо подняло такую тучу пыли, что мы никак не могли приступить к киносъемке.

Вся эта галопирующая масса была от нас не больше чем в тридцати метрах. Шеклфорд с радостным визгом открыл по диким ослам «стрельбу» из камеры. Он накручивал ленту метр за метром.

Спустя несколько минут Шеклфорд с криком протянул руку вправо — оттуда приближалась ослица с осленком. Уголком глаза я заметил маленькое пушистое существо, которое еле держалось на шатких ножках, прижимаясь к материнскому боку. Я притормозил и приблизился к осленку. Маленькому желтому созданию было не больше трех дней отроду. Бежал он уморительнейшим образом, не сгибая ног; быстро бежать осленок еще не умел; нас он, видимо, не очень боялся.

Мы очутились в середине табуна. Тучи гравия летели из-под копыт в ветровое стекло. Никогда в жизни я не был так взволнован! До конца дней мне запомнится это мгновение».

Заканчивая рассказ о древней лошади, я невольно вспоминаю об этих табунах диких ослов, которые неслись рядом с нами по пескам Гоби; ведь так же их предки, дикие лошади ледникового периода, тысячи лет назад скитались по равнинам Европы, Азии, Америки...

9. О НЕКОТОРЫХ НЕОБЫЧАЙНЫХ ЖИВОТНЫХ

ГИГАНТСКИЙ ЛЕНИВЕЦ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

Современный южноамериканский ленивец, пожалуй, самое необычное животное. Вызывает удивление способ передвижения ленивца — он карабкается по ветвям, все время сохраняя висячее положение.

В длину ленивец не больше шестидесяти сантиметров. У ленивцев одного вида на каждой лапе по три пальца, а у другого — только по два. У всех ленивцев тупой нос и небольшая круглая голова. Глаза и уши у них очень маленькие. Они плохо видят, а слух у них не лучше зрения, но обоняние и осязание отличное. Пальцы ленивца вооружены длинными изогнутыми когтями. Ими он цепляется за ветви и передвигается по их нижней стороне, по очереди переставляя лапы. Южноамериканских ленивцев справедливо называют «необычайными животными» современности. И уж, конечно, заслужили название «необычайных животных прошлого» их родичи, жившие в конце ледникового периода. Мы имеем в виду гигантских ленивцев, о которых уже шла речь в первой главе. Как раз за одним из таких животных охотился саблезубый тигр близ асфальтовой ямы Ла-Бреа. Более странного зверя трудно себе представить. Самые крупные ленивцы в длину превышали шесть метров, а высотой превосходили слона. Ученые называли это животное «милодоном».

У милодона был толстый и тяжелый хвост и очень сильные задние ноги. Лапы у милодона были вооружены большими изогнутыми когтями. Громадные и неуклюжие, звери эти были совершенно безобидными. Больше всего на свете они желали, чтобы их оставили в покое, и когти они использовали отнюдь не в качестве оружия.

Излюбленной пищей гигантского ленивца были листья и нежные веточки. Чтобы добраться до них, зверь пригибал ветви, захватывая их своими кривыми когтями. Затем

его длинный, очень цепкий язык быстро срывал листья и отправлял их в пасть.

Выкапывая корни, милодон порой подрывал и опрокидывал большие деревья; нередко находят скелеты милодонов с переломанными костями, и такие находки свиде-

тельствуют, что многие из этих неуклюжих зверей гибли под обрушившимися деревьями.

У гигантского ленивца была густая жесткая шерсть. Волосы были очень ломкими, как и у современного ленивца. Кожа одного из видов ленивца с внутренней стороны была усажена костными «бляшками», создававшими некоторое подобие брони. Вероятно, ни один хищник того времени, кроме саблезубого тигра, не был опасен взрослому ленивцу такой породы.

Мы узнали об этом панцире в результате замечательного открытия, совершенного в одной из пещер в бухте Ласт-Хоуп (Патагония). Здесь были обнаружены признаки сравнительно недавнего пребывания ленивцев; они обитали в этой пещере несколько сот лет тому назад. Человек, по-видимому, ловил этих зверей живьем. В пещере Ласт-Хоуп, во всяком случае, ленивцы содержались в неволе, находились в «стойле», как домашние животные.

Множество костей и кусков кожи нашли на дне пещеры, в дальней и сухой ее части, в поверхностном слое — скопления пыли и помета наземного ленивца. В этом же слое обнаружены были изготовленные человеком каменные и костяные орудия.

На сухом дне сырость не повредила кости и кожу. Поэтому они и сохранились. Сохранились даже клочки мяса и сухожилий, а местами и шерсть.

До открытия, совершенного в этой пещере, предполагалось, что гигантский ленивец вымер много тысячелетий назад. И вот теперь мы узнали, что эти ленивцы жили не так уж давно, во всяком случае, в ту пору, когда люди уже достигли самой южной оконечности американского материка. Я немало дал бы, чтобы узнать, как первобытные люди сумели загнать в пещеру огромного, гигантского ленивца. Возможно, тут действовала целая группа охотников. А может быть, подобно медведям, эти животные селились в пещерах? В этом случае, охотники, обнаружив ленивцев в их логовище, могли заградить выход из пещеры стеной, сложенной из камней. А затем животных кормили, кидая им охапки травы и листьев. Разумеется, нужно было приносить им также и воду. Возможно, что ленивцев предназначали на убой.

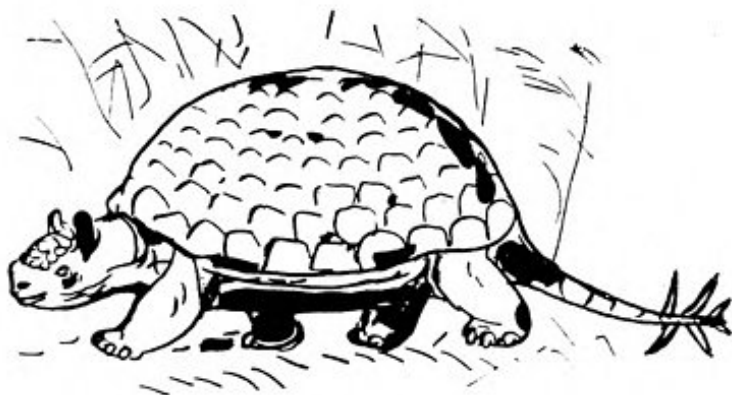
Все это, конечно, лишь догадки. Никто не знает, почему останки гигантского ленивца оказались в пещере вместе с каменными ножами первобытного человека. Но эта находка доказывает, что гигантский ленивец существовал еще сравнительно недавно.

Найдено (особенно в Аргентине) много скелетов гигантских ленивцев. Эти животные развились в Южной Америке, когда она была «островным» континентом. Позднее Северная и Южная Америки соединились, и тогда гигантские ленивцы расселились и в Северной Америке. Их останки находят в различных областях Соединенных Штатов. Очевидно, ленивцы чувствовали себя здесь все же не очень хорошо; поэтому все они вымерли, не оставив потомства.

Гигантский ленивец — представитель группы млекопитающих, известных под латинским названием «*Edentates*» («неполнозубых»). У животных этой группы зубов нет совсем или они недоразвиты, то есть лишены эмали и корней. Эти зубы похожи на колышки и устроены очень просто. Кроме древесных ленивцев, к неполнозубым, живущим в наше время, относятся муравьеды и броненосцы, или армадиллы.

ГЛИПТОДОНТ

Одновременно с гигантским ленивцем жило и другое необычное существо — глиптодонт. Глиптодонт был более или менее близким родичем современного армадилла. У армадилла панцирь сочлененный, состоящий из скрепленных друг с другом костяных пластинок, покрытых роговым слоем. «Пояса» в средней части панциря играют роль шарниров, и животное может свертываться в шар. Такой прием спасает животное от опасных поползновений разных хищников.

У огромного глиптодонта панцирь, или щит, был жестким, а не сочлененным, так что животное не могло свертываться подобно тому, как это делает армадилл. Да оно и не нуждалось в панцире, так как и без того ни один враг не мог принести ему вреда. Верхняя часть головы у глиптодонта также была защищена костяным щитом; в «броню» был закован и толстый тяжелый хвост, к тому же снабженный на конце громадными шипами. Этот хвост мог раскачиваться, подобно боевой палице, и был грозным оружием.

Когти на пальцах армадилла приспособлены для копания в земле. Короткие же круглые лапы глиптодонта вооружены были тупыми, копытоподобными когтями. Глип-

тодонт с виду казался гигантской сухопутной черепахой; в длину он нередко достигал пяти метров.

Глиптодонты бесстрашно, под защитой панциря, бродили по степям. Когда зверь умирал, от него оставался гигантский панцирь. Один ученый высказал предположение, что первобытный человек этими панцирями пользовался как укрытиями в случае плохой погоды. Что же, гипотеза эта вполне вероятна, хотя и не доказуема.

Глиптодонты жили в тех же местах и в то же самое время, что и гигантские ленивцы. Подобно гигантским ленивцам, они переселились в ледниковом периоде в Северную Америку, где позже вымерли. Теперь от этих животных остались только кости и панцири.

ИРЛАНДСКИЙ ЛОСЬ

В эпоху, когда в Америке водились наземные ленивцы и глиптодонты, по Ирландии и Северной Европе бродил любопытнейший зверь — ирландский лось, самый крупный представитель оленьего племени. Впрочем, лосем называют его несправедливо. Животное это было не настоящим лосем, а предком современной лани — маленького пятнистого создания, которое можно часто встретить в европейских парках и заповедниках.

Когда ирландский лось стоял во весь рост, в холке высота его была около двух метров, а расстояние между его гигантскими ветвящимися рогами превышало четыре метра. Поистине это было царственное животное!

Но нередко тяжелые рога доводили этих лосей до гибели. Ирландия богата торфяными болотами. Самцы бродили по торфяникам — их привлекала вода и нежная зелень; и если они попадали в предательскую трясину, то вырваться из нее им уже не удавалось: слишком тяжелы были их великолепные рога.

Почти в каждом торфянике Ирландии покоятся скелеты одного или нескольких ирландских лосей. Прекрасно со-

хранившиеся кости находят, когда добывают торф на топливо. Но останки лосих удается обнаружить лишь в редких случаях. Лосихам легче было вырваться из смертоносных ловушек — ведь они были безрогие.

Шея ирландского лося была очень сильной и крепкой, и это понятно — массивные рога требовали хорошей опоры. Но в целом костяк был хрупким и изящным. Голова была невелика для такого громадного животного. Тонкие стройные ноги и маленькие изящные ступни.

Какое это было чудесное зрелище — живой ирландский лось! Дух могло захватить при виде его силы и красоты. Впрочем, некоторые ирландцы, вероятно, видели красавца-зверя, ибо ирландские лоси вымерли лишь несколько веков назад.

Трудно объяснить, почему у ирландского лося появились громадные рога. Почему они выросли такими большими?

Конечно, пользы от них было мало. Они годились разве что для драки с себе подобными!

Такое же явление мы наблюдаем у нашего современного американского оленя. Его рога настолько велики, что они уже сейчас, случается, оказываются причиной гибели этих животных.

ТИТАНОТЕРИЙ

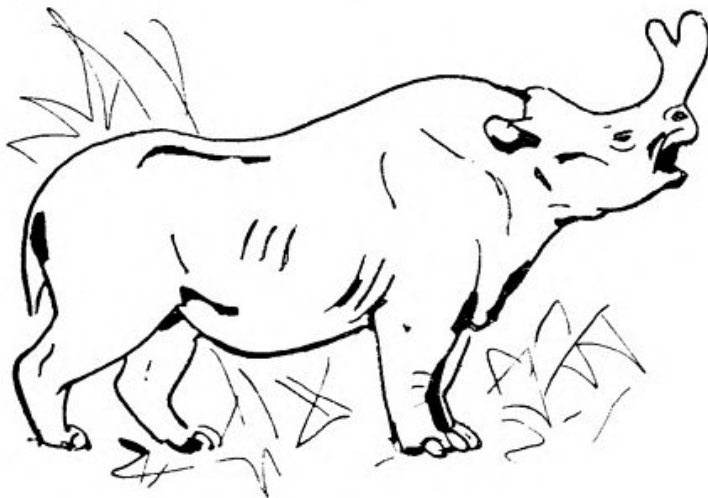
Слово «титанотерий» означает «гигантское животное». У этого странного существа нет другого имени. Титанотерий был удивительным созданием, довольно близким родичем лошади и несколько более далеким — носорога. По ископаемым костям было выделено около двухсот разновидностей титанотериев. Семейство титанотериев появилось в эоценовую эпоху Века Млекопитающих. Оно процветало почти двадцать миллионов лет, а затем исчезло с лица Земли.

История развития титанотериев поразительна. Самые первые титанотерии были не очень велики и безобидны. Однако от них-то и произошел в конце концов бронтотерий — исполинский «зверь-громовержец».

Это было гигантское и наводящее ужас существо, несколько похожее на носорога, но, конечно, значительно более крупное, высотой в холке до двух с половиной метров. На носу у бронтотерия был большой плоский рог, раздвоенный на вершине. Это был костяной вырост на черепе. Череп титанотерия, начиная от носа, был не выпуклым, а вогнутым, подобно суповой миске. В черепе такого животного места для мозга было очень мало.

До моей экспедиции в Монголию титанотерии были известны только в Америке. Тем не менее, видный палеонтолог, профессор Осборн, долго изучавший их, как раз перед моим отъездом в Центральную Азию сказал: «Ищите титанотериев! Я думаю, они пришли к нам именно из Азии». И он был прав. Почти сразу же мы нашли ископаемые остан-

ки титанотериев самых различных видов.

Об одном из них профессор Осборн отзывался как о наиболее примечательном и необычном ископаемом, найденном в Монголии. Череп его был очень похож на большое ковбойское седло и сходство это усугублялось тем, что нос напоминал седельную луку.

Профессор Осборн решил, что животное использовало громадный нос как таран, молот и рог. Он назвал этого титанотерия в мою честь *Embolotherium Andrews*, что в переводе с латыни означает «тарано-зверь» Эндрюза. Такие титанотерии, очевидно, никогда не покидали пределов Азии, так как больше нигде на свете не находили их останков.

МОРОПУС

Из всех диких доисторических зверей моропус, бесспорно, самый удивительный. Ученые так и не решили, как произошло это животное. Оно принадлежит к вымершему семейству халикотериев. Халикотерии входят в ту же

группу, что и лошади, тапиры, носороги и титанотерии. Но помимо особенностей, свойственных для всех животных этой группы, моропусы обладали и иными характерными чертами.

Шея и голова у моропуса похожи на лошадиные. Короткая, выгнутая дугой спина, покатые бедра и куцый хвост такие, как у тапира. Истирающие зубы имеют сходство с зубами титанотерия. Ноги и ступни похожи на носорожьи. Но совершенно необычны пальцы моропуса. Они оканчиваются большими когтями, тогда как и у лошади, и у тапира, и у носорога на пальцах копыта.

Первые кости халикотерия были найдены в Западной Европе. Изучив зубы, ученые предположили, что некоторые кости принадлежат ближайшему родичу титанотерия, а когти, вероятно, не что иное, как останки другого зверя, может быть, крупного неполнозубого, подобного гигантскому ленивцу.

Но позднее удалось найти полный скелет. Кости пальцев были вооружены когтями, а в челюстях сидели истирающие зубы. Такое животное еще никогда не находили. Ученые пытались представить себе, почему у копытного живот-

ного, подобного лошади, появились когти. Как ни старались они, но объяснить это им так и не удалось.

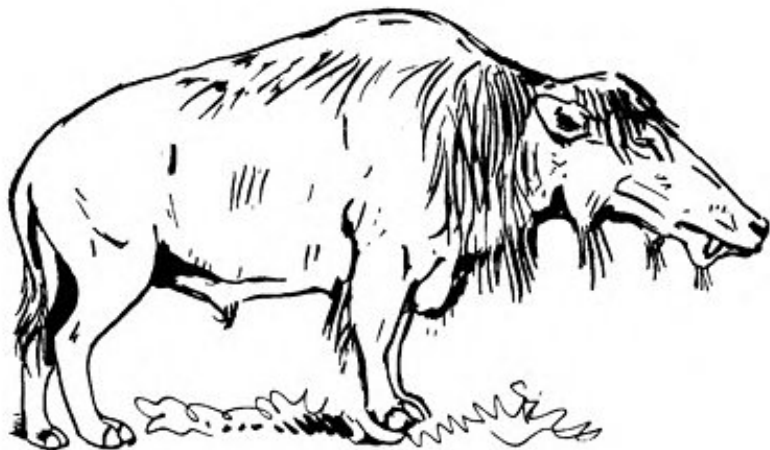
Ископаемые останки халикотериев найдены в Европе, Америке и Монголии. В пустыне Гоби мы нашли место, где десятки их черепов и костей образовали целый пласт. Возможно, животных погубила какая-то катастрофа. Но более вероятно, что кости их были принесены быстрым потоком и отложились в заводи или в омуте.

ДИНОХИУС

Динохиус — еще одно животное, облик которого кажется совершенно неправдоподобным. Он принадлежал к группе «энтелодонтов», обычно называемых «гигантскими свиньями». На самом деле животные эти не очень были похожи на свиней. Они столь же далеки от свиней, как и от жвачных.

Динохиус был очень безобразным животным, высоким и неуклюжим. На ногах у него было по два пальца, его очень большая голова с длинной мордой была вооружена двумя

мощными клыками. Клыки и все резцы были похожи на зубы хищника, а не травоядного животного. Но коренные зубы напоминали свиные.

Эти громадные звери, должно быть, были всеядными и, подобно медведям, свиньям и человеку, употребляли и растительную и животную пищу. В пустыне Гоби мы нашли множество ископаемых останков энтелодонтов.

ДРУГИЕ ДИКОВИННЫЕ ЗВЕРИ

Существовало много иных диковинных зверей, однако мы ограничимся лишь кратким их перечнем. Вот один из них — гигантский австралийский кенгуру. Когда он сидел на задних лапах, то в высоту достигал трех метров. Хвост у него был очень длинный, голова больше лошадиной. Самка даже с малышом в сумке могла совершать семиметровые прыжки.

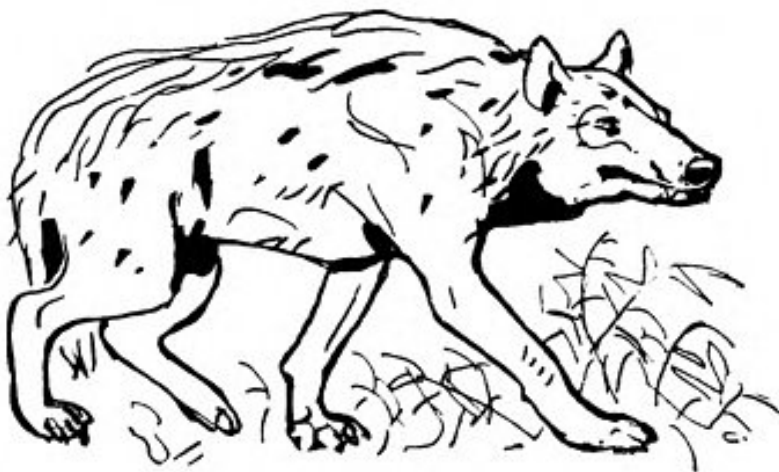
Существовал также верблюд, вероятно безгорбый, с шеей, как у жирафа. Такой верблюд мог срывать листья с верхушек деревьев.

Не менее диковинным созданием был уинтотерий. Он был громаден и на голове нес шесть «рогов». Но рога эти были не настоящими, как у коровы, а всего-навсего представляли собой костяные выросты. Рога и острые кинжалоподобные верхние клыки придавали зверю страшный вид. Зверь этот был очень глуп. От поколения к поколению размеры его тела возрастали, тогда как мозг не увеличивался. Поэтому, возможно, весь род уинтотериев бесследно вымер в конце эоцена.

До сих пор я писал только о травоядных или о всеядных животных. Но существовали ведь и хищники. Начиная с эоцена и в течение всего Века Млекопитающих они, как и современные хищники, убивали и пожирали других животных.

Самого крупного хищника я нашел в Монголии, в Долине Драгоценностей. Он был больше всех хищников, как вымерших, так и живущих в наши дни. Его называли в мою честь *Andrewsarchus*. Это было громадное, подобное волку, существо, длиной около четырех метров, не считая хвоста. Высота зверя в холке была около двух метров. *Andrewsarchus* жил в эоцене, сорок пять — пятьдесят миллионов лет назад. Пока найден только один экземпляр этого зверя.

Следующим наиболее страшным из хищников была гигантская саблезубая кошка, которую часто называют саблезубым тигром. Об этом звере я уже писал в первой главе. Саблезубый зверь не был истинным тигром. Пропорции его тела были совершенно иными. Передние лапы были намного длиннее и тяжелее, чем у тигра, задние же — короче и слабее. Следовательно, зверь не мог прыгать так далеко и легко, как современный тигр. Но уж если когти вонзились в тело жертвы, то смерть ее была неизбежна.

Саблезубые хищники жили на всех континентах, кроме Австралии. Самые крупные обитали в Северной и Южной Америке. Остается загадкой, почему они повсеместно вымерли в течение ледникового времени.

10. ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ И ПЕЩЕРЫ

О первобытных млекопитающих мы много узнали по их ископаемым останкам. И особенно хорошо нам удалось изучить животных ледникового периода; помогли нам современники этих животных — люди, жившие в те давние времена. Они запечатлели облик многих зверей в рисунках и статуэтках, и эти произведения первобытного искусства часто находят в различных пещерах.

Самым страшным из всех хищников был зверь, которого называли «саблезубым тигром». В Америке люди не стались с саблезубыми тиграми; эти свирепые кошки исчезли там до появления человека. Но в Европе наши далекие предки, неандертальцы, вели с ними ожесточенную борьбу. Было это в ледниковое время, то есть 30-100 тысяч лет назад.

Неандертальцы выглядели не очень привлекательно. Сто тридцать сантиметров — таков был рост женщин. Мужчины были чуть выше, в среднем 165 сантиметров. Неандертальцы были приземисты, шея у них была короткая, руки длинные, ноги толстые и кривые.

В большинстве это были люди с низким, скошенным лбом и резко выступающими надбровными дугами. Подбородок у них был мал, а челюсти массивны.

Неандертальцы жили охотой. Сначала они разбивали свои стоянки под открытым небом. Но год от году климат становился все холоднее — с севера наступали льды, — и неандертальцы вынуждены были искать убежища в пещерах.

Но легко сказать: найти подходящую пещеру! В лучших из них обычно жили пещерные медведи. Это были грозные звери, размером с крупного гризли. Прежде чем захватить пещеру, человек должен был выгнать оттуда медведя, и его, по всей вероятности, выкуривали дымом.

Оберегаясь от диких животных, люди часто сооружали каменные стенки поперек входа в пещеру. Медведи норили вернуться в свое исконное обиталище, и отогнать их

мог только огонь, пылающий у входа в пещеру.

Пещерные медведи были очень похожи на наших европейских бурых медведей, но только голова у них была больше, а ноги — короче. Они в изобилии водились в Европе в ледниковое время. Между пещерными медведями и нашими древними предками шла постоянная война. Во Франции в одной из пещер нашли более 300 медвежьих скелетов. В одном из черепов глубоко засел каменный топор. Но нашим древним предкам приходилось вести борьбу за пещерные жилища не только с медведями и саблезубыми тиграми. Львы и гиены также стремились проникнуть в пещеры. Особенно опасны были львы — звери свирепые, стремительные, сильные.

Неандертальцы не оставили нам рисунков животных ледникового периода; это сделали люди, жившие после них. Мы называем их кроманьонцами. Жили они от пятнадцати до тридцати тысяч лет назад и создали древнейшие в истории человечества произведения искусства. Эти люди рисовали на стенах пещер и лепили из глины фигурки животных. Их картины настолько точны, что служат для нас неисчерпаемым источником сведений о вымерших животных ледникового периода.

Большинство пещер с такими рисунками находится в горах Франции и Испании. Некоторые, и при этом интересные, пещеры открыты были детьми.

Одну из пещер исследовали три юных сына графа де Бержуи. Они как-то заметили, что в пещеру уходил небольшой ручей, и решили дознаться, куда он течет. Однажды на лодке они проникли под низкие своды пещеры. Вскоре узкий коридор расширился, и мальчики оказались в подземной галерее. Осветив ее стены, они увидели множество мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов и других вымерших зверей.

Мальчики, разумеется, были потрясены своим открытием. Ведь они и помышлять не могли о такой находке. Затем они отправились дальше и, в конце концов, нашли на одной из стен небольшое отверстие, скрытое обвалившимися камнями. Этот узкий ход казался очень заманчи-

вым и очень страшным. Мальчики с трудом протиснулись в щель; она вела в низкий и тесный коридор, который круто уходил вверх.

Этот ход неожиданно вывел мальчиков в величественный зал; в длину он достигал по крайней мере пятнадцати метров, а в ширину и в высоту семи и четырех метров соответственно. В свете факелов им открылось удивительное зрелище — в дальнем конце зала они увидели круг, выложенный из камней, а неподалеку к куче земли привалились два огромных бизона — впереди самка, сзади самец. Бизоны эти были глиняные, и глина казалась совсем еще мягкой. В пещере было сыро, поэтому она совсем не отвердела — ясно заметны были даже отпечатки пальцев скульптора. На полу виднелись следы его ног и когтей пещерных медведей. Пещера сохранилась в таком виде, в каком она была тысячи лет назад, в тот момент, когда ее окончательно покинули люди. Позже мальчики нашли еще одну большую пещеру, стены которой были покрыты изображениями животных ледникового периода.

В 1897 году в Испании археолог Марселино де Саутуола в поисках доисторических каменных орудий вел раскопки у входа в большую пещеру. С ним была его маленькая дочка. В то время как отец работал, она бродила внутри пещеры. В одном из гротов в левой части пещеры она увидела на самом своде удивительные рисунки. Она бросилась к отцу с криком «toros, toros!» (быки, быки!) и привела его в грот. И глазам археолога представилось удивительное зрелище. Он увидел на темном своде пещеры вереницы быков, оленей и других зверей. Одни рисунки были выполнены красной, другие черной краской, нередко той и другой одновременно, причем тени наложены были мастерски. И так точно и искусно были зарисованы звери, что без труда можно было определить, к какому виду они относились.

Столь же примечательное открытие совершил в Южной Франции четырнадцатилетний мальчик Давид.

В поместье своего отца, неподалеку от дубовой рощи, Давид обнаружил в склоне холма большую нору. «Вероятно, — подумал он, — это вход в пещеру. Стоит взглянуть, ку-

да он ведет». И вот в июле 1922 года он пробрался сквозь эту нору в какую-то галерею. Она вела в крошечную тьму. Давид со свечой в руках двинулся в путь. Галерея постепенно расширялась и вскоре привела его в грот с высоким сводом. Из этого грота уходила вдаль галерея, которая была шире, чем тот коридор, который соединял грот с входным отверстием.

Давид отправился домой, рассказал о своем открытии отцу, а тот сразу же позвал местного священника, который очень интересовался пещерами. Все трое отправились в новооткрытую пещеру. Путешествие это едва не привело их к гибели — в одном из ходов их чуть было не удушили ядовитые газы. Выбравшись из опасной щели, они попали в огромную галерею — ширина ее была метров десять, длина около ста метров, а высота восемь метров. И... чудо из чудес — сорок рисунков, выполненных красной и черной краской, украшали ее стены. Здесь были изображены мамонты, бизоны, лошади, рыбы. Все рисунки были испещрены таинственными знаками.

Другой французский исследователь, Кастере, изучил любопытнейшую пещеру Монтеспан. В нее можно попасть, только следуя по течению подземной реки. В этой пещере много больших залов и длинных галерей. И есть там подлинная художественная галерея-коридор длиной около 250 метров. Стены этой галереи украшены изображениями бизонов, диких лошадей, мамонтов, северных оленей, гиен. Еще интереснее глиняные фигуры медведей, лошадей и тигров.

Одна из фигур, безголовый медведь, лежала на дне пещеры. Тридцать ударов копьем оставили на фигуре свои отметины. К стене были прислонены фигуры трех тигров и еще одного медведя, испещренные неровными отверстиями. Ученые предполагают, что эти «шрамы» — следы копыя. Глиняные модели зверей служили людям мишенью. Вероятно, доисторические обитатели пещеры полагали, что животное гораздо легче убить на охоте, если сперва удастся «поразить» его глиняную модель.

Все эти удивительные находки дают нам яркое представление о первобытном человеке и об условиях его существования. Рисунки и скульптуры наших предков повествуют о многих диких животных, которые давно уже исчезли с лица Земли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Животный мир на Земле не сразу стал таким, каким мы его знаем. Он прошел долгий путь развития — от простейших одноклеточных организмов до «венца творения» — человека.

В процессе развития одни животные совершенно вымерли, а другие приспособились к новым условиям обитания и так изменились, что мы едва узнаем их в потомках тех чудовищ, которые в давно минувшие времена жили на Земле.

Находя ископаемые останки этих животных, ученые воссоздают по костям облик былых обитателей Земли.

Нам хорошо известны древние пресмыкающиеся — различные ихтиозавры, динозавры, птеродактили, — но как это ни странно, мы мало знаем о древних млекопитающих. Каких вымерших зверей мы можем назвать? Мамонта, саблезубого тигра, пещерного медведя — вот, пожалуй, и все. Конечно, гигантские ящеры куда сильнее поражают наше воображение, чем «скромные» предки современных млекопитающих. И, вероятно, именно поэтому так много написано о древних пресмыкающихся и почти нет книг о прародителях наших лошадей, кошек и собак. Между тем, многие из этих «скромных» предков не менее диковинны, чем крылатые и рогатые ящеры.

Этим диковинным зверям и посвящена настоящая книга. Автор ее, известный американский ученый Рой Эндрюз, неутомимый и страстный охотник за древними зверями. Он принимал участие во многих экспедициях, которые вели поиски окаменелых останков различных животных. Он побывал и в ущельях Скалистых гор и в пустынях Монголии и открыл много новых видов вымерших животных. Его выдающиеся заслуги признаны ученым миром, и несколько древних зверей названы его именем. Эндрюз не только выдающийся исследователь, но и талантливый мастер слова. Под его пером оживают картины далекого прошлого, и, читая его книги, мы переносимся в те времена,

когда землю населяли гигантские ленивцы и саблезубые тигры.

Много места в книге уделено описанию будней монгольской экспедиции, участником которой был автор. Мы невольно заражаемся энтузиазмом охотников за окаменелостями и разделяем те чувства изумления и радости, которые они испытывали в минуты своих замечательных открытий.

Но при этом мы не должны забывать, что Эндрюз и его сотрудники шли в пустыне Гоби по следам выдающихся русских путешественников и ученых — Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, В. А. Обручева. Ведь именно академик В. А. Обручев в 1892 году, за 30 лет до Эндрюза, нашел в Монголии зуб третичного носорога. Другой русский ученый, академик А. А. Борисяк, работы которого упоминает Эндрюз, предположил, что в Монголии могут быть обнаружены очень интересные ископаемые животные. Это указание А. А. Борисяка было путеводным для американских ученых. Следует отметить, что в 1946-1949 годах советскими учеными в Монголии были проведены чрезвычайно интересные и плодотворные исследования. Экспедиции возглавлял видный палеонтолог профессор И. А. Ефремов, которого все наши читатели знают как автора увлекательных научно-фантастических повестей. Об этих экспедициях написаны очень интересные книги самого И. А. Ефремова («Дорога Ветров», 1958) и его сотрудника А. К. Рождественского («На поиски динозавров в Гоби», 1954). В этих экспедициях принимал участие крупнейший специалист по древним млекопитающим профессор В. И. Громов, который просмотрел текст русского перевода настоящей книги и сделал ряд очень ценных замечаний.

Мы надеемся, что книга Р. Эндрюза будет прочитана с большим интересом и в известной мере восполнит тот пробел, который существует в нашей научно-популярной литературе.

Д. Сонкин

Библиография

По следам первобытного человека

Публикуется по изд.: Эндрьюс Р. Ч. По следам первобытного человека. [Л.]: П. П. Сойкин, 1927. Книга представляет собой несколько сокращенный перевод изд.: Andrews Roy Chapman. *On the Trail of Ancient Man: A Narrative of the Field Work of the Central Asiatic Expeditions*. N.Y.-London: G. P. Putnam's Sons, 1926.

В тексте исправлены наиболее очевидные опечатки. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Имена и названия географических локаций, термины и т. п., как правило, оставлены без изменений и по возможности унифицированы. Ошибочные подписи к иллюстрациям, приведенным на с. 63 и 107, исправлены согласно американскому изд. Фотография, приведенная на с. 6, взята из собрания Американского музея естественной истории и не содержалась в оригинальном издании 1927 г.

Диковинные звери

Публикуется по изд.: Эндрьюс Р. Диковинные звери: О животных далекого прошлого. [Пер. и] послесл. Д. А. Сонкина. Худ. Г. Е. Никольский. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. Книга является переводом изд.: Andrew Roy Chapman. *All About Strange Beasts of the Past*. New York: Random House, 1956.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.